

Начало века

2023

№ 1

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2023/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Владимир КРЮКОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Андрей Гришков.
«Улица Советская». Оргалит, масло.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- Сергей МАКСИМОВ**
Агитбригада 2
- Галина КЛИМОВСКАЯ**
Однажды засушливым летом 27
- Александр КЕРДАН**
Рассказы 34

ПОЭЗИЯ

- Евгений ВЯЗАНЦЕВ**
Снежная сюита 49

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЁТ

- Елена КИРИЛЛОВА**
В траве сидел кузнечик... 52
- Бердская коса 63

ПРОЗА

- Арсен ТИТОВ**
Сентябрь 67

ПОЭЗИЯ

- Андрей ХАРЛАМОВ**
Горизонт 93

ПРОЗА

- Дмитрий БАРЧУК**
Версаль 98
- Татьяна МЕЙКО**
Большое сердце 107
- Владимир КОЗУБОВ**
Особенности национальной
рыбалки 119

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

- Четверги 131

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Анатолий МУРАВЛЁВ**
Встреча с внуками Михаила
Шатилова 134

К 100-ЛЕТИЮ М. М. КАРБЫШЕВА

- Конкурс, достойный его памяти 138

- АВТОРЫ НОМЕРА 158

Сергей Максимов

АГИТБРИГАДА

Перед командировкой в зону СВО захватило чувство тревожного ожидания и такой же тревожной готовности ко всему, что может случиться. Столь знакомое мужчинам, служившим в армии... Для новобранцев – часто первый настоящий опыт преодоления страха неизвестности... За время службы не один раз это может повториться, при переводе из одной воинской части в другую. Прямо скажу, не очень приятное солдатское чувство, определяющее неустойчивое состояние души... Когда рождается истинное осознание, что судьба и сама жизнь тебе не принадлежат. Именно по этой причине в некоторых профессиях служба в армии является обязательной составляющей биографии и признаком профессиональной пригодности.

– Вылетает девятого августа военным бортом из Чкаловска. От Союза писателей вместе с тобой летит поэт Ольга Хмара, – кратко, по-военному, конкретизирует по телефону детали председатель союза Николай Фёдорович Иванов.

Дальнейшая конкретика поражает серьёзностью подхода. Выясняется, что командировку осуществляет Министерство обороны, в свою очередь выполняющая поручение ещё более высокой инстанции. На пути в Москву от военного куратора подполковника Голубцова получаю списочный состав группы. Взглядом упираюсь в фамилию Драпеко... Елена Григорьевна. Та самая Лиза Бричкина из «А зори здесь тихие» Станислава Ростоцкого. Любимая и для меня, и для многих актриса. Депутат Государственной Думы многих созывов. Заглавие документа и вовсе повергает в изумление – агитбригада. Быть того не может! Сколько программ агитбригад я поставил как режиссёр в своей жизни – не сосчитать. Полагал, что сам жанр исчез вместе с СССР и с руководящей ролью Коммунистической партии. И вот на тебе – агитбригада. Всё правильно. Фронтальная концертная бригада, по сути, и есть агитбригада. Теперь кроме артистов в неё входят вместо политработника политолог и военный эксперт.

На КПП аэродрома встречает подполковник Голубцов. Константин Александрович представляет нас друг другу. Знакомимся. Хотя с Ольгой Хмарой уже созванивались. Даже детали выступлений обговорили. Ольга тоже поющая... Условились, что в роли аккомпаниатора отработаю я. Дело для меня привычное и хорошо знакомое. Актриса театра Александра Калягина Анна Артамонова тоже с гитарой.

– А Драпеко разве не летит? – интересуется Анна.

– Она сюда как домой ездит. К центральному входу аэродрома, как к своему подъезду, подъезжает, – поясняет ветеран боевых действий и наш военный эксперт, полковник Борис Александрович Сметанин.

Политолог Константин Блохин улыбается. Он почти всегда улыбается. Но назвать его человеком улыбчивым нельзя. Слишком немногословный для

своей профессии, Константин Владимирович отличается умением органично молчать, выражаясь театральной лексикой.

Смешанный авиаполк за КПП встречает аллеей с бюстами героев, в разные годы служивших в части. Минуем взлетающий с постамента «МиГ-21». Проходим дальше, к зданию аэродрома. В отремонтированном по современным стандартам огромном здании накапливается народ... Кроме военнослужащих самых различных родов войск – представители Единой России, волонтеры Народного фронта. Гражданские специалисты... И военные, и гражданские, все – особые люди... Оказывается, в обществе достаточно давно существует целый социальный пласт, с которым никогда прежде не пересекался. Многие знакомы по многочисленным в последние годы горячим точкам. От Афганистана и Кавказа до Сирии и Донбасса. Нужно вспомнить и Югославию. Обнимаются, целуются. Искренне рады встрече друг с другом. Здесь же молодёжная рок-группа, вылетающая нашим бортом. Невольно привлекает взгляд мощный, мужественный облик военного корреспондента медиа-холдинга «Комсомольская правда» Дмитрия Штешина. Впервые вижу его не в репортаже с телеэкрана. Куда кто летит, надо разбираться. А пока почти все считают обязательным подойти к только что прибывшей Елене Григорьевне. Тот случай, когда надо держаться ближе не к кухне, а к начальству. Тем более, что никакой кухни или кафе на военных аэродромах не предусмотрено. Поэтому первое, что тебе говорят, это – что нужно брать с собой еду и больше воды. Вода при боевых действиях – продукт стратегический. Куда бы ни ехал, воды берёшь максимально больше. Не выпьешь – оставишь тому, кому она может пригодиться.

Черeda «сюрпризов» продолжается. Выясняется, что вылетаем не в Донецк, а в Белгород. Вообще-то я намеревался лететь на Донбасс... Эмоциональная, как и положено настоящей актрисе, Анна Артамонова тоже сетует, жалуется Елене Григорьевне:

- Я на Донбасс собралась. А Западная группа войск – это же не Донецк.
- Война – везде война. Навоюешься ещё, деточка, – утешает её Драпеко.

Мудрая Елена Григорьевна знает, что говорить ребёнку. Хотя у деточки, как выясняется, четверо своих детей.

Совершенно этим не бравидуя, Анна, высокая, стройная, похожая на молодую Ирину Алфёрову, позже, из концерта в концерт, достаточно обыденно будет объявлять:

- Конечно, прежде всего я – мама.

Облик Анны у зрителя плохо ассоциируется с общепринятым обликом многодетной мамы.

Военный борт – советский «Ту-154», на памяти которого, наверно, рейсы ещё в Афганистан. Отличие от гражданского – экипаж, состоящий из военных лётчиков. По-прежнему надёжная, боевая машина. Разве только приспособление для отстреливания тепловых ловушек отсутствует. Вряд ли такая износостойкость присуща заполнившему воздушное пространство России гражданским «Боингам».

Уже в самолёте очередной сюрприз... Будем работать вместе с концертно-эстрадной группой Краснознамённого ансамбля песни и пляски Российской Армии имени Александрова. Из этого следует, что полуторачасовое выступле-

ние нашей бригады нужно нещадно сокращать. Казалось бы, простое дело, если бы не самодостаточность участников, каждый из которых привычно способен работать сольно. Да ещё и с разными программами. Недоумеваем, но понимаем и то, что исполнительский уровень военных музыкантов таков, что их творческая самодостаточность самого высокого уровня. Причины столь необычного состава объединённой концертной бригады станут понятны позже. А пока ясно только то, что александровцы уже в Белгороде. И первое наше совместное выступление завтра. В одном из госпиталей.

Маршрут, как выясняется, более чем просто путаный. В первой половине: Москва – Ростов-на-Дону – Анапа – Севастополь... Точнее – Бельбек. Перед конечным пунктом снова – Ростов. В полёте по расположению солнца в иллюминаторах лайнера становится понятно, что борт делает большой крюк, облетая стороной Донбасс, с учётом радиуса действия вражеских ракет «земля – воздух». Достаточно очевидна причина закрытия воздушного пространства юга России для гражданских самолётов.

Чёрное море проплывает под крыльями лайнера как личные воспоминания о детстве и отрочестве. Меньше чем за час. В Бельбеке командир борта снова берёт на себя функции стюардессы:

– Упаси вас Боже что-то снимать. Дело будете иметь с ФСБ. А главное, если чей-то бортовой номер засветит – людей под удар подставите. За бортом плюс тридцать пять... Ветер семнадцать метров в секунду. По трапу спускаемся аккуратно. Иначе самостоятельно взлететь можете...

Но все предупреждения скорее формальность. Большинство пассажиров люди бывалые и без указаний знают, что можно делать, а что делать не следует. Дует моряк. При такой температуре и таком ветре влага из тела вылетает в пять минут. Не зря было говорено не раз: «Берите с собой больше воды».

Во время перекура кто-то угощает «трофейными» украинскими Marlboro. Несмотря на красно-белую раскраску пачки, к настоящим они имеют мало отношения из-за неистребимого махорочного привкуса. И такой же махорочно-го свойства надписи: «Куріння небезпечно для вашого здоров'я».

Наш борт заправляется. Выгружается московская рок-группа. Музыкантам предстоят концерты в воинских частях и в госпиталях Севастополя.

– «Музыканты» из ЧВК Вагнера любопытно выгружаются, – замечает подполковник Голубцов. – Из серии «всё своё ношу с собой». Баулы, баулы, баулы...

Вместе с ним отслеживаем, чтоб не выгрузили по ошибке ничего нашего. В Ростове группа военных связистов вместе со своим оборудованием намеревалась выгрузить мою гитару. В армии за всем нужен глаз да глаз. Бросаются в глаза вооружённые укороченными автоматами рослые и мускулистые военные, загружающие в крытый грузовик почтовые отправления. Из рук в руки по цепочке бросают друг другу увесистые пакеты.

– Форму выгружают, – профессионально определяет наш полковник Сметанин.

– Не знай, что это почтальоны, их можно было принять за представителей спецназа, – замечаю я.

– Они и есть спецназ. Это фельдъегерская почта, – поясняет Голубцов.

На всех аэродромах, где доводится побывать, идёт непрекращающаяся боевая работа. Боевые машины нигде не застаиваются. Где-то неспешно вырывают на взлётку «К-52», где-то сразу поднимаются вверх военно-транспортные «Ми-восьмые». Дожидаются сотоварищей и берут курс, когда на северо-восток-восток, когда на запад истребители и штурмовики. В начале взлётной полосы и в её конце всех встречают и провожают бдительные ЗРК «Тор».

Только поздним вечером, после двенадцати часов перелёта с посадками и дозаправкой, мы оказались там, где нам следует быть... В Белгороде.

Утро следующего дня и первое выступление.

– Когда впервые прилетели в Афганистан, – рассказывает и напутствует перед началом концерта Елена Григорьевна, – пришлось сразу же выступать перед батальоном, только что выведенным из боя. Для большинства солдат бой был первый... Тут тебе и погибшие сослуживцы, и ранения тяжёлые и лёгкие, и контузии, и глухота после пальбы своей и чужой... Все грязные, в копоти, ошалевшие после боя... Им, чтоб прийти в человеческое состояние, нужно проплакаться, а лучше, если не посмеяться, то хотя бы улыбнуться.

Первое в моей жизни выступление, когда я поклонился не в конце концертного номера, а в начале выступления... Так и сказал:

– Хочу поклониться вам, ребята, за ваш тяжкий труд...

Раненые – особая категория зрителей. Они точно инопланетяне... Пришельцы из другого мира. И это читается в манере держаться. Люди воевавшие и без того, как правило, немногословные и сдержанные. Люди, обогащённые горьким фронтовым опытом боевого ранения, сплошь и рядом вовсе молчунны. Они знают о жизни и смерти больше других. Раненые в полном смысле – люди «не от мира сего»... А боевое ранение не тот житейский опыт, которым хочется делиться...

Все одеты по гражданке. Жара к тому же. Летние брюки и шорты. Футболки. Кроссовки, шлёпанцы. Позже уже в другом госпитале бросается в глаза любопытная деталь – некоторые бойцы носят на поясе ножи. Можно увидеть самые разные, от специальных ножей разведчиков до охотничьих. В принципе, ничего удивительного. С одной стороны, указывает на принадлежность владельца к спецназу или к разведке. А с другой стороны – особенность этой войны. Экипировку и часть вооружения можно отнести к личным вещам. А для кого-то – это дорогой подарок и талисман, не подлежащий сдаче в камеру хранения. Потом, у кого-то есть наградное оружие. Хотя, вероятно, этот вопрос целиком на рассмотрении администрации госпиталя. Не каждому раненому можно оставить какое бы то ни было вооружение. Даже холодное. Ветераны смотрят снисходительно.

– И мы такими были...

– Я уже ничему не удивляюсь. У меня это третья война, – говорит Елена Григорьевна.

– У меня четвёртая, – замечает легко раненый лет сорока.

– Милый мой, да когда же ты успел? – восклицает актриса и депутат.

Пожимает плечами:

– Успел...

Перед первым концертом александровцы недоумевают не меньше нашего. Действительно, зачем объединять в одно выступление два исполнительских коллектива? Упрёки адресуются представителю областной администрации, представившейся Марией.

– Не лучше ли было бы развести два коллектива по разным сценическим площадкам?

Ничтоже сумняшеся, молодой чиновник равняет двух полковников и подполковника. Не сказать, что военные рады такому обороту дел, но Мария непреклонна. Причина столь странного подхода к организации выступлений проясняется. Ансамбль Российской Армии – слишком лакомая цель для вражеских РДГ и артиллерии, чтобы отдельно афишировать их выступления. А так – агитбригада и агитбригада... Все всё поняли. Антидиверсионной борьбой в Белгороде озадачены не только воинские части и госпитали, но и гражданская администрация области.

Ансамбль Александрова – ансамбль, выступавший в годы Великой Отечественной перед дедами и прадедами нынешних бойцов. И преемственность ощущается на подсознательном уровне... О выступлениях коллектива нужно писать отдельный очерк. В данной ситуации автору приходится ограничивать себя. Каждый концертный номер, как и положено – законченное произведение искусства. Режиссёрски программа выстроена безупречно. Жанрово не хватает танцев. Но это не критично. С ансамблем выступают актёры Театра Российской Армии и три эстрадные солистки. Среди них заслуженная артистка России Татьяна Дерябкина. Век живи – век учись. Как режиссёр понимаю, что во фронтовой бригаде обязательно присутствие женщин. Любого возраста. Для кого-то женщина, по возрасту, подруга, для кого-то сестра, для кого-то мать. Может быть даже бабушкой. От лица родных и любимых актрисы и эстрадные певицы обращаются со сцены к самым дорогим своим зрителям и слушателям. Это всегда желанные артисты. Высказав, что положено, как депутату, Елена Григорьевна возвращается к профессии. Но прежде этого любимая, истинно народная актриса традиционно спрашивает:

– О войне будем говорить? Или о любви?

При упоминании войны по залу, или по открытой площадке, будь то госпиталь или воинская часть, или при выступлении перед *мирными*, и сейчас, и потом будет проходить лёгкий гул. С тем подтекстом, что «пошла она, эта война»...

У меня начинает складываться новая песня:

Разметал птах
огонь во все стороны,
и одни только
каркают вороны...
Да, бывает,
зарядом усиленным
дальнобойное
ухает филином...

Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.
Спой
любимую
песенку мне.
На войне –
не поют о войне...

Но всё же спел под гитару, песню «Рассказ Автомата Калашникова». Всё по делу... Но тут же пою о любви... «Мне снилась женщина» и «Русский мотив», поверх минусовки. Гитару для песен позже возьму в руки только один раз. А пока аккомпанирую Ольге. Насколько талантливая, настолько по-женски привлекательная, Ольга тоже корректирует свою программу. В следующих выступлениях петь она больше не будет. Из тех соображений, что чисто поэтическое слово из её уст более уместно. К тому же не стоит дублировать Анну. Не могу сдерживать добрую улыбку, глядя на наших девчонок. Если Анна похожа на Ирину Алфёрову, то у Ольги внешняя схожесть с певицей Валерией. Звёзды – одно слово. К тому же выясняется, что Ольга прекрасно двигается, присоединившись к танцующим медицинским работникам, которым александровцы, давние их знакомые, посвящают отдельный номер. А что до Анны, её пение далеко не актёрское, чего, казалось бы, следовало ожидать. Кроме того, что она актриса, она вполне себе самостоятельная вокалистка. К тому же весьма прилично владеет гитарой.

«Рвутся на фронт» – расхожая фраза. Скорее, штамп. Раненые рвутся в бой достаточно обыденно. Буднично и просто готовятся к тому, чтобы вернуться в строй. И вся гамма переживаний сводится к простому и житейскому: «Как там пацаны?». В одном из госпиталей женщины разговорили раненного в руку молоденького парнишку. Танкисты вообще не отличаются большим ростом. Этот к тому же – внешне подросток. Невысокий. Худой. На передовую парень именно *рвётся*. Оказывается, воюет вместе с братом. На контракт пошли сразу со срочной. Сдаётся мне, нужно выразить благодарность их командирам, разведшим двух братьев, как я понял, по разным экипажам. Были бы в одном – неизвестно, как сложились бы их судьбы. А так... Один воюет, а другой рвётся на фронт. К брату и к пацанам... К братьям по оружию.

В другом госпитале ещё несколько молодых бойцов, недавно отслуживших срочную. Совсем мальчишки.

– А вы правда контрактники? – с сомнением интересуется Ольга.

Жена офицера, она крайне чувствительна к этой теме.

– Правда. Мы со срочной сразу на контракт пошли, – разъясняет за себя и за товарища боец.

Кажется, одного из них, уже в ноябре месяце, вижу по телевизору. Герой получает награду. Хотя, конечно, могу ошибаться.

Нельзя не сказать о военных врачах. К тому же на прифронтовой территории и гражданские врачи – уже не совсем гражданские. И если фронтовики немногословны, то военврачей можно считать людьми крайне замкнутыми и сдержанными. Невольно отмечаешь сходство со священнослужителями. Они точно посредники между Всевышним и человеком. Их жизненные знания таковы, что выносить их из зоны боевых действий нельзя. Они сразу попадают в категорию знаний тайных. А это насколько ответственный, настолько и тяжёлый груз для носителей такой информации... Возьму на себя смелость утверждать, что военные врачи, как и вся отечественная медицина, оказались наиболее подготовленными для выполнения боевых задач. С недавней пандемией сработала русская поговорка (скорее, истина): «нет худа без добра». Разница между пациентом и раненым не стала столь разительна из-за присутствия огромной доли беспомощности в первом и во втором случае. Необычайно остро переосмысливается завет Пирогова: «Раненого нужно не только вылечить, но и выводить». А до этого ещё и вытащить с поля боя. Напряжения в работе госпиталей почти не ощущается. Суеты, и тем более паники во все нет. Хотя иногда подъезжающие кареты скорой помощи воспринимаются персоналом госпиталя, как сигнал тревоги. Кто-то встаёт и уходит во время концерта. Со сцены звучат слова благодарности не только раненым, но врачам и сёстрам. Низкий вам поклон, родные! Всем, от военфельдшера на переднем крае до хирургов ведущих столичных клиник. Войны выигрывают раненые. И ваш вклад в нашу грядущую Победу неоценим.

Почти все ранения минно-взрывные. Осколочные. Общим фоном контузии, от тяжёлых до лёгких. Любопытно, как проявилась солдатская смекалка в работе хирургов. Для извлечения мелких осколков иногда стали использовать сильный магнит. Хотя некоторые боеприпасы, особенно натовские, как правило, магнитятся плохо.

Нет на войнах сладости.
Не на то рассчитаны...
Фронтовые «радости»
горечью пропитаны.
Божие участие
не считай везеньем.
Фронтовое счастье –
лёгкое раненье...

В госпиталях ничего лучше не придумаешь, чтобы вникнуть в обстановку, чем покурить в солдаткой курилке. Кури и слушай. Одна беда – даже профессиональной памяти не хватает, чтобы запоминать позывные и мелкие детали. Но записывать или пользоваться диктофоном не следует. Некрасиво это... Не поймут... Лозунг «Болтун – находка для шпиона» в армии помнят и чтут. Представиться писателем тоже нельзя. Подозрительно на тебя смотреть, может быть, и не станут, но вместо нормальных впечатлений получишь интервью самого низкого пошиба. А так и они не болтуны, и сам не чувствуешь себя шпионом. И потом, в одном коротком монологе можно и историю услышать, и характеры прочесть:

– Наш комбат корректировщиков лично натаскивает, – рассказывает артиллерист с лангетом вокруг шеи. – А если сам корректирует – это песня... Координаты сбросил... Одним орудием пристрелочным врезали... Есть! Командует залп! Сразу снимаемся. До запасной позиции ещё не доехали, он координаты новой цели уже рассчитал и нам бросает. Готовность доложили. На! Попадание...

Избегают говорить об утратах. Это проживается про себя. Бойцы не нуждаются в напоминании о президентском указе о неразглашении количества потерь. Хотя любой мало-мало знакомый с военным делом человек без труда определит количество безвозвратных потерь по количеству раненых. Но надо отметить, что соотношение сейчас небывалое... В лучшую сторону... Вероятно, такое впервые в истории войн...

Спрашиваю раненых:

– Знаете, как на мове будет «воинские подразделения»?

– Как? – интересуется кто-то.

– Воїсковые підорозділиві.

Смеются.

– Вот они и получают, что положено пидороздиливам, – хохочет раненый боец-разведчик.

Не могу ничего с собой поделатъ – отношусь к украинской мове, как к аналогу уголовной фени, зародившейся в среде приторговывавших краденым, розничных торговцев – офеней. В позапрошлом веке... И дело не только в криминальных наклонностях коробейников-офеней и киевского режима... Любой сленг рождается от необходимости обособиться и заговорить на языке, мало понятном для окружающего большинства. Как правило, с целью сокрытия своих намерений, дел и делишек. Любой нормальный язык имеет говоры. Украинский не исключение. Все знают, что говор Полтавы весьма серьёзно отличался и отличается от говора Черновцов или Ужгорода. Донбасс, Харьков и сам Киев всегда были более русскоязычными, нежели украиноговорящими. А том, на каком наречии изъясняется Одесса, не всегда могут объяснить даже сами одесситы. Говорят, как исторически сложилось, как им нравится и как удобно. Нет, нужно было провозгласить государственным языком то, что создано с опорой на говор западно-украинский. Зачем? Затем, чтобы с последующим фактическим запретом русского языка насильно заставить население обособиться и отгородиться от русского мира. И если раньше многие русские «трохи розуміти» по-украински, то теперь кажется, что сами украинские политики «не розуміють, що говорити». «Что городят», говоря русским языком. Хотя понятно, что они нагородили за три десятилетия самостийности. До того дошло, что «не люблять українські пісні за то, що їх прокляті москалі люблять».

Есть у меня и совсем личная причина неприятия мовы. Дело в том, что не появившись в моей жизни отчим – не стал бы я Сергеем Максимовым, а был бы Сергеем Осадчим. Первые представители моего рода, ведущие своё начало от запорожских казаков, попали в Сибирь по Столыпинской реформе из Черниговской губернии, нынешней Брянщины. В Сибири за западно-русский

говор их воспринимали как украинцев, но сами они никаким украинством отродясь не заморачивались. Осознавали себя истинно русскими людьми с запорожскими корнями. А компактно потомки запорожцев проживают вовсе не на Украине, как хотелось бы самостийникам, а на территории Кубанского казачьего войска, куда на дарованные им плодородные земли их переселила Екатерина Великая. В полном смысле руководствуясь понятием «от греха подальше»... И изъясняются эти истинные украинцы, чьи предки проживали у края русских земель, на южно-русском говоре, вместе с западно-русским, приписанным теперь к суржику. Но если суржик – это хлеб, замешанный из пшеницы и ржи, то мова – это точно хлеб с преобладанием отрубей.

И ещё о личном... Приехав на Кубань к кубанскому казаку, к своему деду Ерофею Максимову, мне хватало одного дня, чтобы без всякого напряжения начать балакать по-кубански.

Смешно сказать, но шибболет «паляница» для меня, как и для Елены Григорьевны Драпеко, меньшая проблема, чем для персонажей из числа бандеро-фашистского интернационала. В нас всяко-разно больше украинского, чем у бандеровской сволочи, захватившей власть на Украине.

Это, вероятно, первые в современной истории боевые действия, когда в зону непосредственного боевого соприкосновения проезжаешь через таможенный пост. В нашем случае – это просто. Отдаём паспорта без обложек, не выходя из микроавтобуса. На украинской территории получаем документы. За таможенным постом пост пограничный. Естественно, он один, и он российский.

Бойцы военной автоинспекции экипируют нас соответственно боевой обстановке. Каска и бронежилет – пушинки, если сравнивать с прежними. От каски советского образца в первое время шея нудит так, что выражение лица становится страдальческим. В мотострелковой учебке ношение каски иногда являлось наказанием за потерянную пилотку. И горе тому, кто таскает её день-два, не снимая. Мало того, что шея ноет, так ещё каждый норовит бросить камушек, а то и стукнуть чем-нибудь поувесистей. Фотографируемся с тем, с кем можно фотографироваться. Пограничники, впрочем, лиц не скрывают. Майор-пограничник, внешне балагур и юморист, заученно озвучивает правила поведения за *ленточкой*.

Интересуюсь:

– А вы почему лица не прячете?

– А нас враг давно в лицо знает, – шуткой на шутку отвечает страж границы. – Некоторых по именам и фамилиям, – добавляет, смеясь.

Нравится мне этот майор. Не может не нравиться. Приколист, сказали бы молодые люди.

Спрашиваю о насущном:

– Товарищ майор, где у вас место для курения?

– За мной бегом марш! – с серьёзным лицом командует офицер, оглядев мой полувоенный прикид.

Бегу за ним. Осознаю, что по возрасту я офицер уже не строевой. Но за ополченца вполне могу сойти. Забегаем за броневтомобиль ВАИ.

– Садись, – присев на корточки за капсулой «Рыси», командует пограничник. – Здесь курят...

Оба смеёмся. Потом майор убегает по своим пограничным делам. Куда бросить окурок, сам разберусь. Всяко-разно не на плац. Бросить окурок или плюнуть на строевой плац – проступок, равный преступлению. На таких деталях ловят шпионов...

Фотосессия с оружием... Принимающий нас подполковник Олег Кареткин отсоединяет от автомата магазин, протягивает нам. По военно-учётной специальности я, хоть и отставной, но офицер-мотострелок. Не хватало мне ещё, как стройбатовцу перед присягой, напоказ, фотографироваться с оружием. Сметанин и Костин тоже отказываются. Дамы, кроме Елены Григорьевны, берут автомат в руки охотно. Смотрятся эффектно. Но Голливуд, где оружие часть антуража – не наша тема. В боевых условиях автомат, отмечаю, носится теперь вопреки строевому уставу Советской Армии. Это, вероятно, новшество сирийского, а может быть, ещё кавказского или балканского происхождения... Оружейный ремень крепится только к прикладу, а твоя шея с плечом просовывается в образовавшуюся петлю. Примерился. Очень удобно. Опущенная вниз правая рука точно попадает на пистолетную рукоятку. При команде «к бою» нужно лишь поднять руку с автоматом, снимая его с предохранителя во время движения самой руки. Если патрон не в патроннике, то передёргивая затворную раму... Никаких тебе «на плечо» и «на караул».

За *ленточкой* наши ангелы-хранители – военные автоинспекторы. Во всех отношениях универсальные солдаты. Перед одним из концертов одному из актёров становится плохо. Жара, да и стресс. Как ни крути – зона боевых действий... Явно признаки эпилепсии... С таким диагнозом и просто в армии служить нельзя, а он тут оказался. Такая беда и для сцены – приговор... Имея опыт оказания первой помощи при такого рода приступах, бросаюсь к нему. Перевернул парня на бок. На подмогу бросается военный автоинспектор. Сразу берёт инициативу в свои руки:

– Не надо ничего в рот ему толкать. Помогите! – приказывает мне, ложась на спину. – Давай его сюда...

Вручаю ему нашего пациента. Инспектор фиксирует его голову руками, ногами обхватывает дёргающееся тело.

– Ноги ему придержи, – приказывает мне. – Не надо ничего в рот ему толкать. Язык у него не вываливается... Сейчас минуты три пройдёт – встанет как ни в чём не бывало... Они три минуты перед приступом и три минуты после него ничего не помнят.

Меня оказывать медицинскую помощь учили по советским методикам. Как выясняется, они устарели.

Действительно, через минуты три наш пациент приходит в себя. Ошарашенно смотрит по сторонам. Просит закурить.

– Погоди курить, – повышает голос сопровождающий александровцев полковник в гражданском, имя которого он лично просит меня нигде не упоминать.

– Концерт уже? – ошарашенно спрашивает актёр.

– Какой тебе концерт! Сядь вон в тенёк... А лучше в клуб зайди. Там прохладней, – не понять, то ли приказывает, то ли рекомендует полковник.

Событийный ряд прошедших месяцев таков, что вместо того, чтобы гнать от границы по разбитой дороге в бронев автомобиле ВАИ, а затем въехать в город Волчанск Харьковской области Украины под жарким августовским солнцем, пристально вглядываюсь в кадры из Волчанска осеннего. Ровно через месяц после описываемых событий город снова оказался в руках врага.

Видео, выложенное в интернет украинской стороной после оставления города нашими войсками, смотреть неприятно... Унылое видео... Всеобщего ликования и радостных лиц горожан в нём вы не найдёте. Уже, вероятно, октябрьские или ноябрьские ролики напоминают кадры из оставленной по весне Буче. Те же два одиноких молодых человека, похожие на обдолбанных наркоманов, размахивающие украинским флагом на обочине дороги. Такое ощущение, что это одна и та же парочка кочует из ролика в ролик в кадрах украинской кинохроники, чтобы приветствовать украинских «освободителей». Не могу вспомнить, но где-то ещё мелькали эти двое. Слава Богу, мёртвых тел на дороге и следов каких-либо разрушений не видно. Были бы, конечно, показали... Есть ещё любительские осенние ролики. Один о работе группы волонтеров. Молодые люди, судя по русской речи, харьковчане. Выгрузили гуманитарную помощь и привезли кастрированного бездомного пёсика. Определили его к новым хозяевам. Трогательно, конечно, если не знать, что в гуманитарке от Единой России отдельной статьёй проходит корм для животных, причём в таких объёмах, как вся привезённая в Волчанск этими волонтерами гуманитарка. Выглядит она весьма скромно. В Донецке, кстати говоря, существует большой домашний приют для обездоленной войной животинки. Да и не один, наверно...

Наша гумпомощь ни по объёму, ни по содержанию несравнима с представленной в ролике. Она ещё и дифференцирована. Для военных одна, для раненых другая. Третья для гражданского населения. Где-то больше съестного. Где-то бытового. Пропорции продуманы и выверены жизнью.

Перед началом каждого концерта волонтеры тщательно пересчитывают количество зрителей – иногда убирают, иногда добавляют достаточно объёмные пакеты. Существует ещё и резерв для тех, кто не смог прийти. Часто помощь ещё и развозится до конкретного адресата.

Судя по другому ролику под названием «Город-призрак», население, вероятно, эвакуировано.

Хорош бы я был, если бы опубликовал этот *материал* с упоминанием конкретных людей с конкретными фамилиями накануне контрнаступления ВСУ! У меня нелады с житейской интуицией, но с интуицией творческой всё с точностью наоборот. Теперь даже могу назвать конкретные детали и факты, меня тормозившие. Мне есть что рассказать, и я непременно это сделаю. А пока оставляю лишь те немногие эпизоды, в которых род деятельности и подлинные имена и фамилии героев не читаются.

Тогда, в августе, представитель военно-гражданской администрации, не скрывая горечи от происшедшего, рассказывает:

– Наши дали им возможность выйти из города. Они, сволочи, ничего лучше не придумали, как на следующий день ударить кассетными боеприпасами и засыпать весь центр минами... «Лепестками» этими клятыми... Вчера ещё были здесь, ели, пили, можно сказать, из наших рук... А с утра пораньше – нате вам! Слава Богу, что весна, снег сошёл, и трава ещё не вылезла. Но от того, что всё это было видно – волосы на голове дыбом вставали. Всё вокруг усеяно было... В первые часы наши просто из автоматов мины расстреливали...

Красноречивее главы само здание Дома культуры. В начале лета в него метили ракетой – именно как в центр раздачи гуманитарной помощи. Вероятно, наше ПВО перехватило ракету, и удар большого обломка пришёлся по находившемуся вблизи магазину. В ДК повыбивало осколками стёкла. Оконные сразу заменили, но стёкол большого размера для фойе не нашлось. Огромные заплатки из ДВП окончательно изуродовали без того пошарпанное временем, достаточно запущенное здание советской постройки, стоящее без капитального ремонта не менее тридцати с лишним лет. С осыпающимся мозаичным панно советской тематики на фасаде...

– Главное – газ у нас теперь российский. Значит, зиму переживём, – утешает себя и нас чиновник.

Теперь и не знаю, кто пережил, а кто нет...

Опускаю диалоги многих бесед. Можно подставить людей... Как пример депутатской работы оставляю урезанный эпизод, характеризующий депутатскую работу Елены Григорьевны. Не могу не привести. После разговора с одним из жителей Драпеко достаёт из сумки кошелек. Протягивает собеседнику деньги в крупных купюрах:

– Это вам от меня лично. На что потратить, лучше меня сообразите.

Потрясённый человек изумлённо замирает, прижав к груди деньги. Он ничего не просил. Произносит почти шёпотом:

– Спасибо.

По нему видно, что ни копейки он не потратит без пользы для дела. О больших зарплатах депутатов справедливо говорят много. От себя скажу: таким депутатам, как Драпеко, депутатское жалованье нужно повышать.

На центральной площади Волчанска, у памятника, разговорил пожилого мужчину. На мой вопрос о малочисленности людей на улицах авторитетно сообщает:

– Где-то процентов сорок выехало... Из этих сорока примерно одинаково – двадцать в Украину и двадцать в Россию. В основном детей увозили. Молодёжь опять же...

То, что произошло в сентябре, теперь не составляет военной тайны. Противник с удивлением обнаружил, что наступающая сторона не имеет на харьковском направлении не только эшелонированной обороны, но и просто резервов. В первый, и будем считать, что в последний раз за компанию, ВСУ имели возможность наступать по натовской методике COIN. Это когда можно гонять на джипах с пулемётами, почти не опасаясь нарваться на огонь.

Тот, августовский концерт в Волчанске – особенный концерт. Он необычен во всех отношениях. Выйдя на сцену, невольно оторопел. Причиной оторопи явилось почти полное отсутствие в зале мужской составляющей. Женщин на спектаклях и концертах вообще всегда больше, чем зрителей и слушателей – мужчин. Здесь же – абсолютное преобладание женской половины. Где мужики? Ответ очевиден – в ВСУ. Кого-то уже, надо полагать, нет в живых... А их матери, жёны, дети об этом даже не знают. И, учитывая нежелание киевского режима признавать огромные потери, никогда так и не узнают. Но догадываются. Словом, душа у людей на разрыв... У агитбригады понимание сложности ситуации формируется моментально. Политолог Блохин и военный эксперт Сметанин уже пережили свой шок от вида со сцены. Свои выступления сократили до минимума. Ума и такта им не занимать. Не тот это случай, когда кого-то нужно агитировать. Нужно просто, без даже малой доли пафоса, кратко и сдержанно объяснять, что уже произошло и что происходит. Излагать факты. А то, что будет происходить дальше – известно только Богу.

В очередной раз поражаюсь мудрости и выверенности подхода Елены Григорьевны:

– О войне или о любви?

Она читает стихи, перемежая чтение с актёрскими историями. Концертный зал становится истинно её залом.

Выступая следом, представляемый как писатель, успокаиваю слушателей:

– Не пугайтесь. Свои исторические романы я вам читать сегодня не буду. Смеются. Следуя завету Елены Григорьевны, пою о любви:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песню.
Эх, была не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

С концертной аудиторией творится что-то не то. Сразу не понимаю, в чём дело. Принимают, но... Доходит до моего понимания быстро... Так складывается, что я обращаюсь к женщинам от имени их мужчин:

Ни о том, ни о сём
мы с гитарой вдвоём
вечерком да вздохнём
тихо.
Мы устроим в душе
прежний рай в шалаше.
Нам не страшно уже
лихо.

Да что же это такое творится? Строки песни, написанные много лет назад и совсем не военного содержания, уместны именно здесь.

Здравствуй, брат-вечерок,
разжигай костерок.
Я черкну пару строк.
Можно?
И строка за строкой
отзовётся тоской.
Ой-ёй-ёй, ой-ёй-ёй,
сложно!

Вот именно что сложно... Очень всё не просто... Неожиданно зал начинает отбивать ритм песни ладонями. Наверное, обычный артист воспринимает такие вещи почти как должное, но я-то необычный... Как литератор знаю ещё кое-что:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песня.
Эх, была не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

Такие аплодисменты дорогого стоят... Долго аплодируют... Свои стихи читает Ольга Хмара. В прежних концертах она их не читала:

Молча шагнули полки за полками.
Красное в небе полощется знамя.
Грозная сила с Иваном на марше:
Пращурь, деды и отчичи наши.
Сила святая зло переборола.
Прячет лицо от прозренья Мыкола.
Плачут без слёз, не докликавшись сына,
В чёрном – Россия и Украина.

Всё выступление александровцев можно характеризовать двумя словами: «Россия пришла». Так сложилось, «со слезами на глазах»... В финале концерта люди и радуются, и плачут одновременно. Что до артистов – приходит осознание сложности и противоречивости всего, что происходит с нами со всеми в последние месяцы...

К крыльцу с обратной стороны Дома культуры, где в тени образовалось что-то вроде курилки, подходят трое молодых людей лет тридцати. Видно, что наши. В украинской глубинке народ одет плохо. Немногочисленная молодёжь, иногда явно видно, донашивает одежду за старшими. Да и почти нет её – моло-

дѣжи. А эти в дорогих джинсах и в не менее дорогих и качественных кроссовках. Футболки. Бейсболки. Ухоженная небритость на лицах. У двоих на боку кобуры с пистолетами Ярыгина. У одного в нагрудной сумке или «Стечкин» с глушителем, или что-то более скорострельное. Это может быть и пистолет-пулемёт. Теперь, спустя время, понятно, что из-за отсутствия военного гарнизона парни выполняли функции военного патруля. Старший улыбается:

– Я из Томска.

Дело в том, что во время выступления обязательно говоришь, что ты из Сибири и из Томска. Землячество в армии – особая тема. Иногда до смешного забавная.

– Ты откуда? – может спросить сибиряк нового знакомого.

– Из Владивостока.

– Я из Омска.

– Земляк!

Где Омск и где Владивосток? Но за Уралом... Значит – земляки...

Сибирские полки в то время ещё подтягивались. А тут – томич! Обнимаемся. Везде за *ленточкой* при желанной встрече обнимаются. Даже целуются. Нелишне напомнить, что гомосексуалисты просто присвоили, приватизировали древнюю традицию воинов целоваться. Точно так, как нынешние украинцы прибрали к рукам славянскую вышивку. Почему бы не присвоить, раз вам не нужно... Чеченцы, кстати говоря, при желанной встрече всегда и обнимаются, и целуются. Это объятия и поцелуи воинов. О боевом братстве русских и чеченцев поговорим позже, а пока о знаменательной встрече...

– Заканчивал в Томске техникум. Сейчас живу (называет город). Мать к себе перевёз. Два месяца здесь, а мама сейчас у сестры, в Томске. Связи, сами видите, никакой... Не могли бы вы матери в Томске букет цветов вручить?

– Какой разговор!

– Деньги я вам дам...

– Да не надо, для такого дела найду...

– Нет-нет. Не обсуждается....

Как режиссёр, чувствую в поведении молодого человека то, что в театре называют *зжим*. Быстро соображаю, в чём дело...

– Вы не смущайтесь, – говорю ему. – Я не *конторский*, но девятнадцатое и двадцатое декабря каждого года отмечаю как профессиональные праздники. С писателями так иногда бывает. Даже поздравления принимаю в самые неожиданные дни...

Вижу, что при упоминании профессиональных праздников бойцов невидимого фронта он понял, что перед ним тот человек, которому можно смело дать и телефон, и адрес... Разулыбался. Точно вздохнул с облегчением.

Вошли в ДК. Поднялись в истосковавшийся по капитальному ремонту зал, служивший нам гримёркой. Решили вручить в Томске не один, а три букета. Маме, тётушке и племяннице.

Забегая вперёд, скажу: первое, что сделал по приезде – купил три больших красивых букета цветов. Надел лучший костюм и отправился выполнять поручение. Прежде чем позвонить в дверь, нарисовал на лице улыбку во весь рот, чтобы, не дай Бог, не встревожить обитателей скромной однокомнатной

квартиры в малосемейке на окраине Томска, в бывшей промышленной зоне. Дверь открыла мама офицера. Протиснув лицо через густой, состоявший из букетов цветочный куст, театрально объявил:

– Вам привет и поклон от вашего Саши!

Дальше всё как положено... Само собой, слёзы мамы и многодетной тётушки, широко открытые от изумления глаза и рот девяти- или десятилетней племянницы с не по росту большим, первым в её жизни подаренным букетом в руках. И взявшие паузу в своём детстве два совсем ещё карапузика, о возрасте и половой принадлежности которых ничего сказать не могу. Проходить дальше порога не стал. В малогабаритной квартирке и без меня было очень тесно. Даже от трёх неожиданно появившихся больших букетов. Но главное – то, что получилось очень хорошо. Я бы сказал, по-офицерски получилось. Мой молодой земляк оказался главой большой семьи...

Вот на этом эпизоде я предполагал закончить повествование о Волчанске, но правда такова, что в очередной раз пересматриваю украинское видео... «Город-призрак» называется ещё один ролик. Пустой город. Не видно даже просто прохожих. Пасмурный, серый день. Дождик. Слава Богу, повторюсь, не видно и разрушений. Вернутся люди. Обязательно вернутся. Получается, за один день пребывания я сроднился с Волчанском...

Концерты в воинских частях специфичны. Действующая армия есть действующая армия. Поэтому разница между понятиями «солдат» и «боец» очевидна и стоит того, чтобы сделать пояснения. Солдат – понятие, объединяющее всех военных от рядового до главнокомандующего. Понятие «боец», появившееся в Красной Армии во время Гражданской войны, более конкретизировано как «непосредственный участник боя». К тому же это слово имеет другое значение: «Рабочий на скотобойне, отвечающий за забой скота». Вероятно, в Советской Армии оно окончательно закрепилось после фильма «Два бойца».

Не успеваю удивиться,
в суть не проникнув до конца...
Разнятся на похожих лицах
глаза солдата и бойца...

У всех, кто боль возненавидел,
глаза с восторгом не искрят.
Кто смерть в лицо в бою увидел –
совсем иной имеет взгляд.

В бойцовском взгляде вы не отыщете и никогда не встретите и малой доли растерянности. Сквозят уверенность и готовность биться до конца... Глаза бойца пристальны. Тот случай, когда про обладателя таких очей говорят: видит насквозь. Нужно ли уточнять, что концертное выступление в такой зрительской аудитории – ответственное и далеко не простое дело. Общим яв-

ляется то, что зрители первоначально крайне сдержанны. Кажется, даже подозрительны. Конечно, до грубого подтекста «чего вы сюда припёрлись?» не доходит, но настороженность чувствуется. Сценическое лукавство, обязательное для шоу-бизнеса, в воинском концерте не прокатит. Расшифруют в одну минуту. Кто ты и что ты из себя представляешь, из зала читается на раз. Будут благодарны за простое человеческое внимание, но идолопоклонничества и фанатизма здесь искать не следует. Доверительность, о которой по делу и без дела часто толкуют, которую ни за какие деньги не купишь и никаким пиаром не обеспечишь, возникает не сразу. Но если возникает, то однажды и навсегда.

У нас все работают по-честному, без дураков. Как научены и воспитаны... Как режиссёр не могу не оценить находку – молодёжь сказала бы «фишку» – солиста александровцев Максима Маклакова. Очень сценичный, высокий, с сильным голосом Максим во время исполнения одной из песен отводит в сторону микрофон и поёт вживую. Демонстрируя не деланный, настоящий, живой и сильный вокал. Нужно ли говорить, что аудитория заценила...

В человеческое состояние, о котором говорила Елена Григорьевна, человек приходит через простые человеческие переживания. По этой причине концертная деятельность во время военных действий, как выясняется, является обязательной составляющей боевой работы. Не нами придумано. И, конечно, не хочешь, а вспомнишь «В лесу прифронтовом» Матвея Блантера и Михаила Исаковского: «Сидят и слушают бойцы, товарищи мои»... Вальс «Осенний сон» слушают бойцы... Не военные марши... Подход Елены Григорьевны мной оценён по достоинству... Усвоен:

Здесь о том не поют,
как бьют врага,
а о том,
что желанно
и дорого,
вспомнят милые
струны гитарные,
как затихнут над полем
ударные...

На войне –
не поют о войне...

На воинских концертах Елена Григорьевна повторяет ещё одни слова... Старшины Васкова из «Зорь»:

– Война – это не то, кто кого перестреляет. Война – это то, кто кого передумает...

Один из воинских концертов проходит в Доме культуры на российской территории. Невольно сравниваешь здание с волчанским ДК. Как далеко ушла Россия за тридцать лет, если сравнивать два здания примерно одного года постройки! Фасад, внутренние интерьеры в идеальном состоянии. Всё перели-

цовано современными материалами. Современная, продвинутая световая и звуковая аппаратура... Ухоженный, уютный, с удобными креслами зал. Невольно сравниваешь помещение с примечательной буквой «эм» на дверях с помещением такого же назначения и с буквой «че» в учреждении культуры на сопредельной территории. Предоставляю читателю самому додумать, в чём заключаются различия визуальных и прочих ощущений... Скажу только то, что «ч» на двери – значит «чоловік». Мужчина – по-украински. Чоловік – это звучит гордо...

Работаем концерт с александровцами душа в душу... Нет и следа прежнего недоумения от объединения наших концертных программ. Хронологически затянутый концерт смотрится зрителем на одном дыхании. Длись он даже три часа, слушали бы и три. К тому же в госпиталях зрители отходят и на процедуры, и покурить. В курилке близко схожусь с одним из александровцев. Обменялись неформальными, комплиментарными оценками выступлений друг друга. По возрасту мы примерно ровесники. К тому же у меня есть опыт работы с армейским ансамблем песни и пляски. Выясняется, что мой собеседник, Александр Вершинин, один из немногих уцелевших артистов из прежнего творческого состава легендарного коллектива, погибшего в авиакатастрофе под Сочи во время сирийской кампании. В той самой катастрофе, где погибла легендарная Елизавета Глинка – доктор Лиза. Александр должен был вылететь другим бортом... Печать чудом выжившего, незримо и зримо, присутствует в его мужественном облике. Как я понял, прежде нештатному артисту ансамбля по личной просьбе министра обороны теперь пришлось стать артистом штатным. И это правильно. Кто-то должен передать молодым музыкантам едва не прервавшиеся традиции легендарного коллектива. Есть ещё одно важное качество. Ему, как, впрочем, и мне, довелось выступать в одних концертах с артистами-фронтовиками Великой Отечественной. И знали мы тех ветеранов достаточно молодыми людьми. Не намного старше нынешних воинов.

– Извините, – прерывает разговор артист концертно-эстрадного ансамбля гармонист Павел Андреев. – Дядя Саша, вас подполковник Голубцов ищет.

– Чего меня искать. Здесь я...

Зачем нашему Голубцову понадобился Вершинин, выясняется в финале концерта. По поручению командующего Западной группы войск он вручает медали нашим ветеранам боевых действий. Елене Драпеко, Александру Сметанину и Александру Вершинину.

Зал долго аплодирует каждому награждённому.

Нельзя не написать о волонтерском центре «Всё бесплатно» на границе Белгородской и Харьковской областей. Первоначально он возник как волонтерский пункт на границе областей. По инициативе Елены Русалки. Волонтеры на линии боевого соприкосновения носят позывные, как все другие бойцы. Когда наши части только заходили, система снабжения и обеспечения ещё отлаживалась, и три первых холодных месяца волонтеры работали в чистом поле на ветру и на морозе, можно сказать, с машины. Формировали так называемые «разовые пакеты» и забрасывали их в идущие на передовую машины. Подключилась областная администрация, белгородские предприниматели, и к лету

заработал целый волонтерский комплекс. Открыли даже небольшой ресторанчик «Солдатский привал», взявший за основу идею калужского предпринимателя Сергея Скрипкина готовить по-домашнему. Казалось бы, никакого отношения к боевой работе, ан нет. Нужно. Еда, бельё, продукты, предметы первой необходимости – всё для бойцов бесплатно...

Харьковчанин Александр, позывной Наум, сам ещё не так давно воевавший и познавший «прелести» украинского плена, напутствует приезжающих и проезжающих через комплекс бойцов:

– Возьми столько, чтоб осталось другим...

Как Айболит из сказки, «всем по порядку даёт шоколадки». Шоколадки маленькие, чтобы не занимали много места, но чтобы были... Где чай попить, где просто в рот забросить в минуту отдыха... Служившие в армии знают, что солдат – сладкоежка, как ребёнок. Опять же острота восприятия мира схожа с детским восприятием... Потому и детские письма на фронте, наверное, так дороги бойцам. К тому же и для одних, и для других лишних шоколадок не бывает.

Любопытно, что Русалка, Наум и ещё несколько человек вооружены холодным оружием, как некоторые бойцы в госпитале. С той разницей, что у Наума на ремне штык-нож от «АКМ-74». Смотрю и думаю: а не являемся ли мы свидетелями появления атрибутов национального костюма? В Сибири, кстати говоря, так было всегда. В тайгу без хорошего ножа никто никогда не ходил и не ходит. Даже писатели. У меня нож для такого случая – подарок от томской «Альфы»...

Сергей Скрипкин развил идею «домашней кухни» до уровня «кухонь национальных». Кроме объединяющего всех шашлыка, на который ежедневно уходит от ста до ста семидесяти килограммов мяса, для мусульман готовится халяльная пища. Которую с удовольствием вкушают и православные, и представители других конфессий.

– Чеченцы говорят, очень вкусно у нас, – с гордостью произносит Сергей.

– А вообще что говорят? – интересуюсь я.

– Это очень интересно. Спрашиваю... Отвечают: «Мы возвращаем долг России»...

Многие слышали другую историю. Как правило, в анекдотическом изложении, хотя в жизни было не до смеха... Услышав на улице освобождённого села русскую речь и мусульманское «Аллах Акбар», вышедшая из укрытия пожилая женщина не могла сдержать слёз:

– Слава тебе Господи! Наши пришли. Родненькие!

Вот так.

Крайний концерт – снова госпиталь. Он оборудован на базе городской клинической больницы. Было, ломанулся в помещение вслед за нашими девчонками к лежащим раненым, но сразу же остановился. Понял, что Анна с Ольгой там более уместны. Не дело это – хоть и не молодому, но здоровому мужику светиться в госпитальных палатах с гитарой в руках. Гитару в руки всё же беру. Исполняю свою песню на стихи Дмитрия Мерзлякова:

Я ломал это время
Руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы.
Напиши про любовь,
не пиши про печаль,
Напиши, что я взял
Мариуполь.
Напиши:
«Я тебя никому не отдам».
Напиши:
«Мы увидимся вскоре»...
Я не умер – я сплю,
и к моим сапогам
подступает
Азовское море.

Анна продолжает удивлять... Тот случай, когда актриса – не функция, а личность. Таким, как правило, трудно работается в театре. Она сама по себе театр. Как выясняется, ещё и поэт... Предваряя стихи, рассказывает о своих выступлениях в столичной клинике перед тяжелоранеными и о примечательном знакомстве:

– Я плохо отношусь к тагуировкам, но у него они были просто потрясающие. Он футбольный фанат, и на одной из ног был набит герб «Манчестер юнайтед». На другой полузащитник «Манчестера» – Дэвид Бекхэм.

Цитирую с отснятого мной видео. Как у автора в рукописи, не знаю. Мне показалось, что, может быть, так:

Пашка
родился
в рубашке...
В плотной,
бронезилетной...
Он смерть обманул –
он вредный...
К тому же
ещё балагур...
Весёлый такой
паренёк.
Хабаровский
кавээнщик.
Лишился
обеих ног.
А был
футбольный
болельщик.
«Манчестер»

на левой ноге.
На правой
был Дэвид Бекхэм.
Как ранило на войне,
рассказывал нам
со смехом.
– Очнулся, –
говорит, –
сначала шок...
Ощупал
причинное место.
Фу, цело...
А вместо ног –
коровое,
липкое тесто...
– Жаль Дэвида,
жаль «Манчестер»...
Но всё остальное
на месте.
Есть с чем
возвратиться
к невесте...
Весёлый такой
паренёк.

На правой руке у него
семейное, детское фото.
На левой
король полёта –
Гагарин.
А на спине –
кадры
бойцовского клуба.
Финальный –
на фоне окна.
Мы хором сказали:
– Паш, круто!
Но ты же не видишь –
спина...

А он отвечает:
– Не вижу...
Но чувствую...
Вновь смешок.
Живёт
такой парень

на свете.
Весёлый такой
паренёк.

Когда наш поход
по палатам
закончился,
мы вышли в парк.
А там, средь берёзок,
солдатам
травил анекдоты
чужак –
наш Пашка.
Вокруг него
столько
таких же, как он, –
живых,
в рубашках
рождённых,
красивых
и молодых!
Кто на костылях,
кто в «карете».
Кто рук лишился,
кто ног.
Курят,
Смеются,
как дети,
и ветер
относит
дымок.
А в центре
герой наш –
Пашка.
А в сердце
его юморок.
Пашка –
родная рубашка.
Весёлый такой
паренёк.

– Я послала ему эти стихи, – продолжает Анна. – Спросил: «Я что, теперь звезда?». – Да, говорю!

Не могу удержаться от своего комментария... Наверное, Пашка – нынешнее, живое воплощение Василия Тёркина...

В зоне СВО неоднократно можно слышать, что каждая новая война не похожа на войну предыдущую. Так оно и есть. Наверное, по-прежнему верно утверждение, что «первой жертвой войны становится правда». Но, думается, что не всегда нужно говорить всю правду о войне. Уже потому нельзя, что она насколько страшна, настолько и очевидна, без всяких о ней рассказов. Мы что, не знаем, что в конечном итоге произошло с захваченным в плен моральным уродом, до этого звонившим матери убитого им русского сына-солдата с его телефона? Никто не усомнился в судьбе ещё одного ублюдка, не дожившего до трибунала, а до этого рассыпавшего угрозы в адрес президента Чечни и членов его семьи. Законы войны, как никакие другие, полностью соответствуют войною же порождённому Римскому праву... «Закон плох, но это закон». Только наказание за преступления на войне куда ближе, чем кажется военным преступникам...

За летними месяцами, как снаряды, пролетели дни, недели и месяцы осенние. Порождая в том числе информационные взрывы... Расстрел группы наших пленных – очередной вызов. Адресовали обществу... Первой узнала армия... Наследники висельников решили с судьбой поспорить... В декабре новостные каналы обыденно сообщили о полном уничтожении 80-й бригады ВСУ, причастной к расстрелу...

Возмездье настигнет карателей,
и как ни петляй, ни коси –
не быть государству предателей
в пространстве великой Руси.

Небольшая ремарка: стихотворение оказалось вымаранным из подборки, привезённой из поездки. Впору в очередной раз спросить: «С кем вы, мастера культуры?». Не думаю, что редколлегия областной газеты посчитала государство, построенное на предательстве самих себя, жизнеспособным. Просто не надо бы... А может быть, их смутило другое четверостишие из этого стихотворения:

Европа теперь рода среднего...
Европо придётся понять:
война до нациста последнего...
Иначе воскреснут опять...

Не хочешь, а вспомнишь завет Навального, обращённый к соратникам: «Не можете выступить открыто – саботируйте»...

Так или иначе, но первое, что выносишь из зоны СВО, – «Наше дело правое. Победа будет за нами». Что бы там ни ботал по мове незаконнорожденный президент незаконнорожденного государства. Что до державности – не получится удержать то, что тебе не принадлежит и никогда не принадлежало.

Кроме основного признака современных войн, непохожести одной на другую, один из бросающихся в глаза признаков нынешней – это то, что мы

являемся свидетелями войны войск специального назначения. Кроме собственно спецназа и ЧВК, до их уровня подтягиваются и равняются в боевой подготовке части и подразделения всех родов войск. А ещё – полузакрытые лица бойцов почти всех воинских подразделений вне поля боя. В последних военных конфликтах чаще и чаще армии приходится иметь дело с террористами, не афиширующими свои лица. В условиях информационного общества террору незачем знать лица антитеррора.

Затрещат
квадрокоптеры
утками,
дирижируя
музыкой жуткою...
Автоматы
нещадно чирикают...
Мины свистом
беду с горем кликают...

Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.

«Ту-154» принимает нас на борт ночью в Белгороде. За прошедший день лайнер пролетел по уже известному маршруту. Как со старыми знакомыми, встречаемся с рок-музыкантами, прошедшим днём вылетевшими из Севастополя. Тут же военные и гражданские специалисты. Теперь ещё и отпускники...

Общее настроение можно охарактеризовать как радость возвращения. На подлёте к Москве рокеры неожиданно затагнули: «Ой, то не вечер, то не вечер»... Секунда – и весь салон авиалайнера запел вместе с ними.

Даст Бог,
и скоро мы обнимем
тех, с кем
по многу раз прощаемся...
Мы на войну идём одними,
Всегда иными возвращаемся...

На заседании секретариата Союза писателей России докладываем с Ольгой о командировке. Впечатления ещё не отстоявшиеся. Ловлю себя на мысли, что особо не хочется ничего рассказывать. Невольно осознаёшь родство с фронтовиками. Ну были... Ну видели... Под обстрел, Бог миловал, не попадали, но гаубичное буханье доводилось слышать. Один раз совсем близко. Но поминать такие мелочи, прямо скажу, неловко, когда не так далеко миллионный город восемь лет жил и продолжает жить в зоне боевых действий. Ежедневно

ходит на работу, на учёбу, в детские садики под не прекращающимися обстрелами. Когда, ложась спать, человек не знает, суждено ли ему проснуться живым грядущим утром. Теперь ещё и под натовскими боеприпасами, по наводке американского космического ока... И где любой мальчишка на слух может определить, что *прилетело* и из чего, какого калибра и с какого направления. Цель обстрелов – мирные люди. Посему промахов противоборствующая сторона не допускает. Шальных снарядов при обстреле городов Донбасса не было и нет. Все в цель. Враг не просто коварный и кровавый. Он подлый.

Поднимаю вопрос в Министерстве обороны об аттестации писателей как военных корреспондентов. Ничего удивительного в этом нет. Аттестованы же как военные художники члены Художественной студии имени Грекова. Да что говорить, если в 1941 году все 2341 советский писатель прошли такую аттестацию.

Николай Фёдорович Иванов, полковник в отставке, делает для себя пометки в блокноте. Ещё нет речи о частичной мобилизации, но её необходимость ощущается всеми, кто близко соприкоснулся с СВО. Соответственно требуется централизованно создавать фронтовые концертные бригады. В том числе из мобилизованных и добровольцев...

Галина Климовская

ОДНАЖДЫ ЗАСУШЛИВЫМ ЛЕТОМ

Только что закончившееся лето, которое я, как и пятьдесят предыдущих, провела в Киреевске (на базе отдыха преподавателей университета – на высоком берегу Оби, в сосновом бору!) выдалось сухим, безгрибным. А грибы с тех пор, как в Оби повывелась рыба, а в лесах ягода, составляют главную отраду и даже смысл нашего вольготного киреевского житья. Близкие, подножные маслята и сыроежки, отдалённые белые, редкие шампиньоны... Мы их собираем, жарим, о них говорим... Даже и стихи, бывает, пишем...

И вот нынче их почти не было. Даже маслята. Несколько раз всплывала в памяти строчка какого-то текста Вирджинии Вулф – прозаического, но, как это часто бывает у неё, похожая на начало стиха:

Не торопясь, горит засушливое лето...

Отсутствие грибов, помимо того, что стало малой (дополнительной к уже приевшейся и потому не очень страшной пандемии) неприятностью этого лета, послужило поводом вспомнить другое моё лето, теперь уже сорокалетней давности. Тоже засушливое, душное, которое я провела не в Киреевске, в моём милом домике № 65, а необычно, даже экстравагантно: в онкологическом диспансере, располагавшемся в то время на площади Ленина, непосредственно за памятником Ленину.

Как только моя память сворачивает в ту сторону, на первый план выплывает один эпизод – курьёзный, вопреки общему мрачному тону того отрезка моей жизни. Он, эпизод, случился в самом начале этого отрезка, когда я лежала на первом этаже диспансера, в радиологическом отделении, и когда решалась моя судьба: то ли сначала прооперировать меня в расчёте на возможный благополучный исход, то ли уж сразу облучать – в расчёте только на бога...

Так вот этот курьёзный эпизод. Одна из моих тогдашних товарок по несчастью и соседок по палате, вопреки этому несчастью всегда весёлая, но плохо воспитанная Татьяна, глядя в окно нашей палаты № 3 (расположившейся в метре от асфальта), вдруг изрекла (по правде сказать, прокричала – просто говорить, тем более изрекать что-либо, она не умела): «Ну, девки, если уж Ленин встал к нам задом, всё – хана нам всем...». Вместо слова «задом» Татьяна (царствие ей небесное) употребила его весёлый, народный вариант, отчего её предсказание (а это и было предсказание) прозвучало как-то зловеще. Хана в тот же год пришла к восьми из десяти обитательниц нашей палаты – кроме меня и ещё одной, Фаины... Потом встречались с ней в магазинах... Жаловалась, что сидеть не может... Память о радиологическом лечении...

Я не подверглась этому жёсткому лечению – облучению, а была отправлена на второй этаж диспансера в хирургическое отделение. И дело для меня благополучно закончилось операцией, проведённой тогдашним магом томской онкологической хирургии – Валерием Филипповичем Вахтиным. А отправле-

на под его исцеляющий нож я была врачом-радиологом, чудной Ниной Анисимовной Чудной (в обоих этих словах ударение на букве «у»). Бывало, каждое из тех жёстких утр заглянет она в нашу палату № 3 в своём белоснежном халате, из-под которого и сверху и снизу выбивается весёлый, в ярких цветах крепдешин летнего платья, присядет на краешек скорбной постели той, которой сегодня – вот прямо сейчас – после завтрака – предстоит очередной сеанс облучения, о чём-то тет-а-тет поговорит: вроде бы на полном серьёзе, профессионально обсуждает ожидаемый результат предстоящего сеанса... Принесёт, если уж дело до того дойдёт, таблетку смягчающего отчаяние элениума... До сих пор я со скорбью вспоминаю, что через несколько лет после моего краткого пребывания в её радиологии она умерла совсем молодой, от обратного, на врача направленного воздействия её «кастрюли», как она называла свой несовершенный аппарат для облучения...

Но описываемая здесь история относится уже ко второму этапу той моей скорбной онкологической эпопеи, когда я уже лежала на втором, хирургическом этаже диспансера, отходила от результатов благополучно завершившейся, но очень тяжёлой операции. В моей палате – № 2 – я лежала вдвоём с молодой девушкой, Ирочкой, студенткой мединститута. Вот её скорбная предыстория лежания в этой палате. В прошлом году, осенью, во время якобы действенной помощи (если воспользоваться выражением А. Грина из «Алых парусов») их курса какому-то колхозу в уборке урожая, Ирочка в сентябре месяце посидела хотя и у костра, но на холодной земле. Вскоре на ноге у неё образовалась шишечка, которая начала расти и по лимфатическим сосудам поднялась до спины... Так же, как это было и в случае со мной, у Нины Анисимовны и Валерия Филипповича завязался спор, в каком порядке проводить Ирочке операцию и облучение. Нина Анисимовна вообще решительно отказывалась подвергать «такую молодую» Ирочку воздействию её «кастрюли». Спор затянулся...

В нашей палате № 2 мы с Ирочкой лежали привилегированно только вдвоём, в то время как в других палатах больные теснились по три-пять человек. Не сразу мною осознанная эта наша с Ирочкой привилегия объяснялась тем, что она, даже помимо своей молодости, была не совсем обычной пациенткой. Во-первых, она была внучкой очень известного в прошлом веке томского врача, а во-вторых, в добавление к первому, племянницей дочери этого врача, Ксении Петровны, тоже врача и при этом женщины умной и энергичной. Преодолевая барьеры между нашим диспансером и тем лечебным учреждением, где работала она сама, Ксения Петровна курировала и по сути дела направляла процесс лечения Ирочки. Мать-то Ирочки, человек совершенно другого склада, во время посещения дочери только плакала в несколько заготовляемых заранее платков.

Я же попала в элитные условия лежания в палате № 2 вдвоём только с Ирочкой по той причине, что была педагог, доцент университета, и тесное общение со мной, по мнению Ксении Петровны, было для Ирочки гораздо предпочтительнее, чем с другими женщинами, не педагогами. Известно ведь, о чём говорят иногда в палатах больные женщины... Более того, тётя наказала Ирочке использовать тесное соседство со мной по максимуму и задавать мне

как можно больше вопросов «по литературе и искусству». Ирочка тётю слушалась и начала с вопроса, для чего вообще нужны литература и искусство...

Горестные обстоятельства нашей тогдашней с Ирочкой жизни не располагали к общим рассуждениям на эту тему, и я использовала опыт, выработанный за недели лежания ещё в палате № 3 первого этажа диспансера: начала адаптированно пересказывать Ирочке содержание произведений зарубежной литературы. Так же, как это было в палате № 3, наибольший успех пришёлся на «Сагу о Форсайтах» английского писателя Джона Голсуорси. Ирочка слушала, подолгу не меняя позы... Как всегда, была права её умная тётя.

На эти наши с Ирой вечерние бдения во время своих ночных дежурств по этажу заглядывал и засиживался у нас молодой врач, сын ещё одного мага томской онкологической хирургии – и сам в будущем маг. Ну а в то наше с Ирочкой онкологическое лето это был красивый молодой человек, по-мужски кокетливый. Это про него одна из больных второго этажа, остроязыкая Татьяна, критически относясь к его заигрыванию с её молоденькой соседкой по палате, сказала: «Выпендривается, как Евгений Онегин»... А чего ж ему было не выпендриваться? Молодость, красота, здоровье – всё при нём...

В нашей палате он очень аккуратно, ни боже мой не нарушая врачебной этики, кокетничал с Ирочкой – без отрыва от постоянного подтачивания ногтей тонкой серебряной пилочкой, вслушивался в наши разговоры, научно уточняя наши дилетантские рассуждения на медицинские темы...

Странные это были вечера, странные... Как бы зависшие вне времени...

Но вот в один из тех душных, томительных дней по всему диспансеру, как свежий ветер, пронёсся слух, что именно сюда, в нашу плоховато спасаемую богом Онку, едет московская комиссия. Этот слух породил в душноватой атмосфере диспансера три разнородные волны движения. Первая прокатилась по врачебным кабинетам («Историями болезней шебуршат», – доложил нам с Ирочкой псевдо-Евгений Онегин) и нас, больных, никак не коснулась. Нас коснулась вторая волна – настоящий санитарный аврал. Из-под нас в срочном порядке вытягивали старые-престарые простыни и одеяла и заменяли менее старыми – предпенсионного возраста. А также, именно в авральном режиме, мыли всё: от окон – даже с той, уличной стороны – до сокровенной глубины старых, аж чёрных унитазов. Зрительный эффект этого повального мытья был минимальный: всё в нашей Онке было старое – поржавело, осыпалось, растрескалось. Но существенное очищение воздуха произошло – спасибо тогдашним техничкам и санитаркам. Спасибо!.. Лето-то было душное...

А третья волна повышенной активности в нашей обители скорби и печали взялась из наших невидимых миру слёз и надежд на то, что что-то изменится наконец в судьбе каждого из нас – и именно в сторону выздоровления. Всё-таки Москва есть Москва... А больше-то и надеяться было не на что...

Но эта третья волна коснулась лишь пятерых из нас, обитателей Онки. Возглавлял московскую комиссию профессор (маг!), ещё почти молодой, но удивительно солидный. Он не был впечатлён результатами нашего санитарного аврала, лишь отобрал из двухсот наших историй болезни пять, касающихся самых молодых из нас, и назначил им консультацию в Москве, во вверенной ему московской Онке.

В число этих избранных молодых попала и Ирочка. Причём ей, Ирочке, эта консультация была назначена уже в следующий понедельник, в 10 часов утра. А тот день, в который была назначена эта консультация, был субботой...

И вот тут-то начинается самая динамичная часть этого повествования. Чтобы Ирочке успеть на консультацию к этому профессору в понедельник следующей недели к 10 часам утра, и ему, и Ирочке нужно было вылететь из Томска только завтрашним (воскресным) рейсом. Утренним, восьмичасовым...

Ну, у профессора обратный билет из Томска в Москву, конечно, ещё в Москве уже лежал в кармане. А у Ирочки...

Вообще с авиабилетами (да и с железнодорожными тоже) на Москву и на все южные и западные направления в те годы дело обстояло так. За месяц до срока желаемого вылета в одной из касс предварительной продажи билетов (в районе Томска-1) с раннего утра (почти с ночи) выстраивалась очередь жаждущих этих билетов и составлялись списки этих жаждущих, так как их количество, как бы сказали сегодня, в разы превышало количество этих билетов. Кем составлялись и где целый месяц хранились эти списки, от меня во всяком случае история умалчивает. Но вся эта технология, основанная в прямом смысле слова на чьей-то совести, срабатывала. За три дня до вожделенного вылета эти учтённые в списках билеты были выкуплены – и именно списочными очередниками. Что касается меня, то я обо всём этом знаю только понаслышке. Я и мне подобные ездили и летали в Москву в другие сезоны года: осенью, зимой. И вообще мало ездили... Тем более летали...

Но вернёмся в палату № 2 в ту субботу, когда стало известно о назначении Ирочке московской консультации. В следующий понедельник, в 10 часов утра... Вообще-то где-то здесь мне нужно было подключить к этому повествованию совсем другой сюжет, без подключения которого необъяснимо то, что произошло в ту субботу, начавшись в палате № 2 и продолжившись в кабинете медсестёр. Но ради эффекта необъяснимости произошедшего я подключаю этот другой сюжет позднее.

А произошло вот что. Ксения Петровна с направлением на эту московскую консультацию в руках устало оперлась на спинку Ирочкиной кровати, смотрит в никуда и проговаривает никому: «Два билета на завтра... только через обком... только через обком...».

Сегодня многие не знают или забыли, что такое был областной комитет партии в жизни всей области и каждого отдельного человека. Скажу коротко: обком в те времена мог всё. Но иногда и всей области, а уж отдельному человеку всегда до обкома было почти так же далеко, как до господ бога...

И вот теперь представьте себе, что в момент тяжкого раздумья Ксении Петровны о возможных всё-таки путях к этому обкому я, не поднимая головы от подушки, произнесла: «Я попробую...». В смысле достать эти вожделенные билеты на авиарейс до Москвы – и именно через обком...

Вопреки очевидной нелепости, даже бессмысленности этого моего заявления Ксения Петровна что-то прослышала в нём. Что-то такое... И вот уже я с её помощью натягиваю халат, водворяюсь в тапки и, повиснув на ней, доставляюсь в кабинет медсестёр, где был единственный на весь этаж телефон. И вот я растерянно листаю толстый телефонный справочник в поисках нужной мне

страницы и нужного номера. Но Ксения Петровна выхватывает у меня этот справочник – и вот он, у неё под пальцем, номер приёмной обкома партии.

Я звоню, каким-то не своим голосом проговариваю, что мне нужно... от обкома партии... Я чуть позже, опять-таки ради эффекта неожиданности, расскажу, что произошло между этим моментом и тем, что уже через полчаса нам было по телефону сообщено, что два билета на завтрашний авиарейс до Москвы можно вот уже прямо сейчас получить у милиционера на вахте у входа в обком партии – при наличии лишь паспортов пассажиров... В ту же секунду Ксению Петровну как ветром выдуло из кабинета медсестёр: съездить домой за паспортами, успеть попутно решить ещё сто проблем, собрать Ирочку...

Вот теперь объяснение того, что же произошло в те полчаса между моим звонком в приёмную обкома партии и сообщением о билетах. Дело в том, что за несколько лет до этих событий я в параллель со своим доцентством в университете была внештатным корреспондентом областной газеты «Красное знамя». Конкретно при отделе школ, которым руководила Елена Григорьевна Николаева, хороший журналист и хороший человек. Не помню, кто и при каких обстоятельствах нас познакомил, но по её заданию я в течение четырёх лет ездила – и на машинах, и на лошадях – даже и не в самые близкие к Томску районы нашей области: выясняла степень укомплектованности (а чаще неуккомплектованности) сельских школ учителями, учебниками и средствами доставки учеников из отдалённых посёлков в эти районные школы. Вместе с отчётами об этих выяснениях я привозила и очерки об учителях, и зарисовки из жизни сельских школ.

Из всего этого сложилась отдельная полоса моей жизни, насыщенная абсолютно новыми впечатлениями и знакомствами. Просто было бы очень жаль, если бы всего этого не было...

Ну и, помню, гонорары за эти мои очерки и опыты проблемных статей иногда перекрывали мою доцентскую зарплату...

Но затем Елену Григорьевну перевели в обком партии, в отдел школ, теперь уже не освещать в прессе положение дел в районных школах, а исправлять и улучшать это самое положение. Непосредственное наше с ней деловое общение прекратилось, но по её рекомендации обком партии несколько раз привлекал меня к работе с теми же установками. Именно так случилось у меня уникальное, незабываемое путешествие в Якутию с целью выяснить положение дел с изучением русского языка в Якутском университете. Положение дел было сложное, просто бедственное – из-за отсутствия специальной методики изучения русского языка как неродного для студентов. Но там, в Якутске, я, во-первых, укрепила дружеские связи с сотрудниками университета – бывшими аспирантами нашего, Томского университета, а во-вторых, обзавелась и новыми хорошими знакомыми и незабываемыми впечатлениями. Якутия в январе месяце – это что-то! Минус сорок градусов для них – потепление...

Наше плодотворное сотрудничество с Еленой Григорьевной ушло в прошлое, но не забылось, как это обнаружилось в августе 1979 года...

Итак, вернёмся на полчаса в ту субботу в кабинет медсестёр на втором этаже. Взяв в руку трубку телефона и осознав наконец, за что я взялась, я из-под

пальца Ксении Петровны набираю номер телефона обкома партии и прошу сообщить мне номер телефона отдела школ. Приёмная обкома отозвалась щелчком – и вот усталый отчуждённый голос Елены Григорьевны произносит: «Да...». Далее я дословно, покадрово передаю наш тогдашний разговор с ней. Я: «Елена Григорьевна, это я, Галя Климовская. Я лежу в онкологическом диспансере на излечении. У меня к вам просьба – не для себя, а для молодой девушки, моей соседки по палате. Ей назначена консультация у профессора в Москве, в понедельник, в 10 часов утра. Нужны два авиабилета на завтра. Ира летит с тётей...». Елена Григорьевна: «Галя... Вы позвонили мне в последнюю минуту... Сегодня суббота, конец рабочего дня. Я уже на выходе... А с понедельника я в отпуске... Позвоните мне через полчаса...».

Все эти полчаса у меня в ушах стоял какой-то тихий звон, хотя в кабинете стояла абсолютная тишина: ведь никто кроме меня не знал, что мне ответила Елена Григорьевна. Через полчаса я перезвонила. Елена Григорьевна сказала то, что я уже сообщила выше: билеты на завтрашний авиарейс можно получить у милиционера на вахте обкома партии. И ещё сказала: «Галя, поправляйтесь, у нас с вами ещё много дел...».

Ну, вот и конец этого моего повествования – из цикла, если воспользоваться формулой славного писателя Бориса Житкова, «...что бывало». Билеты на завтрашний авиарейс были получены. Ирочка с тётей слетали в Москву, вернулись через три дня с напутствием: «Облучение не требуется. Нужна операция. А операции у вас в Томске делают не хуже, чем в Москве».

Ирочка по возвращении из Москвы буквально ожила, расцвела. Как бы ещё более энергичной стала Ксения Петровна, хотя, казалось бы, куда уж более-то.

Ещё три дня мы прожили в палате № 2. Потом меня выписали. На прощание Валерий Филиппович сказал мне золотые слова: «Операция дала хороший результат. Облучение вам не нужно...». Ну вообще-то всё обстояло немного по-другому, посложнее, но к данному повествованию это не имеет прямого отношения. Важно, что усилиями и магическими способностями врачей нашего старого доброго онкологического диспансера я перешагнула во вторую половину своей жизни. За эти дарованные мне десятилетия я защитила две диссертации, много трудилась сразу на двух нивах: чтения лекций студентам и – в одной упряжке с дочерью и зятем – рращения внуков, дожидая до правнуков.

Окончания Ирочкиной истории я не знаю, однако уверена, что и её история завершилась выздоровлением. Но до сих пор время от времени я задумываюсь над тем, как могло случиться, что в одно и то же время и в одном и том же месте – тем летом в палате № 2 и в обкоме партии (!) – столкнулись и сложились в один сюжет обстоятельства жизни нескольких разных людей с их абсолютно независимыми друг от друга обстоятельствами жизни: меня, Ирочки и Елены Григорьевны. Ведь мой звонок застал её в последнюю минуту субботы – перед завтрашним выходным днём – и именно последней субботы перед отпуском... Ну?... Позвони я минутой-другой позже – и...

Конечно, и без моего вмешательства и привлечения к делу Елены Григорьевны Ирочка так или иначе попала бы на консультацию к московскому профессору – стараниями своей замечательной тётки. Но – всё сложилось и произошло так, как сложилось и произошло.

Когда в последующие годы я при случае рассказывала разным людям, как лёжа в онкологическом диспансере (!), я за полчаса по телефону и через обком партии вызволила из абсолютной невозможности сделать это те два билета на завтрашний авиарейс, боюсь, не все мои слушатели верили мне, хотя явным образом своего сомнения не высказывали. Да я и сама до сих пор, встав на место этих слушателей, не перестаю удивляться этому. Но, повторюсь, всё произошло так, как произошло. Саму-то себя убеждать в этом не приходится. Что ж, именно так распорядилась в тот раз нами и нашими обстоятельствами причудливая судьба. Это её замысловатый почерк...

Поэт, прозаик и учёный-лингвист Галина Ивановна Климовская отметила серьёзную дату – 90 лет со дня рождения. Томские писатели сердечно поздравляют Галину Ивановну, желают ей прежде всего здоровья, а журнал с удовольствием предоставит страницы для её новых рассказов.

Александр Кердан

Рассказы

ПО ГЛАВНОЙ ЛИНИИ

Полковник Волков заметно выделялся среди сослуживцев: высок, статен, красив той зрелой, мужественной красотой, которая сражает наповал и юных дев, и дам бальзаковского возраста. Обильная седина густых, слегка волнистых волос и глубокие морщины на открытом челе ничуть не портили его облика, а только подчёркивали благородство и жизненный опыт их обладателя. Даже в политическом управлении округа, куда в те заповедные годы отбирали лучших из лучших офицеров-политработников, блистал Игорь Николаевич Волков своим умом и славился необычайно широким кругозором, умением говорить ясно и доходчиво, размашисто и афористично, поражая слушателей энциклопедическими познаниями в области отечественной истории и международных отношений, цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и современной литературы. К тому же он, единственный, кроме члена военного совета – начальника политуправления округа генерал-лейтенанта Зинченко, обладал учёной степенью кандидата наук, только не исторических, как у генерала, а философских. По этой или по какой-то иной причине Волков пользовался особым расположением Зинченко, и мог без предварительной договорённости входить к нему в кабинет и достаивался чести подолгу беседовать наедине. Прежде это удавалось только двум людям: первому заместителю Зинченко генерал-майору Плаксину да начальнику отдела кадров полковнику Фоменкову.

Личные выдающиеся качества Волкова, прослужившего в политуправлении чуть больше года, и непонятная благосклонность к нему старших начальников делали его среди сослуживцев человеком легендарным и даже в чём-то таинственным.

– Нашему Игорю Николаевичу, прирождённому златоусту, прямое место в ГлавПуре! Таких, как он, пропагандистов во всём Союзе по пальцам перечесть можно... Да, таких, как он, просто не найти! – переговаривались о нём товарищи после очередной лекции, прочитанной Волковым в окружном Доме офицеров, не переставая удивляться, как такой ценный «кадр» попал служить к ним, в «тыловой», третьеразрядный округ.

В самом деле, оказался Волков на Урале неожиданно. Свалился, можно сказать, как снег на голову в майский день, и сразу был назначен на только что открывшуюся вакансию лектора политуправления, на которую многие из местных идеологов давно нацеливались, да получили в связи с приездом Волкова от ворот поворот. Поговаривали, что с переводом полковника в Свердловск была связана какая-то история. Но вот какая? Этого никто не знал, кроме, конечно, генерала Зинченко и полковника Фоменкова. А те умели держать язык за зубами.

Капитан Федя Востряков, служивший в политуправлении старшим инструктором отдела комсомольской работы, смотрел на полковника Волкова как на явленный ему вдруг идеал настоящего мужчины и офицера. Волков вызывал в нём чувства, близкие по своему накалу к влюблённости. И потому Востряков взирал на полковника восторженно, слушал его выступления с особым вниманием, старался подражать его манере держаться, вскидывая высоко лобастую голову и то и дело распрямляя неширокие от природы плечи и сутуловатую спину.

При этом Востряков не только заговорить со своим кумиром, но даже подойти к нему стеснялся. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он вместе с Волковым не попал в одну из групп штаба округа, отправленных для проверки итогов боевой и политической подготовки в отдалённый гарнизон, где дислоцировалась учебная танковая дивизия. Полковник Волков, естественно, был назначен в группе политработников старшим, а Востряков оказался у него на подхвате.

По приезду на место проверки полковник чётко распределил обязанности: он, Волков, будет писать отчёт о работе, а Востряков должен снабдить его всей необходимой информацией, иначе говоря, фактурой: где, сколько и когда совершено нарушений воинской дисциплины – самоволок, фактов неуставных взаимоотношений, употребления спиртных напитков и наркосодержащих веществ, кто из командиров эти нарушения покрывает и служит спустя рукава, а также – выполняется ли план политзанятий, как организована работа партийной и комсомольских организаций, спланирован ли досуг солдат, офицеров и членов их семей, ведётся ли военно-шефская работа...

От перечня задач у Вострякова даже голова закружилась, но, не желая ударить в грязь лицом перед полковником Волковым, он впрягся в работу и заматался по гарнизону как ужаленный, выискивая необходимую информацию о недоработках коллег.

Востряков рыл, как аппарат глубокого бурения, и нарыл! И приписки в книгах учёта дисциплинарных взысканий, и ненаписанные протоколы собраний военнослужащих, и случаи очковтирательства со стороны старших начальников, и грубость с подчинёнными, и бытовое пьянство... Фактуры оказалось столько, что Волков только удивлённо головой покачал. Закрывшись в гостиничном люксе, в котором его разместили, он за ночь написал такой акт проверки, что начальник политотдела Салыгин только за голову схватился:

– Не губите, Игорь Николаевич, меня же в Академию Генштаба поступать не отпустят... Я в этом году вызова жду... Обещаю, честью офицера клянусь – немедленно все недостатки устраним!..

Волков не был кровожадным человеком, и акт переписал, а благодарный начпо накрыл для проверяющих, как водится в таких случаях, поляну на берегу узенькой речки Камышловки, с шашлыком, коньяком и комсомольскими песнями под гитару, которые по случаю счастливо завершившейся проверки сам и исполнил.

Вечером в гостинице, будучи подшофе, Волков пригласил Вострякова «отлакировать» выпитое на пикнике – у него в холодильнике ещё одна бутылка коньяка оказалась. Они выпили. И Востряков дерзнул задать полковнику во-

прос, который давно волновал не только его самого, но и других офицеров политуправления:

– Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а где вы служили до нас?

Волков снял галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке:

– Во Львове, Федя. Начальником кафедры марксистко-ленинской философии в политическом училище.

– Вот это да! Кафедра марксизма-ленинизма! Так это же ведущая кафедра! С неё прямая дорога на старшего преподавателя в Академию имени Ленина, в Москву...

Волков усмехнулся:

– Бери выше, капитан! Мне прямая дорога в ГлавПур светила!

– И что?.. – округлил глаза Востряков.

Волков с ответом не торопился. Плеснул в рюмки коньяку и внимательно поглядел на Вострякова:

– А то, мой юный друг, что перевод не состоялся. Погорел я по главной линии.

– Это по какой по главной? – заёрзал Востряков.

Волков криво усмехнулся:

– По женской части...

Востряков воззрился на своего кумира с недоверием:

– Вы, Игорь Николаевич, и по женской части? Ни за что не поверю, товарищ полковник! Неужели аморалка?..

– Хуже!

– Да что же может быть ещё хуже? – уши у Вострякова покраснели.

– Идеологическая диверсия, капитан. Настоящая идеологическая диверсия...

Два года назад полковника Волкова вызвали на собеседование в Москву в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота.

Предмет собеседования, хотя и не был обозначен в телефонограмме, от него не скрывался: Волков являлся кандидатом для назначения на высокую должность в управление пропаганды и агитации самого могущественного военно-политического ведомства, работающего по сути, как один из отделов ЦК партии. Знакомый офицер ГлавПура в частном разговоре проинформировал Волкова, что вопрос о его переводе в Москву практически решён и предстоящее собеседование – не более как формальность или, можно сказать, смотрины. Поэтому в вагон СВ поезда Львов – Москва Волков, надевший по случаю предстоящей встречи с высоким начальством специально пошитый и тщательно отутюженный китель, сел в самом радужном настроении.

До самого Киева он ехал один, предаваясь приятным размышлениям о будущей столичной службе и её дальнейших перспективах.

В столице советской Украины в купе впорхнула молодая особа неопределённого возраста. Даже опытный мужчина, каким Волков несомненно являлся, с трудом определит ту хрупкую грань, за которой современные представительницы прекрасного пола из весеннего возраста перебираются в летний,

а то и в осенний – настолько современная мода с этими мини-юбочками и брючками, косметика и краска для волос умело микширует все эти переходы.

Небрежно бросив сумочку на свою полку, она окинула Волкова быстрым, изучающим взором больших зелёных глаз, обладающих удивительной формой, слегка раскосых и широко посаженных на милом юном личике с лёгкими ямочками на упругих щёчках и пухлым чуть приоткрытым ротиком.

Она задорно поздоровалась и, не дожидаясь ответного приветствия, представилась:

– Меня зовут Софья. Можно просто – Софочка... – улыбнулась она, смешно наморщив аккуратный носик, и с чуть заметной хитринкой поглядела на оторопевшего от неожиданного напора Волкова. – Ой, простите, кажется, я нарушила нормы этикета: первым при знакомстве должен представляться мужчина...

– Волков, Игорь Николаевич. Для вас просто – Игорь... Рад знакомству, Софочка, – невольно повёлся Волков и не удержался от комплимента. – Удивительно, что современная молодёжь знает об этикете...

– Я знаю не только об этикете, – рассмеялась Софочка и тут же принялась рассуждать о новом снимающемся в Италии фильме Тарковского «Ностальгия», о стихах Манделыштама и Пастернака, об эмбарго США на импорт ливийской нефти и о высадке аргентинских войск на Фолклендские острова...

Полковник Волков находился в том, пограничном мужском возрасте, когда обаяние юности особенно чувствительно. Подивившись такой необычной эрудиции молодой спутницы, глядя на неё слегка замаслившимся взглядом, он по-павлиньи распушил перья и включился в диалог, демонстрируя все присутствующие ему лучшие качества – образную речь, всесторонние академические познания и железную логику.

Софочка задорно улыбалась ему, время от времени задавая интересные вопросы и вставляя в разговор меткие и ироничные замечания. Она была исключительно приятной собеседницей и демонстрировала Волкову чувство симпатии, а может быть, и чего-то большего...

Вечером они сходили в вагон-ресторан, расположенный по соседству, выпили шампанского, съели мороженого и вернулись в купе. Ещё немного поболтали и, пожелав друг другу доброй ночи, улеглись каждый на свою полку.

Утром их разбудил проводник, объявив, что поезд прибывает на Киевский вокзал. На перроне она весело помахала ему рукой и, грациозно, как цирковая лошадка, переставляя точёные ножки на шпильках, в считанные мгновения скрылась в толпе прибывших и встречающих.

Полковник Волков спохватился, что даже не попросил у Софочки номер телефона, глубоко вздохнул, как вздыхают о недостижимом или навеки утраченном и отправился напрямиком в ГлавПур.

Как и предупреждал его знакомый офицер, смотрины оказались простой формальностью. С Волковым благожелательно побеседовали начальник управления кадров и начальник управления агитации и пропаганды. Волкова провели по всем кабинетам и представили будущим сослуживцам. А ближе к вечеру он поехал на вокзал, откуда благополучно убыл во Львов.

Начальник управления кадров ГлавПура пообещал Волкову, что приказ не

заставит себя ждать. Но прошла неделя, затем вторая, а приказа всё не было. И тут Волкова неожиданно вызвали в особый отдел округа к генерал-майору Скряге.

Начальника военной контрразведки Волков знал лично, так как несколько раз выступал у него в отделе с лекциями о международном положении. Однажды генерал удостоил его аудиенции у себя в кабинете и, поблёскивая золотом коронок, делавших его улыбку ослепительней, чем у цыганского барона, расчувствовавшись, напоил кофе с коньяком из небольшой старинной чашечки с изображённой на ней эмблемой НКВД.

На этот раз, стоя под портретом Феликса Дзержинского, Скряга встретил Волкова официально, без улыбки. Сухо поздоровался, пригласил присесть.

Волков устроился сбоку длинного стола, торцом упирающегося в генеральский.

– Что же вы себя так подводите, товарищ полковник? – с какой-то жалостью в голосе спросил Скряга, садясь в своё кресло.

– Извините, товарищ генерал-майор, не понимаю, о чём вы говорите...

– Да что тут непонятного. Мы, значит, согласовали ваше выдвижение в ГлавПур, а вы... – генерал сделал паузу, которой и воспользовался Волков:

– ...А я с успехом прошёл собеседование в Москве и жду приказа о назначении...

Скряга нахмурился:

– Собеседование-то вы прошли. Это нам известно. А вот это что? – он извлёк из стола импортный портативный магнитофон размером с сигаретный блок, щёлкнул кнопкой, и из динамика раздался милый, с чуть заметной картавинкой голосок Софочки:

– ...Полагаю, нашим радиослушателям будет интересно узнать, что думает о партийном руководстве в СССР начальник кафедры марксизма-ленинизма одного из военно-политических училищ полковник Игорь Волков...

А затем раздался его, Волкова, голос:

– ...конечно, руководство страны нуждается в обновлении... Мир стремительно молодеет, а наши кремлёвские старцы не поспевают за ним и только вешают друг другу на грудь очередные Звёзды Героя, словно медальки за выслугу лет...

В груди у Волкова всё сжалось и похолодело. Да что там похолодело – вмиг покрылось инеем с палец толщиной. Он тут же вспомнил, что под шампанское рассказывал Софочке анекдоты про Генерального секретаря и верного ленинца, с трудом выговаривающего слово «систематически» так, что звучит оно у него как «сиськи-матиськи», и про то, что «напрасно враги распускают слухи, будто вместо руководителя страны в его правительственной машине возят чучело. Это всё неправда, ибо вместо чучела ездит он сам...». Ах, как она задорно смеялась в ответ...

Но запись с анекдотами генерал Скряга демонстрировать не стал. Он, словно желая добить Волкова контрольным выстрелом в голову, ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Вы хоть знаете, кому вы давали интервью?

– Да никакого интервью и не было... – Волков начал торопливо и путано

объяснять, что просто беседовал с попутчицей, и не было у неё никакого диктофона, и вообще она – студентка университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы – выдающегося борца за освобождение чернокожих...

Скряга сурово оборвал его:

– Это вы думаете, что просто беседовали со студенткой университета Патриса Лумумбы. На самом деле с вами в купе ехала Софья Гринбер, штатный сотрудник Моссада, подвизающаяся на ниве радиожурналистики. Она вполне профессионально раскрутила вас на неблагоприятные высказывания и политически близорукие заявления, способные нанести урон репутации нашей великой Советской Родины. Так что, гражданин Волков, вы вольно или невольно оказались втянутыми в идеологическую диверсию и приняли в ней самое непосредственное участие...

Услышав вместо привычного «товарищ полковник» обращение «гражданин», которое в устах особиста ничего доброго не предвещало, Волков побледнел. От осознания происшедшей катастрофы сердце у него сдавило. Он попросил стакан воды у генерала. Генерал плеснул ему в стакан воды из гранёного графина. Волков сделал несколько судорожных глотков и замер, ожидая решения своей участи.

Скряга между тем встал из-за своего стола, обошёл Волкова и уселся напротив, оглядел полковника проницательным взором и неожиданно перешёл на товарищескую манеру разговора:

– Не знаю, в какой счастливой рубашке вы родились, Игорь Николаевич, но ваши идеологически невыдержанные откровения не дошли до адресата и не прозвучали в передаче «Голос Америки». Скажите спасибо, что органы госбезопасности успели перехватить сделанную Гринбер «закладку», и она не ушла за рубеж. Иначе говорили бы с вами в другом месте.

– Что же будет со мной, товарищ генерал-майор? Я же и предположить не мог, что она... агент... Обычная советская девушка... – только и выдавил из себя Волков.

Скряга изложил диспозицию так, как она виделась с высоты его положения:

– Ну, о Главном политическом управлении вам, Игорь Николаевич, придётся забыть. Надолго, если не навсегда. Я уже отозвал своё согласование и по своей линии ситуацию доложил. Простите великодушно, но – долг службы обязывает. Да вы и сами всё должны понимать. И с кафедрой вам тоже придётся распрощаться. Нас не поймут, если ведущую кафедру в высшем военно-политическом училище будет занимать офицер, как бы помягче сказать, не умеющий держать язык за зубами...

Волкову стало ясно, что на карьере придётся поставить крест:

– Мне что же, рапорт на увольнение писать?

Перемену в его настроении Скряга уловил сразу, как опытная гончая улавливает запах добычи:

– Это лишнее, товарищ полковник. И добрый конь на скаку оступается... Такими профессионалами, как вы, разбрасываться – непозволительная роскошь... – генерал побарабанил пальцами по столу. – А знаете, я в давних добрых отношениях с генералом Зинченко, членом военного совета на Урале.

Переговорю-ка я с ним... Может, отыщет вам местечко в Свердловске, у себя под крылом. Человек он умный и опытный, служить с таким одно удовольствие. Да и опорный край державы – это вам не наш «западэнский Львив». Урал окажет на вас благотворное воздействие... И ещё, считайте это моим дружеским напутствием: будьте осторожнее в высказываньях. Вторую ошибку вам не простят...

– Вот так я и попал на Урал... – полковник Волков умолк, а потом добавил, глядя прямо в глаза капитана Вострякова. – Надеюсь на вашу порядочность, Фёдор, прошу о нашем разговоре никому ни слова... И, поскольку у вас вся жизнь впереди, не сочтите за менторство, сами не окажитесь в подобной ситуации...

– Буду стараться, – пробормотал Востряков, и всё же не удержался ещё от одного вопроса. – Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а почему же линия-то главная?

– Главная линия потому, что больше всего нашего брата именно на ней и сгорает синим пламенем.

Востряков вернулся в свой скромный номер и долго не мог уснуть, заново перебирая в памяти рассказ полковника, лучезарный образ которого в его глазах после услышанного несколько потускнел: «Вот, вроде бы умный, красивый, сильный человек, и так попал впросак... Тоже мне главная линия!.. Нет, со мной ничего подобного никогда не случится! А если и встретится на пути шпионка из Моссада, из ЦРУ или даже из «Ми-6», я ей ни за что на крючок не попадусь! Не зря же до политуправления секретарём дивизионного разведбата служил...».

Но «главная линия» всё же коснулась Вострякова. Неожиданно и совсем с другого бока. Жена его Лиза вдруг задурила – ушла к капитану из тылового управления округа. Спустя пару месяцев она подала на развод. Вскоре и суд состоялся, после которого Вострякову пришло письмо, извещавшее, что их брак расторгнут.

Вскоре Вострякова вызвал к себе полковник Фоменков и огорошил:

– Придётся вам, товарищ капитан, из политуправления уйти. У нас разведенцам не место.

Востряков съёжился, хотя Фоменков и пообещал:

– Переведём вас на равнозначную майорскую должность. Служить будете здесь же, в Свердловске, в политотделе спецчастей гарнизона. Вы же бывали там, на углу Восточной и Декабристов.

Кадровик не обманул. Вострякова вскоре назначили пропагандистом в спецчасти. И вроде бы должность равнозначная, и с неё в академию поступать можно, и город тот же, и квартиру ему с Лизой помогли разменять на две однушки в разных концах города, так что по общежитиям мыкаться не пришлось. Ан нет, дальнейшая карьера у Вострякова не сложилась. В академию он так и не поступил – разведенцев туда тоже не брали... Получив майора, на своём пропагандистском кресле так и дослужил до сокращения Вооружённых Сил. Совпало это с перестройкой, когда никто уже вопросом о сохранении «ценных кадров» не озадачивался. Написал рапорт – и гуляй! Радуйся, что по-

лучил выходное пособие и уволился не где-то в захолустье, а в столице Среднего Урала.

С полковником Волковым судьба свела Вострякова ещё раз, когда он поступил в заочную аспирантуру уральского госуниверситета и на кафедре философии готовил к защите кандидатскую диссертацию на тему: «Генезис феномена женской неверности от матриархата до наших дней».

Волков к тому времени тоже уволился из армии и состоял в учёном совете университета. Он вызвался быть у Вострякова официальным оппонентом, и на защите, которая прошла блестяще, бросил в корзину бывшего сослуживца свой белый шар. Что в общем-то и не удивительно: линия научного поиска была выбрана главная...

2021

НОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТЁРЫ

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликнувшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горно-пехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом, майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептаться надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту: – Сходи покури!

В просьбе ГРУшника ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!».

Подполковник и пятеро его подчинённых: офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик – таджик, водитель БТР – молдаванин и связист – сибиряк – в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном Тетеркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в «афганках» без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Повяжи таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку – и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя, как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда, или уходили в ночь поодиночке и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завёрнутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали, и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него, выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василия Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдеятельности группы Василия Петровича, у которого была любимая присказка: «Война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в своей боевой работе – практически все разведданные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности, от Ташкургана до перевала Мирза-Атбели, батальон охранял трассу: Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это, и сам Игнатенко, и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган – занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дараи-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Военная обстановка в провинции летом 1983 года была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул, и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там, то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками-чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горючее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые ГРУшниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных заполненными горючим канистрами.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на

сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало – юродивый, а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспредельщиком.

Но кроме шайки Дивана в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они практически ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же возвращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Достать этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя по наводке того же Василия Петровича проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поперёк каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеды через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчёркнуто относился, как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешеный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне «духов» должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне «духов» или самостоятельно, главное – этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкуртан и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил ГРУшник, было актуальным

и перекликалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедет, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассером укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко не робкого десятка:

– Ну ты даёшь, Василий Петрович... Ночью в зелёнку и без оружия... – поскрёб он затылок. – Да там за каждым кустом – по душману, и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь духовским обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился, как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками. – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарея 122-миллиметровых гаубиц «Д-30» и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он вскинул такие же, как у самого Игнатенко, васильковые глаза, и сказал главное. – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но пойми, мил человек, если дело выгорит, столько наших ребят спасём...

– Да к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нас просто зарюют, а перед этим шкуру с живых снимут.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали по ней километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассер.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко спрыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева, то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец они подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём какой-то узкий проход и первым протиснулся в него. Нырнув следом за ним в тесную щель, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал проводника, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородатых афганца-бабая, в чалмах, с автоматами на коленях. Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате, с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком, так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородатых

«духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами «Калашникова» в руках.

Один из моджахедов, очевидно, старший по возрасту, предложил вошедшим сесть, и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко обрисовал видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и через переводчика спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам прибудет один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «ладно» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги парламентарии вышли из мазанки, и тот же проводник, что привёл сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, к месту дислокации «шурави» приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра ровно в семь утра будет ждать на этом месте командора шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к месту встречи своих разведчиков, и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнажи «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единоверцев, бородачатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал, как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к вящему удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – поинтересовался Игнатенко у переводчика.

– Благодарит Аллаха, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага Дивана... – пояснил таджик.

Главарь, закончив свой танец с песнопениями так же неожиданно, как начал, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные шурави, будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на «уазике» местной администрации отправились в Ташкурган, и Игнатенко снова, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкурганскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За всё время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встретился.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирать на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбурге.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший ГРУшник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, всюду шёл передел бывшей народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко не раздумывая согласился.

Новая работа, хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было предостаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где у Василия Петровича должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. Он упал на пол и захрипел прямо в приёмной тамошнего начальника, где дожидался выхода своего «шефа». По счастливому стечению обстоятельств «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и тобольские врачи были специалистами высокого класса. Им удалось буквально вытащить пациента с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, делавший операцию Игнатенко, сказал:

– Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут – и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы не успели бы... А сердце-то у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум пару микроинфарктов вы когда-то на ногах перенесли... Так что в рубашке вы родились... Но впредь настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдайте режим питания и побольше гуляйте на свежем воздухе. И главное – не допускайте впредь физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: война план покажет...

2022

Евгений Вязанцев

СНЕЖНАЯ СЮИТА

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Посмотри – за утренним окном
Изумлённо носится собака
На земле, заснувшей светлым сном
На границе серебра и мрака.

* * *

На улице, как на жемчужной реке!
Окрестность белым-бела.
Снежинка устало прильнула к руке –
Из зимнего улья пчела.
Пока далеко до той злющей поры,
В которой мороз – бульдог.
И лишь выползает из льдистой норы
Блестящий дракон холодов.

* * *

Повеет снова светлым и старинным.
В блистаньи заколдованных лучей
Зелёный мрак запахнет мандарином,
Святым теплом заплаканных свечей.
Струится легкокрылая тревожность.
Сквозь сердце пролетают соловьи.
Да есть ли в целом мире что дороже,
Чем мёрзлый аромат живой хвои?
Жизнь в золотистый горизонт исканий,
В голубизну загадок увлекла,
Сквозь мрака изумрудное сверканье,
Сквозь перелив таинственный стекла.
Таинственно сиянье небосвода,
Сугробы, словно ворох белых роз,
И сыплет искрами весёлыми мороз
Уже на прошлогодние невзгоды.

* * *

Из тайных токов темноты,
Из снежных солнц во мгле
За вечер выросли цветы,
Сверкая на стекле.
И сыплют искрами в ночи
Миллионы чёрных солнц,
И о судьбе моей молчит
Полузабытый сон.
Белея лапами, мороз
Прильнул во сне к стеклу,
И снежный ветер дом занёс
И вдаль несёт во мглу...
А на заре взлетит метель.
Снежинка – аметист!
Зеленоглазка взглянет ель,
Как мир красив и чист!

* * *

Новогодние блёстки улиц,
Разноцветная тайна огней,
Фонари наклонились, сутулясь,
Над пучиной померкнувших дней.
Небо сыплет весёлой порошею.
О прекраснейшая из погод!
Сколько было в прошедшем хорошего,
Но немало и грустных невзгод.
Ночь раскинулась светлую тайною.
Сквозь снежинки Судьба тянет нить,
Чтоб мелодией встречи случайною
Нашу жизнь пусть на миг озарить.

СНЕЖНЫЕ КОНИ

Прозвенели звонкой льдинкой
На морозе удила,
В дрожи тополь и былинка,
А зима белым-бела.
Разметались вихрем гривы.
Эх, на тройке мчит метель!
Над рекой вся в переливах
Слюдяных мерцает ель.

И клубится, и дымится,
И навстречу скачет даль,
И серебряною птицей
Улетает прочь печаль.

СОЧЕЛЬНИК

Снег блистает счастливою пылью,
Раздувающей снежный пожар,
Мотыльков серебристые крылья,
Хороводом сверкая, кружат.
Солнце светится сизым румянцем,
Радость бодро разносит народ,
И снежинок таинственным танцем
Меж деревьев завесился грот.
Вновь краса Мироздания без меры!
Перенести её не вмоготу!
Вновь сверкающей сказкою сквера
Жизнь уносит из яви в мечту.
Дивно дремлет в алмазах аллея.
Снег лучист. Ослепителен сон.
Снежным облаком блёсток белеет
И сквозит новизной небосклон.
Вот и ты жить иначе попробуй,
Ты звездою сквозь небо ведом!
Птица ветра на гребне сугроба
Вьёт серебряное гнездо.

Елена Кириллова

В ТРАВЕ СИДЕЛ КУЗНЕЧИК...

По следам участия в проекте «Литературные резиденции»

Предыстория

С июня 2022 и по конец года АСПИ, Ассоциация союзов писателей и издателей России, запустила проект «Литературные резиденции». АСПИ – это надсоюзная организация, она включает пять основных писательских союзов плюс издатели. Заявленная задача проекта – «найти и поддержать новые таланты, а также предоставить условия для спокойной работы над произведениями уже состоявшимся авторам». По результатам конкурса отбирали ежемесячно тридцать человек по России для 30-дневного проживания в пяти резиденциях в пяти федеральных округах, по шесть человек в каждой резиденции – три молодых писателя (до 36 лет) и три «взрослых».

АСПИ полностью оплачивает проживание, питание и проезд резидентов к месту проживания. Расселяли победителей по территориальному признаку: загородный отель «Слобода» в Тульской области, Дом отдыха и творчества «Комарово» в Ленинградской области, гостевой дом Музея Черномырдина под Оренбургом, санаторий «Чистый ключ» на окраине города Каменск-Уральский (Свердловская область). В Сибирском Федеральном округе резиденцией являлся парк-отель «Крона» под Бердском. С тридцатых годов Бердские санатории – любимые места отдыха сибирской партийной верхушки: красивейшие места, Обское «море», сосны, песчаный пляж. Позже резиденты смогли сами выбирать желаемое место проживания из предложенных – если кому-то, к примеру, очень захочется пожить в Комарово. Но, как говорят знающие люди, Бердская резиденция – самая красивая и приспособленная для проживания. Потом резиденций стало шесть.

По информации АСПИ, в 2023 году писателей примут новые места – Калининградская, Волгоградская, Челябинская и Пензенская области, Дагестан, Горный Алтай, Камчатка. Резиденции станут тематическими. Каждая получит «куратора» – литературный журнал или издательство.

Наш заезд был вторым, с 20 июля по 20 августа 2022 года. Первый, соответственно, был с 20 июня. Первые участники литрезиденций первыми навсегда и останутся! Это поэты Татьяна Ярушина из Благовещенска, Дина Фиалковская из Иркутска, омичка Ирина Четвергова, новосибирцы Юлия Пискунова и Юрий Татаренко, прозаик из Ангарска Игорь Корниенко.

В период нашего проживания были проведены три коллективные встречи с читателями и три экскурсии с экскурсоводами. Нашими действиями руководили два куратора из Новосибирска – Дмитрий Рябов и Кристина Кармалита, поэты и драматурги. По окончании сезона резиденты должны

были представить рукописи произведений, написанных в резиденции. Я написала в «Кроне» порядка одного авторского листа (один а. л. – это 750 стихотворных строк). Кто-то писал пьесы, кто-то прозу – в соответствии с творческой заявкой. В случае положительного ответа на заявку (то есть в случае победы) в течение трёх дней надо было подтвердить своё согласие на участие в проекте. Кстати, отказ от участия в данном периоде, даже по уважительной причине, не переносит проживание на следующий срок, надо подавать заявку заново.

Оргкомитет купил билеты победителям, и 20 июля я ехала в купейном вагоне в Новосибирск. Оттуда меня должны были доставить непосредственно в Бердскую резиденцию, санаторий «Крона» на берегу Обского моря, точнее, водохранилища. Красивое светлое здание, по одну сторону от которого ряды одно- и двухэтажных домиков, по другую – сосновый парк и песчаный пляж. Отдыхая на берегу, видишь коряги, ветки и стволы затопленных деревьев, напоминающие о недружелюбном отношении к природе: это не берег естественного моря.

Пожалуй, стоит рассказать с самого начала. В 1717 году на холме, в развилке рек Бердь и Обь был возведён – либо возведён заново на месте разрушенного набегами, никто не знает – Бердский острог для защиты местного населения (в основном беглые крестьяне) от набегов кочевников. С двух сторон его охраняли реки с крутыми берегами, откуда полностью просматривались устье Берди и долина Оби, а третью сторону прикрывал лес. Бердский острог имеет важное значение в истории освоения Сибири: другие линии укрепления появились поблизости лишь спустя столетие.

Ближайшими крупными городами были на тот момент Кузнецк (южнее) и Томск (севернее). Будущий острог располагался почти строго посередине между ними, вот им-то и было поручено его строительство. Отдалённость нового укрепления от уже обжитых территорий смущала Томскую администрацию, но Кузнецкой администрации, стремящейся к максимально быстрому охвату Сибири, это казалось правильным. В 1716 году под руководством Ивана Буткеева – приказчика из Кузнецка, сына ранее пленного поляка, отказавшегося возвращаться в Польшу, – началось строительство острога. Далее, по указам губернатора Сибири, Бердский острог подчинялся как томским, так и кузнецким воеводам.

Для ускоренного прироста населения острог заселялся беглецами и бунтарями, то есть, кроме «добропорядочных» переселенцев, сюда стекались вольномыслящие всех мастей – от старообрядцев до участников народных восстаний. По причине такого большого количества «неформалов» здесь нередко случались бунты, и таким образом Бердский острог приобрёл славу одного из самых «бунташных» поселений.

Экономика Бердского острога развивалась настолько быстро, что Екатерина II сочла разумным создать на его базе административный городской центр, а именно: перенести сюда губернский город Томск и сделать его центром новой губернии – Колыванской (территориально – южной трети Тобольской губернии), а «мегаполис» Бердское плюс Томск именовать Колыванью (Колывань Томского уезда – Чаусский острог – тогда ещё не назы-

валась Колыванью). В мае 1783 года императрица издаёт указ – и начинается строительство на берегу Оби в 17 километрах от острога. Томские купцы активно этому сопротивлялись и посылали челобитные: настораживала наших купцов опасность затопления, а также не нравилась дороговизна проекта. Поэтому в 1797 году проект закрыли, Колыванскую губернию упразднили, а Колывань переименовали обратно в Бердск. Бердский острог приобрёл статус села, ведь к тому времени кочевые племена уже не представляли собой опасности.

Здесь на рубеже XIX и XX веков работал знаменитый купец Владимир Горохов, известный не только в России, но и в Европе. Бердску он также известен как человек, много сделавший для его развития. Прежде всего он создал рабочие места – половина села работала на его мельнице в хороших условиях. Вкладывал деньги не только в собственное производство: в частности, он открыл санаторий для детей со слабым здоровьем (детская смертность в Бердском была очень высокой), участвовал в строительстве кирпичной Сретенской церкви взамен сгоревшей деревянной... Сын Владимира Горохова Александр после прихода Советской власти добровольно отдал ключи от мельницы рабочим и преподавал в Томском университете. Репрессиям не подвергался.

Новая экономическая политика благотворно сказалась на состоянии села. Оно стало райцентром, затем получило статус ПГТ (посёлок городского типа). Но в 1933 году, после начала коллективизации, районную администрацию переместили в Искитим, а ПГТ Бердское превратился в обыкновенный рабочий посёлок. В те времена возникла ещё одна легендарная фигура – Никифор Зверев, бывший командир партизанского отряда и председатель Совдепа, он писал письма Сталину с просьбой не раскулачивать крестьян, никогда не использовавших наёмный труд, однако внезапно умер от инфекции.

9 февраля 1944 года посёлок Бердское стал городом Бердском, но не тем, который нам известен: спустя некоторое время, в 1956 году, он превратится в город-призрак. Четвёртого ноября 1956 года закончилось строительство плотины для Новосибирской ГЭС, и в ночь с четвёртого на пятое было перекрыто русло Оби. Кроме Бердска в зону затопления попали десятки населённых пунктов и тысячи дворов, переселены десятки тысяч людей, вырублен лес на площади 33 тысячи гектаров. Сейчас водохранилище имеет зеркало поверхности более тысячи квадратных километров, 230 километров в длину и максимум 20 – в ширину.

Четыре года город «переезжал» вместе со своими жителями и домами – бердчане, участвовавшие в строительстве, переместили более одиннадцать тысяч различных строений. Могилы и памятники борцам за советскую власть также были бережно перенесены, а прочие остались, и теперь время от времени всплывают черепа и кости, пугая взрослых и удивляя малышня. Рассказывают, что вскорости после затопления города бердчане слышали звон колоколов разрушенной Сретенской церкви – ровесницы старого Бердска.

Несмотря на то, что героическое покорение природы соответствует стилю Советского Союза, Новосибирская ГЭС не является чистым порождением его системы. Мысль о построении ГЭС в Новониколаевске (Новосибирске) возникла ещё в XIX веке. Воодушевляла мельница купца Горохова – мол, почему

бы и нам не построить что-нибудь аналогично самодвижущееся, но не для перемалывания зёрен, а для различных нужд. Началу строительства ГЭС помешала Первая мировая война, затем – революция, потом Вторая мировая, и только в 1950-х появилась возможность реализации мегаидеи.

Строительство ГЭС породило новых героев. Так, например, монтажник Андрей Сердюков ценой собственной жизни успел предупредить рабочих о смертельной опасности, рабочие остались живы. По официальным данным, при строительстве Новосибирской ГЭС погибли пятеро мужчин и две женщины. Их портреты можно увидеть напротив здания ГЭС на мозаичном панно Владимира Сокола – монументальном произведении площадью 31,5 м × 9 м, созданном в 1970 году. В середине семидесятых Новосибирская ГЭС вошла в список памятников истории регионального значения. Однако, будучи памятником, она и по сей день продолжает не только ремонтироваться, но и модернизироваться, увеличивая свои возможности.

Люди

Вырубленные и затопленные леса уже не воскресить, да и немногие их вспоминают, поскольку жизнь продолжается, другие леса радуют нас своей дремучестью. И не только они – Обское море, оно же Новосибирское водохранилище, тоже вполне красиво. Особенно понравилась мне Бердская коса, это заповедник. К чести местного населения, видов млекопитающих на грани исчезновения в Новосибирской области пока что нет, но численность северного оленя быстро сокращается; чуть больше повезло речной выдре, ещё больше ночным мышам, и кандидаты на исключение из Красной книги Новосибирской области – ушастый ёж, большой тушканчик и землеройки. Информация для тех, кто заинтересовался местной фауной: здесь обитают чёрные осы, мощное жало которых пробивает непробиваемое, и гигантские пауки. Лично я их не видела, но очевидцы рассказывают.

В заповеднике находится уютный городской парк, всегда полный отдыхающих. Чистый, с контейнерами для мусора, охраной и обслуживающим персоналом. Возле входа стоит плакат с произведением Дмитрия Мережковского «Не рви, не рви цветов, но к ним чело склони...» – не случайно, поскольку около двухсот видов растений и грибов занесены в Красную книгу Новосибирской области. Численность и распространённость полутора сотен видов животных не-млекопитающих на территории Новосибирской области тоже оставляет желать лучшего. Зато есть множество домов отдыха вблизи водохранилища, детские лагеря и целые кварталы частной застройки. Приятное литературное название улицы – Ясная Поляна, по которой мы ходили на Бердскую косу. В этом рассказе я не раз ещё упомяну улицу Ясная Поляна, но сперва о «Кроне».

В Новосибирске на вокзале меня встретил куратор проекта Дмитрий Рябов. Не сразу вспомнила, где я его видела – среди сотрудников новых «Сибирских огней», приезжавших в Томск. Дмитрий, несмотря на свою недавно сломанную руку, помог нести мои вещи. До Бердска мы ехали быстро, по красивой

дороге, без пробок. К ужину я не успевала, но мне оставили большую порцию. Ещё не видя эту порцию, я попросила принести хлеба, и официант – молодой юноша в пустынном зале – на меня странно посмотрел. Однако был предельно вежлив и принёс пару порционных булочек. «А сладенькое, к сожалению, закончилось, – сказал он. – Но если вы очень хотите, я для вас постараюсь что-нибудь найти». Конечно, я не стала его утруждать, но вежливость и предупредительность были приятны.

Официанты очень молодые – студенты, школьники... Воспитанные, аккуратные, в перчатках. Разнообразный «шведский стол». Кстати, и булочки, и пирожные, и фрукты, и разнообразные салаты всегда присутствовали на ресторанной стойке. В 8–10 – шведский завтрак, в 13–15 – шведский обед, в 18–20 – шведский ужин, а в другие часы ресторан – просто ресторан. Одна из его дверей выходит прямо на пляж, где сосны и море – Обское море, или Новосибирское водохранилище. Прекрасные закаты. И побережье тоже красивое, но топляк повсюду.

Со вторым куратором, Кристиной Кармалитой, я познакомилась чуть позже – вечером по приезде, на встрече нового заезда. Предыдущие победители (первый заезд) оставили для нас письмо-свиток-напутствие. Мы собрались в номере «люкс» у Саши Зайцевой – старосты нашего заезда, выпили чаю, познакомилась, сфотографировались. Наша компания: трое поэтов (я, Саша Зайцева, Арина Ковшева), один прозаик (Алексей Поселенов, затем его заменила Наталья Короткова), два драматурга (Ольга Боброва пишет спектакли в стихах, и Света Костина тоже поэт и драматург). То есть на самом деле все поэты – и один прозаик!..

Саша Зайцева – из Новосибирска, журналист, работала в пресс-центре Академгородка. Арина Ковшева тоже из Новосибирска, она недавно окончила филфак ТГУ по специальности «литературное творчество». Увлечённо популяризирует в своём блоге высокую литературу. Светлана Костина – из Горно-Алтайска, журналист, она представила на конкурс необычную пьесу на тему ковида. Света – пилот машины времени: за период пребывания в санатории она успела съездить домой и выйти замуж, вернувшись с мужем и уже двенадцатилетним сыном. Кстати, стихотворные подборки Светы и Саши недавно появились в нашем журнале. А Саша издала книгу «Как я осталась одна и танцую» в крупном российском издательстве АСТ. Презентация книги прошла в разных городах, в том числе и в Томске, в начале декабря. Прозаик Алексей Поселенов – из города Кемерово, юрист, но в последние годы – профессиональный фотограф. Он радовал нас своими фотопейзажами, а в середине срока вдруг заболел и уехал. На смену Алексею приехала красавица Наталья Короткова из Бердска, тоже прозаик, творчество которой было высоко оценено командой «Сибирских огней»: редакция издала её сборник деревенских повестей.

Ольга Боброва – из-под Новосибирска, она пишет сценарии и ставит спектакли для людей с ограниченными возможностями – детей, так она их называет независимо от возраста. Её ростовые куклы производили фурор на наших встречах с читателями. Ольгины куклы – не только вымышленные персонажи: так, например, в Интегральном музее-квартире новосибирско-

го Академгородка стоит портретная кукла выдающегося советского физика, академика Будкера – работа Ольги Бобровой. А какие костюмы она шьёт! Мы провели фотосессию на берегу в этих аккуратно сшитых и очень красивых костюмах для Ольгиного театра, удивляя приехавших на выходные отдыхающих. Сначала Ольга шила костюмы на свои деньги, потом стала подавать на гранты и выигрывать их. Конечно, Ольге интереснее творить, но муж настаивал и продолжает настаивать на участии в различных конкурсах. Ольгин сын, физик-ядерщик, тоже прекрасен, она рассказывала нам о нём так хорошо и увлекательно, что все наши девушки захотели познакомиться с ним. В её рассказах виделся мне светловолосый молодой мужчина – «валет бубновый»: случайность это или нет, но я не ошиблась. Не меньше Ольга – инженер-строитель – рассказывала о своей бывшей работе, которую она очень любила.

Местность

Была ещё одна встреча с кураторами – романтическая, на берегу моря. Мы разожгли костёр и жарили сосиски на шпажках. А неподалёку – здесь же, на песчаном берегу – художник писал портреты на заказ. Вечер был достаточно тёплым и закат красивым. Потом встречались без кураторов ещё пару раз. Общались мало – ведь мы приехали работать, а не отдыхать, это условие конкурса. Чат группы ВКонтакте полон описаний (и фотоснимков) столов и кресел, у кого какие в номере и насколько удобны, это была животрепещущая тема. Однако и в бильярд поиграли в Ольгином люксовом номере (точнее, играл только умеющий обращаться с кием Алексей, а мы просто позировали). И устроили вечер вдохновляющей поэзии – непременно чужой, не своей. И коллективно попили чай с чудесным вареньем двух сортов (смородина и ирга – «смертельно вкусное», как выразилась Саша Зайцева). Варенье подарил Кристине и Дмитрию критик Сергей Кудряшёв, а они поделились с нами.

Однако всё же хотелось познакомиться с местными достопримечательностями. Кто-то посетил художественные выставки и музеи. Саша каталась на велосипеде в дальние дали, она же купалась ежедневно в шесть утра даже после того, как испортилась погода. А я бродила по тропинкам мимо причудливых домов, богатых дач и многочисленных домов отдыха. Однажды июльским вечером я шла от парка Бердская Коса по улице Ясная Поляна, и хлынул дождь. Тогда я забежала под крышу крылечка дома № 12, где уже пряталась чёрная собачка. Она спокойно разрешила мне постоять рядом. Мы наблюдали дождь и встревоженных прохожих, владельцев машин, спешащих к своим авто. Собачка всякий раз их облаивала – и на меня косилась.

Много домов с синими крышами, нарядно. Легко заблудиться, иной раз кругами ходишь. Обжитого пространства немного, повсюду лес. Как-то раз я шла по шоссе, мне это Саша посоветовала, – иду по нему час, другой, а вокруг сосны, сосны, и – никого... Так и не вышла к морю, а должна была, ведь Саша доехала до побережья. Вместо моря я упёрлась в забор, стоящий на улице 2-я Морская, и пошла обратно.

Алексей Поселенов как мужчина и как фотограф первым разведал все

окрестности, нашёл все короткие тропы, обнаружил «башню древних бердчан» (водонапорную). Ольга нашла «дом Бабы Яги» прямо на территории «Кроны» – не могла не заметить в силу специфики своей профессии: «бабки-ёжки» – постоянные героини её пьес. Мне тоже встретился похожий домик, но далеко от санатория. Как-то раз, проходя мимо богатых коттеджей, встречаю «пионеротряд»: дети под предводительством вожатой ровно идут и стройно поют песню «В траве сидел кузнечик» со всеми словами от начала до конца, как малыши в Цветочном городе. Они прошли направо к распахнутым воротам своего лагеря – наверное, на обед, а я пошла в лес мимо зарослей шиповника, и как раз вышла к романтичному домику под красной крышей, где вполне могла обитать Баба Яга.

Затронув тему цветов и пионеров, скажу о клумбах. Красивые, ухоженные клумбы – возле каждого дома, даже рядом со строящимися домами. И контейнеры для сбора пластика, в отличие от Томска, у бердчан имеются – бердчане вполне дисциплинированы и не балуются с мусором. Но в остальном на Бердских улицах смотреть-то особо не на что, ведь его построили в короткий срок, а старинный город весь взорвали. Конечно, существуют патриоты Бердска, хранители его истории и реставраторы традиций – такие, как, например, Александр Петрович Илющенко – бизнесмен, заинтересованный в восстановлении и процветании города, владелец нескольких теплоходов, пристани, профилактория... Саша Зайцева как журналист знакома с ним. Мне тоже довелось его увидеть, когда мы с Сашей совершали речную прогулку на теплоходе: Александр Петрович любит свой бизнес, свои суда, иногда он приходит к началу рейса. Недавно он реконструировал бердский острог с прилегающими к нему постройками (для туристов, свадеб и т. д.), но появились вдруг юридические сложности, как это нередко бывает в бизнесе. Формальная сторона проблемы состоит в том, что острог-оригинал построен был из кругляка, но Александр Петрович воспользовался квадратными брёвнами.

Илющенко владеет одной из местных достопримечательностей – теплоходом «Виктор Гашков» (на нём-то мы и катались), это единственный в Сибири теплоход площадью более тысячи квадратных метров (78 м×15 м). Трёхпалубный. Фантастический вид с верхней палубы: небо и вода сливаются на горизонте – и движешься в сплошной серо-голубой стихии, кое-где подсвеченной солнцем. Мимо иногда проплывают парусники – одинокие, в тумане моря голубом. До 1992 года теплоход назывался «Мария Ульянова», переименован в честь бывшего начальника Зап. Сиб. Реч. Пароходства Виктора Гашкова.

Организаторы провели для нас экскурсию в Ложок, где с 1929 по 1956 годы существовал Искитимский штрафной лагерь – одно из отделений СибЛАГа. Самый жестокий «каторжный лагерь» Советского Союза, по словам священника Игоря Затолокина, изучавшего историю этого лагеря и написавшего двухсотстраничную книгу «Ложок. Из истории каторжного лагеря». Это был лагерь смерти: невыносимо тяжёлая работа в карьерах и условия жизни приводили к очень высокой смертности. Впоследствии власти убрали все следы: колючую проволоку, бараки и каменоломни – теперь здесь ничто не напоминает о преступлении советской власти против своего же народа. Ничто, кроме

храма в честь Новомучеников на Святом источнике, строительство которого закончилось в 2021 году. Храм – это всегда история, время оставляет свои следы на всём, к чему кто-либо прикасается: на перилах, ступенях, лавках... А здесь всё новенькое, как с витрины, поскольку история этого храма тоже «новенькая». Церковь стоит на возвышении местности и на высоком фундаменте – издали кажется, будто немного над землёй, неподвластная привычной силе гравитации.

Сервис

Кто-то сгинул в концлагере, а кто-то теперь может приятно отдыхать в одиннадцати километрах от ужасающего прошлого. В «Кроне» есть номера различных уровней – от нормальных до избыточных: с бассейном, сауной, бильярдной и прочими буржуйскими формами отдыха. Но матрацы и подушки в Кроне отличные, на самый взыскательный вкус, независимо от класса номера.

В разгар сезона количество мест ограничено, нас расселяли где придётся, с переездами до пяти раз за месяц. Первые тринадцать дней, к примеру, я прожила в номере «шале-релакс» – двухэтажном домике № 531 с сауной и бассейном, в придачу к обязательным для всех номеров туалету, душу, телевизору, чайнику и холодильнику. Затем меня переместили в одноэтажный 517-й домик «с понижением», но с положительными качествами – без смежных стен с другими номерами: без соседей. Там произошёл забавный эпизод. Возле берега располагалось небольшое одноэтажное здание, в котором часто устраивали свадьбы: идёшь к воде – и слышишь здравицы, бесконечная свадьба! Однажды поздно вечером слышу какое-то постукивание и царапанье на крыльце моего домика. Открываю – там в полутьме невеста с сопровождающими: «Можно, мы у вас тут посидим, попрячемся?». Конечно, можно. Я, в свою очередь, попросила разрешения сфотографировать, а то ведь не поверят! Невеста спряталась надёжно, долго не могли найти – мой домик дальний, у границы с соседней базой.

Затем я переехала в 508-й домик. Именно в этом номере и появился у меня славный гость – местный кот Гоша, как брат-близнец похожий на моего Тишу. Огромный, устрашающего вида кот с невероятно тонким голосом. Я его уже встречала возле качельки – возле которой семья с ребёнком кормили кису. И, кажется, он (или другой, похожий) конфликтовал с белым пушистым: в лучах заката они забились под «Тойоту» и адски выли друг на друга. Белого я потом не видела – наверное, Гоша (не Гоша) победил.

Кот по-хозяйски зашёл в номер (думаю, он регулярно сюда приходит), всё «прочитал» (понюхал) и развалился на кровати. Повалялся, поел, ушёл. Как потом мне объяснили, он не сиротка, у него есть свой дом и хозяйка на улице Ясная Поляна. На следующий день, возвращаясь с прогулки, вижу – мой новый товарищ караулит меня возле домика. Увидев, как я подхожу, он возмущённо замяукал: «Где ты шляешься? Я голодный!». Зашёл, поел, поспал час на кровати – на свежих простынях, ушёл.

Последние 2–3 дня срока я жила в номере-люкс на третьем этаже главного

корпуса, где с утра до ночи развлекал меня своей игрой на фортепиано сосед-пианист: в соседнем номере стоял чудесный инструмент. В корпусе располагается администрация, столовая, танцпол, бассейн, медпункт, помещения для оздоровительных процедур... Адрес его – Морская, 26, и это не единственная Морская улица. Существует 2-я Морская, идущая вдоль моря в направлении Бердска, а также Морской микрорайон, где строятся новые многоэтажки.

Не знаю, почему все номера домиков больше пятисот – реально их на территории двадцать два, из них пять демократичные – на троих временных владельцев, или на три семьи. Домиков – четыре коротких ряда, а между первым и вторым – клумбы, качельки, шведские стенки, лавочки, пара маленьких бассейнов с фонтанами и садовые скульптуры, часто встречающиеся в этой местности – лягушки, бобры, собаки и т. д. Детям организовано веселье на все сто процентов, аниматоры будут работать даже с одним ребёнком. Я видела, как тётя в клоунском костюме разговаривала с малышом мультяшным голосом – мини-спектакль перед ним, единственным, другие дети не пришли. Если ребёнка больше одного, тогда аниматор может проводить детские конкурсы.

Территория обнесена оградой и охраняется. Я как-то раз вышла поздно вечером подышать воздухом, а из темноты меня вдруг спрашивают: «Что-нибудь случилось? Чем-то помочь?». Это охранник – охраняющий всех отдыхающих. Дворник и охранник – «теневые фигуры» базы. По крышам домиков стучат шишки, веточки, утром крыльцо усыпано гербарием – но после завтрака он исчезает. Дворник работает незримо, мне удалось его увидеть всего однажды – и то лишь со спины.

Есть аниматоры для взрослых – «живые» музыканты в летнем кафе, их отлично слышно и видно с тропинки, ведущей к морю: возможно полностью бесплатно сидеть на лавочках и наслаждаться. А посетители кафе, если хотят, могут услышать любую песню на заказ, и даже со словами – бердские музыканты владеют техникой «восстановления текста песни»: надо прислушиваться к подпевающим и, в случае чего, петь песню так, чтобы заказчики не осознали «рандомность» текста. То есть крутые профессионалы, и конферанс на высоте.

А для желающих плясать – танцпол на первом этаже главного здания, совсем бесплатно. Пожалуй, это входит в программу оздоровления позвоночника, поскольку санаторий «Крона» сориентирован на неё: приезжий может посидеть, например, в солевой пещере и фито-бочке, а затем пойти и принять душ Шарко. А затем пойти на пляж и полежать на лежаке – тоже бесплатно, как и вышеупомянутая дискотека. Берег-пляж Новосибирского водохранилища приятен: сосновый бор подходит почти к воде, можно разжечь костёр или снять пляжный домик. На другом берегу виден микрорайон Новосибирска ОбьГЭС, там плотина.

Но, как бы ни был замечателен сервис, главное впечатление от поездки – это общение с нашей командой конкурсантов: умными и талантливыми людьми, при этом не бездельничающими, а интенсивно работающими над очередным произведением. Поэтому общались больше онлайн, чем вживую: в своей группе ВКонтакте.

Труд

Потехе – час, а делу – время. В контракте написано, что мы должны выступать. Выступления были запланированы, и афиши всюду развешены, каждая из которых обещала нас в Искитиме, затем в Линёво, и третье выступление – в Бердске. И на городском сайте афиша. На выступления приезжало телевидение и снимало сюжет для новостей культуры, брали интервью. В Искитиме, например, интервью брали у Саши Зайцевой и у меня, в Линёво – у Ольги Бобровой и у Арины Ковшевой. Видео существует, и его можно посмотреть.

Отчётность по нашей деятельности не ограничивалась «новостями»: нас фотографировали возле автобуса, готовыми уехать на выступление или экскурсию, и приехавшими оттуда (может, боялись потерять?). Вдобавок к этому в самом процессе нас тоже снимали – кураторы (на выступлениях) или экскурсоводы (на экскурсиях). А также фотографировали по прибытии, и уезжающих обратно, в дорожной одежде и с походной сумкой – возле ресепшена. То есть наша фотосессия была богатой по объёму. И не только лишь по нему...

Очень запомнился посёлок (ПГТ) Линёво, где проходило выступление, с его интеллигентной публикой, заведующая библиотекой Светлана Юрьевна Верзакова. Публика нас встретила как долгожданных гостей: внимательно слушали, откликались, спрашивали, при этом искренне интересуясь. Куклы Ольги Бобровой привели публику в большой восторг, они всех впечатляют. Пока мы выступали, Соня Мармеладова и Ася Тургеневская сидели в комнате. А вообще их выпускают, они ходят между читателями – рыжеватопесочная Соня, весёлая и дружелюбная, и дымчато-серая Ася, мякенькая и пушистая. Можете на них взглянуть, посетив Библиолинево ВКонтакте. Кошек этих все очень любят, у каждой из них свои лежанка и лоток. Спрашиваю: «А почему отдельные?» – «Ну так, чтобы им приятно было», – объяснила заведующая.

Отъезд

Уезжая, мы, по примеру наших предшественников, оставили напутствие следующему заезду – письмо в бутылке, роскошное творение-квест Саши Зайцевой. Я собралась в дорогу, сфотографировалась, как того требуют правила, и села в такси, чтобы доехать до вокзала. В пути я потерялась... Хотя, правильнее сказать, таксист немного потерялся. Бензин был на исходе, и мы заехали на заправку. Я вышла из машины и гуляла по территории автозаправки, предусмотрительно запомнив номер машины. Возвращаюсь – машины нет. Служащие спрашивают: «Что ищите?». Называю номер машины. – «А ваша машина уехала!» К счастью, телефонный номер таксиста я записала, звоню: «Вы потеряли пассажира». – «Ой, и правда. А вы молчите всю дорогу – я и не заметил, что вас нет». Вернулся, погрузил, отъезд по месту назначения.

Я ехала домой, а за окном шёл дождь – то тише, то сильнее, но никогда не прекращался... Томск меня встретил бурным ливнем. Волшебное путешествие закончилось. Писатель-победитель, писатель-трудоголик, при этом бездельник, с утра до вечера слоняющийся по тропинкам в поисках новых впечатлений... В этих ролях я побывала, но своя – надёжнее, и даже не важно, лучше она или хуже.

Пользуясь случаем, передаю привет своим коллегам – участникам нашего заезда, благодарю организаторов проекта, а также местную администрацию, кураторов, организаторов наших экскурсий и выступлений. Спасибо кошкам и собакам за приятное общение с ними, садоводам за их чудесные цветы, местной природе за мои неспешные прогулки и планете Земля за то, что мы на ней живём.

Прилагающаяся небольшая подборка составлена из стихов, написанных в бердском санатории в июле - августе 2022 года.

Елена Кириллова

БЕРДСКАЯ КОСА

* * *

Птица летела, задела крылом.
Вспыхнуло солнце на ветках берёз.
Я без дороги, к воде – напролом.
Лес расступается. Берег. Откос.

Люди купаются. Солнце печёт.
Замок песчаный возводит малыш.
Время на отдыхе быстро течёт,
Двигается к вечеру – не уследишь.

Я посижу у холодной воды –
Может, полчаса, может, часок.
Вот наполняются влагой следы.
Катер причалил, уткнулся в песок.

Люди о разной кричат ерунде,
В красных жилетах выходят за борт,
И, чуть качаясь, идут по воде:
Что называется, прибыли в порт.

Радость сверкающих солнечных брызг,
Лает от счастья чужой доберман,
Детский – то смех, то настойчивый визг:
Ехать не хочет домой мальчуган.

Где ж я такую найду красоту,
Воду, песок и пурпурный закат!
...Птица задела крылом на лету.
Что она, птица, хотела сказать?

* * *

Ах, эти крыши цвета неба!
Они стремятся в облака.
Вот под такой пожить и мне бы,
Она видна издалика,

Её увидит с каждой точки
Окрест гуляющий народ.
Я посажу свои цветочки
На круглой клумбе у ворот.

И, покоряясь ритму сосен,
Качнёт соцветьями трава.
Здесь никогда не станет осень
Свои отстаивать права.

Песчаный берег, сосны, море –
Единым взором не объять.
Я не люблю с судьбою спорить,
Я лишь хочу её понять.

* * *

О, дворник, с утра подметавший крыльцо,
А ночью дежуривший возле ворот!
Он тих и скрывает под шляпой лицо –
Скорей, под панамой, но кто разберёт.

Так рано выходит работать – к шести,
Он любит порядок и ценит его,
Поэтому предпочитает мести,
Пока отдыхающих нет никого,

Ну, может быть, девушка выйдет – не раз,
Которая любит купаться одна,
Хотя она в плаванье вовсе не ас,
Но к ней снисходительна утром волна.

И вечером спать не ложится народ –
Гуляют по парку, кричат и поют.
А дворник безмолвно стоит у ворот –
Наверное, думает думу свою.

Вот кто-то в халате выходит во мрак.
Кругом – тишина и безлунная ночь.
Он спросит прохожего: «Что-то не так?» –
Он, дворник, обязан спасти и помочь.

* * *

Пляжное время подходит к концу.
Солнце скрывается за горизонт.
Дождик свободно течёт по лицу.
Я раскрываю голубенький зонт

И создаю свой собственный мир
С небом из шёлка и солнцем внутри,
Это единственный ориентир,
Жизнь начинается снова – смотри:

Чайки летят над блестящей водой,
Ровно и плавно идут корабли.
Мне ещё нужен песок золотой,
Сосны и ветер, и берег вдали...

* * *

Пойдём туда – ещё не поздно, –
Где плеск играющей волны,
Пока луна – а следом звёзды –
На бледном небе не видны,

Пока всю щебечут птицы,
Летая стаями в лесу.
А вечер длится, длится, длится,
Зайдя на Бердскую косу...

Вдыхая душный хвойный запах,
Пройду её и вдоль, и вширь.
Есть пляжи Сочи и Анапы,
Но мне милей моя Сибирь.

* * *

Дожди и ветра – здесь закончилось лето,
И солнце не светит, как прежде, с небес.
Я больше сюда никогда не приеду,
Прощайте и сосны, и лиственный лес,

И дворник, и девушка с милой улыбкой,
Творившая в номере смену белья.
Вильнула хвостом золочёная рыбка –
Пусть не золотая, но всё же моя.

Уже не придётся мне с чёрной собакой
От ливня скрываться вдвоём на крыльце:
Она разрешила, не думала гавкать,
И даже улыбка была на лице.

А песни кошачьи под серой «Тойотой»
(Я номер запомнила, но ни к чему!)
Я их записала, и после работы
Смогу наслаждаться, не дам никому.

Прощайте, приметы ушедшего лета!
Оно ещё будет, но здесь – не со мной.
На самом-то деле – большая планета,
И где-то проложат мне абрис иной.

* * *

Ты отдохни, закрой глаза.
Тебя везёт автобус за
Пределы прежнего жилья,
Где доминировало «я».

А дальше – «мы», разомкнут круг,
Коллег впускаешь и подруг.
Я возвращаюсь к вам, дела,
Хотя я счастлива была

В краю отсутствия забот,
И я запомню этот год.
Потом, оглядываясь на,
Скажу: такая жизнь нужна,

О ней мечтала я во сне.
И чудно мне, и дивно мне.

*2022, июль - август, Бердск,
санаторий «Крона»*

Арсен Титов

СЕНТЯБРЬ

Маленькая повесть

Из сборника «Повести об ушедшей армии»

1

Вот что можно сказать о Сане.

Он снова увидел во сне липы. Стволы их тускнели какой-то мезозойской грязью. Он знал, что это липы. И он любил липы. Но он всегда отмечал, что их кора имеет цвет засохшей мезозойской грязи. Он было выставился к ним. Но вдруг под ними загалдели. Он остановился и постарался понять, кто и о чём загалдел. Различить, однако, ничего не смог. А проснулся – и в самом деле около соседнего дома нарочно громко, до срыва глоток, ржали и кричали. Он подумал, что так могут ржать и кричать только русское молодое дурьё и русская пьянь, потому что ни то, ни другое никогда не получают отпора.

Он спал в балконной лоджии. Уже было по ночам холодно, уже ложились заморозки. Но он открывал окна, стелил на пол матрац и укрывался растёгнутым спальным мешком. В тёплые ночи – только простынкой. Бывало, донимали комары. Он укрывался с головой и оставлял снаружи лишь нос, так как с детства не мог переносить спёртого воздуха. Комары в последнее время быстро мутировали. Они научились летать бесшумно и по непредсказуемой траектории, как моль. Но и при своей мутации они почему-то выставленный из-под простынки его нос игнорировали. Признание его объектом, достойным внимания, наверно, откладывалось до следующего этапа мутации.

От глумливого галдежа молодого русского дурья Саня проснулся и прежде раздражения засёк, что галдели у соседнего дома, а не под липами. Он встал и поглядел вниз. В темноте угадались семь смутных пятен. Семь жлобов в четыре часа утра упивались своей безнаказанностью. Под липами – не во сне, а на самом деле – не менее десятка добрых молодцев, до того молчавших и, вероятнее всего, кого-то слушавших, вдруг враз возмущённо загалдели, но, как по команде, смолкли. И он им за их галдёж был до сих пор благодарен – потому что до сих пор мог видеть липы и вообще до сих пор мог видеть сны. Ну а эти семь жлобов вызвали желание взять что-нибудь лёгонькое типа «малая сапёрная» и вежливо попросить если уж не разойтись, то хотя бы примолкнуть.

Но ничего подобного Саня не сделал, а снова улёгся.

И проснулся он во второй раз от того, что выпал иней. Он выпал к утру, первый в эту осень, слабенький и несмелый. Чуть высветлило солнце, иней ушёл, вернее, тут же улёгся, но уже обильной росой. И сам он, слабенький и робенький, то есть несмелый, и его любые, а не только обильные последствия

обычно обходились очень дорого. Робость его обращалась безжалостностью. Он робко падал – а им приходилось сидеть и ждать. Им приходилось ждать, пока солнце съедало его без следа. Иначе он оставлял их след. А этого им – ноздрь на вывих – не было надо. Им вообще было надо пролететь птичкой, проползти муравьём, самим упасть инеем и на солнышке обратиться в облачко. Такая у них обычно была задачка – всё увидеть и всё отметить, а самим при этом остаться невидимкой, то есть птичкой, муравьём, облачком.

Наверно, от шороха пришедшего инея Саня снова проснулся, посмотрел за окно и, уж коли проснулся, не стерпел шагнуть в ещё тёмную комнату и с любовью её оглядел. Скупоблаженная и не совсем привлекательная для взыскательного или, наоборот, нечуткого глаза, квартирка его была вполне замечательная, или, по выражению друга Кости Кравца, отличная и, можно сказать, даже удовлетворительная. Квартирка Сане нравилась. И нравился ему последний, шестнадцатый этаж с воробьиной семьёй в стрехе над лоджией. В лифте, когда он нажимал кнопку своего этажа, часто удивлялись и даже, кажется, порой смотрели на него с сожалением, мол, вот невезуха человеку, ему – на шестнадцатый! А порой и спрашивали, мол, как там, на шестнадцатом, и при этом, конечно, думали, что там плохо. Он отвечал оценкой Кости, мол, на шестнадцатом – очень даже отлично и, можно сказать, даже удовлетворительно. И ведь на самом деле, на шестнадцатом было отлично, потому что никто сверху не стучал, никто сверху не заливал водой, и вообще там было тихо, как в лесу, в поле, то есть в горах, как на задаче, пока не зашумели боевостолкновением. На задаче в горах известно – кто выше, тот барин. Правда, такого барства лучше было бы не знать. Лучше было бы сидеть на равнинке и контролировать её с какой-нибудь кочки. А горное барство – это, да вот как сказал один служивый поэтической строкой: «Пехоту высадили на три сто, пехоте надо на четыре триста». Вот на такое барство сподобиться можно было только от тупого желания выжить, которое, кстати, – не барство, а желание – тупело на каждом шаге, и грохался, бывало, такой барин в судороге, остатком глотки выталкивая из себя что-нибудь типа: «Всё!.. Лучше здесь!..». – То есть барин изволили предпочесть сдохнуть на месте и тотчас же, нежели хотя бы пошевелиться.

В третий раз Саня проснулся по-барски, в семь часов. Он с привычной любовью обвёл комнату взглядом, в ванной окатил себя водой едва не со льдом, побрился, поотпичивал подбородок и повтягивал щёки, несколько отмечая появившееся толстомордие. Потом он постоял над тазом с бельём – замочить или не замочить – и замочил. А потом сварил картошку, заправил её брынзой, майонезом, зеленью, пряностями и перцем, посожалел, что с утра нельзя заправить чесноком, позавтракал и уселся на диван, чтобы, так сказать, в брюхе улеглось. Времени было. И он посидел просто так, попялился взором по квартирке, послушал тишину. У двери он снова оглядел квартирку, взглянул на заоконные Змеиные горы, разной дальностью вершин слитые в единую синесизую змеиную полосу.

– Ну, до вечера! – махнул он всему рукой и вдруг признался: – Сегодня у нас с Женечкой первое свидание!

На тринадцатом или двенадцатом этаже в лифт вошли двое насупленных

людей – муж и жена. Он подождал, когда они поздороваются, не дождался и поздоровался сам. Они не шелохнулись. Из лифта они вышли первыми. «Явно я им испортил настроение!» – подумал он. Этак было каждый день по сто раз. Он здоровался, но ответ получал редко. С детства он освоил, что первым здоровается младший со старшим, мужчина – с женщиной, идущий – со стоящим. И никак он не мог освоить, почему на его приветствие неприятно молчали даже большинство соседей. И каждый раз он на секунду раздражался.

Цветы у подъезда молодцевато таращились на солнце. Им, наверно, казалось, что иней – совершеннейший пустяк, и стоит только перетерпеть ночь да дожждаться солнца. Он на миг по логической связи от инея к следам вспомнил липы и в который раз за утро подумал: «Или мы прохлопали их охранение и нам дико повезло, или их охранение прохлопало нас, и нам опять дико повезло, а ведь меня, дурака, ну прямо потащило под эти липы!».

– Вот и вы, – сказал он цветам, – этак же прохлопаете! – А что прохлопают цветы, он не сказал, так как и без того было понятно, что они прохлопают заморозки, хотя по отношению к цветам такое обвинение было несправедливым, ибо хлопай цветы не хлопай, а заморозки всё равно придут.

Так язычески разговаривать со всем, что ни встретится, он тоже научился с детства. И будто эти разговоры ему помогали. Будто при этих разговорах ему что-то приходило такое, что не пришло бы, если бы он не разговаривал, будто то, с чем он разговаривал, если уж не открывало ему тайну, то хотя бы предупреждало, и ему оставалось только вчувствоваться в эти предупреждения. На самом деле, конечно, ничего такого не было. Однако всё равно было приятно думать, что такое было.

2

До офиса на Пушкинской ходьбы было час десять. Транспорт, если без задержек, обходилось в полчаса. А с небольшими задержками, когда какой-нибудь – тут Саня обычно употреблял не совсем печатные эпитеты – когда какой-нибудь, мягко выражаясь, эгоистически настроенный водитель вставал поперёк трамвайных путей с надеждой втюриться во встречный поток, и его приходилось пережидать, тогда хорошо было, если укладывались в сорок минут. Не совсем печатные эпитеты вполне имели место быть и даже обращаться в совсем непечатные, когда этот эгоистически настроенный водитель вставал на трамвайные пути так ловко, что перекрывал или донельзя суживал проезд другим водителям. И, объезжая его, другой водитель, не обязательно эгоистически настроенный, вдруг застревал тоже как-то так ловко, что загораживал остаток проезжей части. А около пристраивался третий, пятый, десятый. А там какая-нибудь длинномерная фура вдруг из-за этого перегораживала вообще весь перекрёсток, а там перед ней застревал встречный трамвай, за ним выстраивался следующий – и начиналось. На дороге всё прекращалось, а в трамвае начиналось. В трамвае тотчас начинались звонки с мобильных телефонов, и летели во все концы штампованные извещения: «Я в пробке, застрял

в пробке, тут пробка, Таня, подстрахуй, Маня подожди, Вася задержи, неизвестно, когда буду, тут такая пробка!..». Конечно, его всё это раздражало. Но он терпеливо сносил. Только про себя говорил:

– Ну почему из-за одной сволоты должны страдать сотни людей! Да издать закон, по которому трамвай имел бы право таранить на трамвайных рельсах любую машину этак слегка. Протаранил слегка одного, протаранил второго – и никто больше трамвайных путей не коснулся бы. Ведь всё так просто! И не будут сто человек страдать из-за одной, мягко говоря, сволоты.

Саня бы ходил пешком. Ходить ему было сверх чем привычно. И эти час десять его бы только бодрили. Но уже стала поселяться в нём какая-то инерция гражданской жизни, какая-то этакая городскость, этакая урбанистость, этакая вальяжность, когда вдруг привычнее ставало полезть в транспорт и стоять и париться в этих самых пробках. Хотя термин «париться» к поре отправления его на службу никак не подходил. Его остановка была первой после конечной. И приходил он на неё, когда, так сказать, работный люд уже схлынывал. Трамваи приходили практически пустые.

Сегодня вместе с ним в вагон вошли три иногородние девчонки лет по семнадцати и уселись втроем на одно сиденье. Их возраст и иногородность он определил по их первому же вопросу к кондуктору. Они спросили, доедут ли до политехнического института, то есть ныне университета. А это обозначало, что они иногородние и только-только поступили учиться.

Сидеть втроем на одном сиденье им оказалось неловко, и одна встала. Была она совсем маленького ростика, чернявенькая, круглолице-узкоглазенькая, толстоватенькая и криво-коротконогенькая. Саня скользяще, сверху вниз, от лица к грудям, от них к талии и от неё к ногам, как это обычно делают мужчины, оглядел её и даже засмурел. «Ну вот как она выйдет замуж! Влюбится – и будет страдать. А замуж не выйдет!» – в своей смуре подумал он. Она тоже посмотрела на него и тоже скользяще, но не так, как он, а скользяще мимоходом, без какого-либо интереса, статистически, отмечая лишь то, что вот-де сзади сидит старый дурак и не уступит женщине место. Старым дураком мужчины в сорок лет не становятся даже для семнадцатилетних. Но он почему-то прочёл в её статистическом взгляде именно это. Хотя – если она взглядом что-то говорила, значит, взгляд был далеко не статистическим, и Саня, выходит, ошибался.

– Короче, – отвернулась к подружкам чернявочка, или как её назвать для образности, – короче, я в магазин пришла, заняла очередь и побежала в другой. Сюда прихожу, такая, встаю, а меня какая-то тёлка не пускает: ты чо наглая такая? – Я говорю: я занимала! – Она не пускает. Я ей локтем дала и встала.

«Попранная справедливость была восстановлена!» – с улыбкой сказал себе Саня в полной уверенности, что ничуть не стало с восстановлением справедливости, иначе незачем было бы вообще начинать рассказ, который вот так бы закончился.

– И чо? – спросили подружки.

– А ничо, – сказала чернявочка и смолкла.

«Неправда», – отметил Саня насчёт отсутствия продолжения.

– Ничо, – сказала чернявочка. – Она, такая: ты, типа, чо, где родилась, что

у тебя такие манеры? – А я ей: там! – чернявочка вместо этого мало что-либо определяющего местоимения назвала арьергардную, часто бывающую изящной и привлекающей мужской взгляд часть женского тела.

– Да ты чо, Райка! – чувствуя позади себя Саню, то есть, по их предположению, сорокалетнего дурака, смутились подружки.

– А чо, там, говорю! – снова назвала чернявочка тот женский арьергард, который, кстати, у неё самой был далёк от изящности и привлечения мужских взглядов.

– А она? – хоть и смутились, но не смогли удержать любопытства подружки.

– А она: оно и видно, – говорит. – А я, такая: а ты чо, думаешь, ты в... родилась!

«Оп!» – сказал Саня и вдруг заменил название того места, которое чернявочка определила своей неожиданной сопернице для рождения, и которое, собственно, для этого и являлось единственно предназначенным местом, на полинезийское слово «аа», услышанное от эрудита товарища Че, прапорщика Суркова. И у Сани слова чернявочки вышли так: – Ты думаешь, ты в «аа» родилась? А вот... – и опять для обозначения той части мужского тела, которая совокупно с вышеназванной частью женского тела тоже имеет отношение к рождению детей хотя бы на первоначальном этапе, Саня употребил полинезийское слово «уу», отчего слова чернявочки у Сани вышли так: – А вот «уу» тебе! Ты вообще выкидыш! Тебя вообще в... нашли! – сказала чернявочка и, конечно, назвала не то место, где обычно появлялись на свет дети, то есть назвала она не капусту в огороде и не аиста в небе, а назвала она продукт, исторгаемый арьергардной и в данной ситуации не обязательно изящной частью тела, в разных слоях общества именуемый по-разному – кто-то называет его стулом, кто-то продуктом пищеварения, кто-то шлаковым продуктом, а кто-то вот так, как чернявочка.

– Ой, Райка! – сказали подружки.

И он тоже сказал: «Ой, Райка, молодец!».

– А чо, – сказала чернявочка. – Одна тёлка стала звонить моему парню. Прикиньте. Я, такая: типа, ты чо, оборзела? Она: а чо, он твой, что ли? Я: мой и отвали, а то тебе уево будет! – и опять чернявочка сказала не полинезийское, а довольно русское слово, в иносказании обозначающее плохие последствия.

– И чо? – опять спросили подружки.

– Ай, да. Потом я ей зубы выбила и башку разбила, – сказала чернявочка.

– Да ты чо, Райка! – на миг ужаснулись подружки, а он сказал: «Наш кадр!».

– Она сама с бутылкой полезла на меня, – сказала чернявочка. – Я бутылку отобрала и говорю: не умеешь ни... – ну, то есть, «ни уу», – не умеешь ни «уу», дак я тебя научу! – этой же бутылкой ей по зубам дала, а потом по башке!

«Вот так молодец!» – опять мысленно сказал Саня и подумал, что ни он сам, ни кто-либо другой ни за что не оборвёт чернявочку, не пристыдит, не оттреплет за ухо, что никто никогда не даст отпора русскому молодому дурью и русской пьяни.

А когда вышли с задачи, – это Саня вспомнил после замечания насчёт дурья и пьяни, – когда вышли и он повёл группу косым и пьяным от усталости, но всё же строем, сам – замыкающим, неожиданно на лесном подъёме из оврага ткнулись носом в генеральские лампасы. Саня только-только поднял глаза от носков сапог к голове колонны и хотел снова упереться глазами, как клюкой, себе под ноги – а нет! глаза упёрлись в генерала и торчащую за ним из мотора «уазика» солдатскую задницу. Саня задницу проигнорировал, а к генералу глазами прямо прилип. И ему подумалось сначала, не уснул ли он. Потому что такую картинку, какую он увидел, наяву никогда не увидишь, а если увидишь, то перекрестишься. Ведь они вот-вот вышли с задачи. Да нет, не это. Они тащились, а вернее, каждый на трёх точках мотался по грязной лесной овражине среди цепких и сверху нависающих здешних бесконечных кустов, обрыдлых своей непроницаемостью до желанья выжечь их «шмелями» или, по крайней мере, при невозможности выжечь смачно харкнуть в них – и потому именно смачно, что рот в отсутствии слюны распёрло железобетонным коробом, а в башке раскорячилось видение всего, что имело отношение к влаге – даже этот смачный харчок. Они тащились, уже потеряв от усталости всякую осторожность, прикрываясь только одним понятием, что они где-то в расположении своих, совсем, кстати, в этом не уверенные, но уже махнувшие на всё рукой. И вдруг среди оврага, на подъёме, по какой-то причине, ну просто галлюцинацией всторчал генерал при полном параде, то есть при лампасах, кителе и фуражке с кокардой. И пока Саня смыкал и размыкал веки в старании определить, не сон ли, не мерещится ли, пока он тягуче ворочал в мозгу, что это и не сон, и не генерал, а обыкновенная подстава, то есть засада, пока он разевал скоробившую свою пасть, чтобы крикнуть шедшему впереди колонны Грише о засаде, Гриша поравнялся с генералом, приостановился, как бы всего лишь запнулся, и пошёл дальше.

– Аэ! – начал было Саня кричать Грише, но именно это же он услышал от генерала.

– Аэ... э... боец! – окликнул Гришу генерал.

Гриша лишь дёрнул задом, удобнее пристроил заплечный мешок и оружие. Но Сане показалось, что Гриша задом дёрнул глумливо, и обмер – вдолбленную субординацию никуда не выкинешь. Но обмер он так устало, так равнодушно и немощно, что и сам почувствовал ложь своего испуга. Догадка о засаде от дёрганья Гриши стёрлась сама собой, и на её место вновь угнездились осоловелое, старо-лошадиное равнодушие: усталая лошадь легла в борозду, и ты над ней не ахай... – бородатый армейский фольклор с некоторым продолжением, на которое уже сил не было. И он подумал, смыкая веки, что генерал ему примерещился.

У генерала же, видно, шок от Гриши прошёл быстрее, чем у Сани от самого генерала.

– Боец, ты кто, какой части? – услышал он генерала и снова поднял глаза.

Генерал, хотя и растерянно, но уже навис своей громадной фуражкой над Добрей, сержантом Добрыниным. Но того мешок потащил в сторону. И Добря миновал генерала.

– Стоять! – было крикнул генерал, но вдруг схватил за рукав следующего за Добрей снайпера Шурупа. – Боец! – схватил он Шурупа за рукав.

Шуруп кое-как поднял голову, вывернул рукав и прошёл мимо. Генерал явно покрылся испариной, если и без того не потел в своих лампасах и кокарде на разгорающемся солнце. «Что-то здесь не так!» – наверняка забулькало у генерала. Хотя тот же армейский фольклор указывает разницу между лейтенантом и генералом – лейтенант долго достаёт, а генерал долго ищет – но ведь нельзя полностью отрицать, что у генералов вообще в связи с этой вводной ничего не было. Ведь долго ищет – это значит есть что искать, или, по крайней мере, он на это надеется. И Саня даже в своей непреходящей лошадиной дрёме на ходу увидел – генерал впал в давно не посещавшее его недоумение. Он даже наверняка покрылся испариной. «Ищет!» – только и определил за генерала Саня, а чего ищет, того у Сани в голове, в его единственной на этот час извилине, уже не уложилось.

А генерал хватил шедшего за Шурупом товарища Че, прапора Чеку. Как-то всегда так получалось, что Чека находился не на своём месте. Не в том плане находился он не на месте, что не на месте. В этом плане Чека фору давал пятерым матёрым бандерлогам с офицерскими погонами. В этом плане Чека всегда находился на месте. А в том плане был он всегда не на месте, что... – одним словом, хорошо, что он был прапором и карьере ему не надо было делать. В общем, прапор Чека шёл четвёртым, и генерал вцепился в него.

– Боец, я спрашиваю, какой ты части! – кажись, даже взвизгнул генерал.

Чека понуро сделал шаг в сторону, обогнул генерала и снова встал в колонну.

– Мужик, иди ты на ..., а! ну что ты пристал! – услышал Саня в густой и пряной духоте оврага ровный и немного просящий голос Чеки, называющий генералу не зашифрованный под Полинезию, а прямой русский адрес.

4

В это время приспела остановка «Профессорская» – не в овраге, разумеется. Девчонки суетливо потащились за чернявочкой к двери.

Он посмотрел на всех троих сверху – пехоте на этот раз хватило три сто! – увидел, как обе девчонки мышками суетились в старании поспеть за чернявочкой. Она же легко буравила толпу, и чёрная с густым жёстким волосом её голова будто служила ей тараном. «А ведь выйдет замуж!» – подумал он, и ещё подумал, что, пожалуй, муж будет у неё под пятой и будет подпяточностью доволен.

На углу Гагарина трамвай немного поперепихивался в пробке. Саня снова подумал о своём законе слегка таранить автомобили на трамвайных путях. Пока поперепихивались и дёргались, по сантиметру завоёвывая рельс, позвонил друг Костя, попросил купить «Областную газету» – что-то там его заинтересовало, а купить было не с руки.

– Куплю, если хотя бы к вечеру доеду до службы! – сказал Саня.

Но, на удивление, он доехал до своей остановки быстро, и едва ли не в досаде буркнул:

– Ну, не к добру!

Тротуар около здания бывшего «Облэнерго», а теперь как бы даже некоего вертепа различных контор, конторок и подконторниц, как всегда, был перегорожен. «Перманентно перегорожен!» – отметил Саня любимым словом товарища Троцкого. «Лозунг перманентной революции не должен сходиться со злобы дня!» – нечто к такому, по крайней мере, по словам учёного Чеки, призывал товарищ Троцкий, то есть призывал революцию творить беспрестанно. Так же перманентно, будто польский легионер, тротуар был опоясан бело-красной лентой. Перманентно на фасаде несчастного здания что-то перекраивали, перекрашивали, перевешивали, перебивали, переносили, перевыламывали и перезаделывали. Постоянно поперёк тротуара и враскоряк стоял автокран, или елозила по фасаду автовышка с корзиной, в которой, будто агээс, автоматический гранатомёт, долбил отбойный молоток, а с земли на корзину задирали головы штук пять руководящих работников в галстуках и штук пять работяг в касках и униформах с лейблами своей фирмы. Они совсем не смотрели ни на кого вокруг – только вверх. Их старались обойти. Но в оставленном проходе это сделать было невозможно. На них натывались. Их толкали. Им высказывали. Но они ни на кого не обращали внимания. Они смотрели вверх. И в целом было непонятно – зачем они здесь и зачем они смотрят вверх. И было непонятно, что именно там менялось, что и кого там не устраивало. С тротуара этого не было видно. Не было этого видно и с проезжей части проспекта, и с противоположной его стороны, так как кривистые рослые липы закрывали здание до четвёртого этажа.

5

А они тогда не удержались. Это непрофессионально. За это с должности снимают. Но они не удержались и на обратном пути в той купе лип поставили три растяжки. Так молча кого-то слушать и так скрытно вести себя, что Саня едва не выперся к этим липам, а потом вдруг возмущённо и враз загалдеть и тут же, как по команде, смолкнуть – так сможет только воинское формирование. И на обратном пути Чека не удержался поставить там три растяжки. Обратное возвращаться пришлось тем же местом не по своей воле. Это простилось. А про растяжки он не стал докладывать. Не такая уж сугубая организация у нохчей, чтобы после подрыва на тех растяжках вдруг спетрить, что была тут группа глубокой разведки, и теперь всё надо передвигать, перепрягивать, переиначивать. Если и подорвались, то наверняка свалили на кого-нибудь из своих же, да ещё устроили разборку, да ещё маленько постреляли друг в друга, да ещё до десятого колена затаили друг на друга злобень. Чека – умный!

Около красно-белой ленты в толчее и около этих, с задранными башками в касках и галстуках, Саня вспомнил, что обещал Косте купить «Областную», и пошёл на почтамт. В вестибюле почтамта полненькая светленькая газетчица ему улыбнулась. «В меру полненькая!» – подумал он и тоже улыбнулся.

– Вот посмотрите, сколько у меня газет, и все свежие, и все интересные! – сказала она.

– Интересные, как вы? – отважился он на лёгкую пошлость.

– Во много раз интереснее! – сказала она.

А он почувствовал, что пошлость прошла, то есть комплимент газетчицей был принят. Ну да и пошлость ведь была всё-таки лёгкой.

Он взял два экземпляра, ещё раз улыбнулся, вышел на крыльцо и только тогда посмотрел на дату, да и то случайно.

– Э! Барышня! А ведь!.. – поспешил он к газетчице.

– Что? – во внимании свела она светленькие свои бровки к переносью.

– Да ведь вот! – показал он на дату каких-то едва не весенних пор.

– Ах! – вскинула бровки и округлила глазки светленькая газетчица, посмотрела остальные номера газеты и ещё более вскинула бровки: – Ах! – и даже во что-то вроде испуга впала, и даже в этом испуге взглянула на него, дескать, что же он о ней подумает! «Ах, мошенница! – подумает. – А ещё такая светленькая и полненькая – в меру! – подумает».

Он это в ней увидел, про себя заулыбался и вспомнил чернявочку, её, так сказать, безыскусный и незлобивый рассказ. И он снова вспомнил Чеку, вспомнил его ровный и немного просящий тон: «Мужик... иди ты на ... а! Ну чо ты пристал!» – Потом, когда ржали, когда нашли сил ржать, Чека, прапор Чека, товарищ Че, Божьей милостью бандерлог, но умны-ы-ый, не веря ржачке, спросил:

– А чо, правда, что ли, был генерал?

– Да ты чо, товарищ Че, совсем, что ли, спал по дороге? – едва не в голос спросили его.

– Ни хрена себе! Я думал, засада. А воевать уже нет сил! Ну и послал его. Всё равно ведь было подыхать! – признался Чека.

И пока светленькая с испуганными бровками газетчица, оставив его караулить товар, побежала выяснять, каким макаронном ей подсунули газеты времён едва не царя-батюшки, подошла или, вернее, при-ко-ма-на-ла, кажется, так у них, у англосаксоподражателей, прикоманала всхолённая гелз с, как ей самой казалось, иностранным взглядом, в котором если что-то и должно было быть прочитываемо, то только название фирмы, которой она служила.

– Мужчина! – строго, как ей казалось, но на самом деле с какой-то претензией раскрыла она якобы фирменные губы.

Саня усмехнулся, правда, про себя.

– Мужчина! – снова сказала она, положив, что он не услышал. – Мужчина, не могли бы вы за подарок ответить на несколько вопросов?

– Нет, не мог бы, – сказал он.

– Это за подарок. Всего десять минут, и вашей жене будет подарок! – сказала она.

– Да вот я караулю! – попытался он отвязаться.

– Я подожду, – сказала она.

И действительно, она осталась ждать. Она чуть отошла в сторону и бесстрастно стала смотреть только в одну точку, явно видя себя со стороны принадлежащей только фирме. И потом она привела его в кабинет здесь же, на почтамте, усадила напротив и с фирменной бесстрастностью стала ему задавать вопросы о каких-то иностранных карамельках, которые он отро-

дьясь не брал в рот да, собственно, и не собирался в свои мужичьи сорок лет брать.

– Вы употребляете вкусные и сочные конфеты фирмы «Тыр-быр фак ю»? – спросила она и показала ему упаковку.

– Нет! – сказал он.

– А хотели бы вы употреблять вкусные и сочные конфеты фирмы «Быр-тыр ю фак»? – она снова показала упаковку и далее, совсем не обращая внимания на его постоянные отрицательные ответы, спрашивала его таким же, как и у чернявочки, нерусским языком, нерусскими агрессивными предложениями уже без знаков вопроса, уже не в качестве предложения – в смысле: предлагать – а в качестве жёсткого утверждения.

– Я бы съел вкусные и сочные конфеты фирмы «Тыр-быр куда-то там гоу» целую упаковку! – говорила она за него.

– Нет! – говорил он.

– Я бы съел вкусные и сочные конфеты фирмы «Быр-тыр гоу куда-то там» целую упаковку! – говорила она название следующей фирмы.

– Нет! – говорил он.

– Я бы съел... – как пресс, давила она.

– Я бы вообще ничего никогда не съел! – не выдержал он и прибавил, что не стал бы есть именно с этой минуты.

Она на него не взглянула. Она снова сделала пометки в своих опросных листах и перешла к другому утверждению, на которые он так же отвечал словом «нет» и по окончании опроса не сдержался спросить:

– А что, девушка, как-то по-русски эти вопросы нельзя было построить?

Спросил в пустоту и пошёл, не взяв подарка. Она вскричала ему вслед: «Мужчина! Возьмите подарок!» – он же только отмахнулся, и хорошо, что не сказал того, что сказал Чека генералу. А потом вдруг её пожалел: может быть, она простая русская девушка, смешливая и кокетливая, а поступила в эту вкусную и сочную фирму работать – и была вынуждена ломать себя.

6

Проспект в этой части был широк, а светофор на зелёный свет скуп. Пешеходные народы по этому обстоятельству вели себя, будто новобранцы первый раз в поле. Бежали они через проспект беспорядочно, рвано, мешая друг другу, в лихорадке не успеть. Водители пешеходной зоны не видели, ломили через зебру с удвоенным удовольствием. Это тем более сбивало пешие народы в кучу, то есть ещё более мешало. «Бараны! Держитесь правой стороны! Вот так же вы себя ведёте за рулём!» – думал Саня, и ему свербило умотать в лес, в поле, то есть в горы, на задачу, где, как говорил Костя, любая улица в два конца твоя. «Если даже на ней дорожные знаки расставляют воины ислама!» – прибавлял Саня.

Вместо гор и задачи, однако, он перешёл от почтамта на свою сторону. Народу улица Пушкинская против других улиц содержала заметно меньше, как бы располагалась не в центре города, а на сельской окраине. Только около фруктового киоска с выставленными прямо на тротуар картонными ко-

робками с яблоками кучкой, или, сказать, купой стояли несколько женщин из соседних контор. И вдали, около бывшего Дома профсоюзов, чёрными сожжёнными бэтэрами громоздились на тротуаре чьи-то шибко крутые авто. Проезжая часть улицы была забита транспортом. Где-то поставить машину, или, по-нынешнему, припарковаться, было просто невозможно. И в бакшише был тот, кто приезжал с утра пораньше. Так сказать, кто первым сел, тот всё и съел. И, помнится, одно время улицу взялись пасти ушлые ребятки – то есть взялись за стоянку брать деньги. И, помнится, он однажды попал к ним под раздачу. Бригада только что перебралась из ныне суверенной республики сюда и обустроивалась. Он приехал по делам в местный штаб ведомства товарища Шойгу, которое располагалось на этой же улице. Кое-как он пристроил свой армейский «уазик» сбоку припёкой и подался к дверям штаба. Но вынырнули двое в штатском – шутка! – вынырнули двое людишек, как и положено, такой категории или изображающих такую категорию, ссугорбленных и бритых, но уже не синих, хотя ещё и не совсем накачанных, без складок на затылках и пока ещё без дорогих перстней.

– Летёха, ты, это, в натуре, не торопись! – как бы даже вежливо и как бы даже устало вот от таких непонятливых, как Саня, приехавших и куда-то, задрав рыло, побежавших, устало, в нос и в растяжку сказал один.

– Короче, за постой платить надо, командир! – сказал второй.

А с каких барышей он, офицер Красной Армии, как они то ли в ностальгию, то ли в издевательство над собой любили называть себя, с каких-таких правительственных щедрот он будет платить, когда не то что не получали, а даже запах денежного довольствия забыли.

– Короче, – сказал он им как можно приятельски. – Короче, я готов взять у вас любую сумму!

– Тебе чо, колёса лишние, командир? – спросил второй.

Было очевидным – оба не служили, оба сидели. И оба его форму воспринимали формой вертухая, или как они там называли служащих работающего с ними ведомства. А у него вот этакий с самого его лейтенантства, то есть с того самого летёхи, стали вызывать не столько злобень – что уж там со злобенью, шибко мелко! – у него этакий стали вызывать жуткий внутренний холод. Злобень с некоторой поры стали вызывать вообще пиджаки, все эти гражданские, разболтанные, говорливые, вёртко-скользкие, умные и одновременно анемичные, одышливые и трусливые, но снисходительные к ним, к армейским, как к недоумкам. Всё, что оказалось за зелёным забором, все эти пиджаки своей беспорядочностью и непорядочностью у него стали вызывать злобень. А такие, а этакий – они вызывали уже не злобень. Они вызывали жуткий холод, ну прямо лёд они вызывали где-то в брюхе. Враз у него там смерзлось.

Между машин было не очень удобно. Но он въехал первому, ближе стоящему, сапогом в колено – пах пожалел, всё-таки не совсем, видно, смёрзлось брюхо, – въехал сапогом ровнёхонько в колено и торцом ладони – в переносье. А второго, взявшего с места аллюром, он достал через несколько шагов, приволок обратно, подбил сзади ему ноги, положил рядом с его, так сказать, товарищем и прошипел:

– Убью!.. Обоим сидеть здесь и ждать меня!.. «Уазиком» по тротуару размажу!.. Поняли, сучата?

Логика в его шипении было хрен да маленько, ибо где же он их достал бы, если бы они сбежали. И что бы он стал делать если бы они привели сюда свою бандитню, или бы, того хуже, проткнули бы колёса, а потом убежали? Хотя первый визжал с проломленным коленом – и уползти-то не мог, а только гнал визгом прохожих на противоположную сторону улицы. Но всё же логики в его шипении не было. И логика здесь не была нужна. Логика – это у пиджаков, в их словосотрясениях, в их презрении ко всем, кроме себя, в их неприятии всего, что не касается лично их, их спокойствия и благополучия, собственного, личного благополучия, не распространяющегося даже на их родителей, жён, детей. Так он считал тогда, и всю логику мнил за пиджаками. А в такой ситуации, которая вышла у него с этим вшивьём, логики не было надо. Их надо было просто давить. И он легонько долбанул в нос второго:

– Ты понял? Ждать меня здесь!

– Понял! – захлёбываясь кровью, сказал второй.

– И этому утри сопли! – приказал он.

– Понял, – сказал второй.

– Гранату без чеки в руку дать? Держать до моего прихода будешь? – спросил он, хотя гранаты у него не было.

– Нет, – сказал второй.

– Будешь ждать без гранаты? – спросил он.

– Буду, – сказал второй.

– Скорую вызовите! – провизжал первый.

– Вызову, – пообещал он.

Никакую скорую он не вызвал и не подумал вызвать, а когда вернулся к «уазик», подле уже никого не было.

И потом была у него на этой улице ещё история, как бы отличная от первой, но в чём-то ей сродни. Костя нашёл ему представительство одной московской фирмы, и он заступил в должность, то есть сел в мягкое вертлявое кресло в большой комнате отданного ему в распоряжение офиса – сел в привычной уверенности, что сотня, как в бригаде, обязанностей сорвёт его с кресла, и он никогда более не коснётся своей тыльной частью его хрустко скрипящего, но и якобы всё понимающего и всё принимающего, то есть, получалось, беспринципного устройства. Он и к креслу тоже отнёсся с разговором, как отнёсся утром к квартире и к цветам около подъезда, как и вообще ко всему. И понравилась ему эта кресловая чёрная, ласкающая беспринципность. Но, наученный в службе служить, он не поверил в своё пребывание в этом кресле и ждал, что новая служба сорвёт его сотней задач.

Из всех посетителей в первый день он принял только зелёную муху. Она залетела из холла, когда он вышел размять ноги, и прижилась, не особо-то ему мешая. На второй день он в полной тишине стал вспоминать, нет, не то чтобы стал вспоминать. На второй день воспоминания пришли сами. Он счёл абсолютно неуместным служебное время, которое ему, кстати, и в отличие от армейского хорошо оплатили авансом, использовать в личных целях, то есть предаваться воспоминаниям. Но они полезли. И на третий день, весь изнерв-

ничавшийся от своего служебного несоответствия, он позвонил в фирму и доложил, что ничего не делает и даже по отсутствию задачи и в опаске что-нибудь сделать не так, никаких самостоятельных действий не предпринимает, да и представить не может, что именно предпринять.

– Вы на работе, Александр Михайлович? – спросила фирма.

А он посчитал ложью сказать, что он на работе, потому что никак не мог признать работой полезные воспоминания и сожительство с зелёной мухой.

– Но вы на рабочем месте, вы в офисе? – переспросила фирма.

– Я в офисе! – подтвердил он.

– Ну, так, значит, всё путём. Чего вы волнуетесь! Главное, вы на рабочем месте. Как у вас там раньше по службе было, в схроне, что ли. Займите себя чем-нибудь, ну вот хотя бы составьте характеристики стрелкового оружия.

– От первых пиццалей или от арбалетов? – начал уточнять он, да вдруг догадался, что задачу ему ставят от чирья, так сказать, в снисхождении, в начальнической сообразилке о том, что у отставного Аники в одном месте взбух этот чирей, и сидеть Аника не может.

Он догадался и было вспыхнул, но быстрее, чем вспыхнул, почуял, что других задач не будет, и он посажен сюда в качестве отвлекающего предмета, в качестве кота в засаде Чеки – о коте и Чеке как-нибудь потом – а в тот миг он это почуял и сказал себе: «Значит, «Рога и копыта», а я Фунт!» – И он бы оставил эту фирму с её единственным посетителем, зелёной мухой, оставил бы тотчас после этого разговора, но не успел он дослушать остальной начальнический трёп, как пришёл Костя.

– Ты точно контуженный, Саня! У тебя времени херова туча! Ты радуйся, что ничего не требуют! Сиди и пиши мемуары! Усталая лошадь легла в борозду, ты над ней не ахай, есть двадцать – посылай всех в узду, есть двадцать пять – на сук! – сказал Костя армейским фольклором и, как сегодня чернявочка, адрес назвал без шифра, открытым текстом.

А он надул щёки и набычился. Невозможно было ему, матёрому бандерлогу, имеющему очень не последний номер в списках нохчей по оплате его головы, понять маленькой истины, с какого такого бугра его посадили на место, в лучшем случае предназначенного для какой-нибудь фифочки.

– Я, Костя, ничего не пойму! – сказал он.

Он действительно не мог понять своего положения. Он мог его понять только так, что его положение старого матёрого бандерлога здесь, в пиджачном мире, ноздрь навыворот, никому не было нужно, что его вернули к самому началу, как будто он только что закончил школу и вполне мог принять за счастье любое фифочкино положение. Об этой фифочкиной службе или, как фифочки её называли, работе, он был наслышан, и всегда изумлялся полному несоответствию того, чем фифочки занимались, с тем, как это они называли. В его восприятии работа предусматривала физическое усилие, а служба предусматривала усилие характера и души, чего в нынешнем пребывании фифочек в офисах, как, наверно, и самих боссов, обыкновенно не велось и не предусматривалось уставами этих офисов и фирм. Он был наслышан о, так сказать, фифочкиных службах и, так сказать, фифочкиных работах. Каковая она была, эта служба или эта работа, на самом деле, он не знал, но в словах

тех его товарищей, таких же бандерлогов, кто о них говорил, служба и работа фифочек заключалась в умении быть под столом и шевелить губками – и не ботфорты целовать, как нам досталось знать о временах каких-нибудь Аракчеевых и Бенкендорфов, а шевелить губками чуть выше ботфортов. У него не хватило сил поверить в это. Он не верил в это. Но знание об этой стороне фифочкиных служб и работ как бы подтверждали многочисленные «Лексусы» и «БМВ», осёдланные этими фифочками. Разумеется, это были далеко не «Лексусы» и «БМВ», а были авто гораздо пожиже «Лексусов» и «БМВ», но он как-то раз окрестил их именно этими марками, и потом не затруднялся по-другому называть. И, глядя на них из трамвая, он отмечал какую-то всех фифочек абсолютную отстранённость, будто они не торчали в пробках и будто их нигде не ждали, будто они ехали только по своей воле, будто они не были вообще никому нужны, будто от них ничто не зависело и не зависело только потому, что они были выше всякой связи с кем бы то ни было. Они равнодушно снимали рычаг скоростей с нейтралки, если в их «Лексусах» и «БМВ» эта операция ещё предусматривалась, равнодушно несильным толчком проезжали метр расстояния, опять останавливались и кукольно-целлулоидно застывали. Ему в этот миг хотелось отметить, что они застывали чугуно. Но их равнодушные, их холодность и их как бы отсутствие в этих самых «Лексусах» и «БМВ» его переламявали. Ему становилось жалко чугуна, только-то кипевшего и застывшего. Он находил, что с них хватало и целлулоида. На какие средства были приобретены эти «Лексусы» и «БМВ», он не гадал, потому что приходило сразу и приходило первое – за умение работать под столом.

Вот так он принял попервоначально своё положение. И Костя ему сказал, что он точно контуженный.

– Тебе какое дело, Саня! Тебе какое дело, бандерлог ты мой! – навис над ним Костя. – Твоими именами надо улицы называть. Смотри, как звучит: улица Михайлова-Бандерлога!.. А? – Скажите, – это, например, какая-нибудь бабушка к тебе обращается, – Костя, конечно, вместо слова «бабушка» сказал слово, начинающееся с этой же буквы, но гораздо более короткое, гораздо более односложное и даже совсем односложное слово. – Скажите, молодой человек, как проехать на улицу Михайлова-Бандерлога! – А? Звучит?.. А ты ей, как поручик Ржевский, сразу же: А не исполнить ли нам... – Костя опять вместо слов «не исполнить ли» сказал определяющее слово из лексикона поручика Ржевского. – А? Саня! Звучит? – и совсем утверждающе прибавил: – Звучит! Вот так-то, друг мой! Это моим именем улицу никогда не назовут. Разве что – переулок какой-нибудь. А то вообще – тупик! Тупик имени Кости Кравца. Вот так, не Кравца, а Кравца!.. А? Ничо?

– Ничо, – квакнул он, но щёки надувать не перестал.

Никак в него не входило то, что его, матёрого бандерлога, ну и, если уж официально, его, командира батальона и орденосца майора Михайлова, посадили на место фифочки, которой самый раз здесь сидеть и от нечего делать – шефа ведь нет, чтобы нырять к нему под стол! – сидеть да бровки выщипывать.

– И не только бровки, а ещё и лобок! – прибавил Костя.

Костя не был ни матерщинником, ни циником. А казарму на себя он напу-

скал по обыкновенному мальчишеству, в котором остался, несмотря на Афган, полковничье звание и степень доктора наук.

Так вот, пока Саня надувался, подкатила подлинная фифа с уже пощипанными бровками и величиной с нынешнюю чернявочку, только против неё шибко тощая – с ударением на «а» – тощая, узкоротая и колченогая. Чернявочка была кривоногенькая, а эта – колченогая, то есть как бы насчёт ножек чернявочки похуже. Женщин он за всю свою жизнь в лесах и полях, то есть горах, и на задаче перевидал столько, что умещались они в то самое определение «хрен да маленько». Но даже при всём при этом подкатившая фифа была нихт, то есть найн, то есть вообще Гитлер капут. Тощая, колченогая, без той тыльной части, при взгляде на которую у мужчин вдруг возникает не только эстетический интерес, вот такая, от плеч до колен без каких-либо всхолмлений, узкоротенькая и с выщипанными бровками подкатила к нему фифа. Увидев её, он привычно заперевживал, привычно заболел душой, как ложно заперевживал нынче за чернявочку, мол, замуж не выйдет. И потом он долго переживал другое. Потом он переживал долго своё неумение видеть людей. Это стало ему новым. Оказывалось, видеть людей под формой одно, а видеть людей под фирмой – другое. Этак он опять съёрничал. Но выходило, под фирмой, то есть в обычной пиджаковой жизни, видеть людей было делом намного более сложным.

Хотя, бывало, и там по какой-то своей выпендрёжности он не мог увидеть человека. В Ботлихе, в августе девяносто девятого, он заглянул к своему знакомому начпроду. Рота не жрала второй день. Не кормили потому, что рота ещё числилась на махачкалинском аэродроме. И он пошёл к знакомому начпроду. В палатке у начпрода сидели мужики и глушили водку. Начпрод сунул ему полкружки:

– Пей, Саня!

А ему стало тошно. В километре вертушки таскали шеренгами на Абдал Забазуль солдатиков и шеренгами снимали оттуда двухсотых – причём беспрерывно: туда и оттуда, туда и оттуда. Говорили, руководил операцией какой-то эмчесовский генерал, возглавлявший Звезду Героя на грудь и гнавший солдатиков на Абдал в лоб. В километре была самая настоящая бойня. А здесь будто не было войны. Здесь бухали и травили анекдоты.

– Да пей, Саня, не грузись! – сказал начпрод.

Он хряпнул и ушёл. И отчего-то он запомнил одного капитана. Распоясанный, расхристанный, какой-то изверченно-искрученный, с бабским, без щетины, и испитым лицом был капитан, был, сидел в палатке начпрода, жрал водку и хрустел маринованными огурцами. «Вот же скот!» – сматерился он на капитана. А через день начпрод его поймал и сказал, что капитан... – «Помнишь капитана? У меня был, когда ты приходил», – этот капитан сгорел в бэтээре, до последнего прикрывал своих ребяток.

Вот так прибежала фифочка, брызнула ему слезами:

– Только вы можете меня выручить! Меня только что из офиса в доме напротив выселил хозяин! Нам некуда деваться! Хоть на два-три дня, пожалуйста, пустите! А то все наши бумаги, вся наша оргтехника просто лежит на тротуаре!

Саня сам перенёс её скарб, то есть бумаги и компьютеры, и был собой доволен, был доволен тем, что хоть на этот раз сумел увидеть человека. Правда, зелёная муха тут же куда-то слиняла. До того она три дня упорно билась рядом с открытой форточкой, а тут быстро сообразила. «Вот же, едрёна мать!» – сказал он ей вдогонку, то есть не вдогонку, а обнаружив на какой-то день фифочкиного вселения её отсутствие. И он стал жить в этом цветнике, в этой благоухающей всеми оттенками цветочных запахов клумбе из дюжины женщин под постоянным прицелом их сияющих в него глаз. Он стал пребывать в этом цветнике сам не свой. И его хватало только подивиться тому обстоятельству, что большая часть этого цветника были или незамужними, или разведёнками. «Нету мужиков!» – говорили незамужние. – «А это не мужики!» – говорили про бывших мужей разведённые. Ему это было странным. Ему это было просто непонятным. В бригаде практически каждый офицер или прапорщик, за вычетом разве что Чеки, был женат. Служба была в бригаде, то есть вообще в их ведомстве, ну просто мёд с вареньем, присыпанная сверху сахарной пудрой. За такую службу, конечно, не платили – а что платить, коли и так до скуловороченья, до вывиха ноздрей служить было сладко. Счастьем было, если вечером перед уходом домой удавалось заполучить у завстоловой буханку хлеба.

– Ребята! Мужики! Товарищи офицеры! Ну не могу я вам хлеб раздать! Мне солдатиков надо кормить! Меня же под трибунал отдадут! – рвал китель завстоловой.

Но по какой-то самим установленной очереди он каждый вечер кому-то хлебушка всучивал. И было за счастье лететь орлом домой и нести в клюве своей орлице и своим орлятам этот хлебушко. И никто ни от кого не уходил. И, получалось, тем женщинам мужики были. А этим женщинам мужиков не было. Станным ему это было. И странным ему было ловить их сияющие в него взгляды. За его пенсией в шесть тысяч, ну, плюс две за боевые, за его восемь тысяч пенсии и за его ранения с контузией, принёсшие ему скачущее давление и списание в пиджаки, они видели мужика. А за хорошие зарплаты, за «БМВ» с «Лексусами» и внедорожниками они мужиков не видели.

Фифа была русской, но с какой-то литовской фамилией Скунсус или Скунскус – причем не Скунсене или Скунсене, как того требует литовская грамматика для замужних женщин. При своей страшности она была счастлива замужем, о муже и малом дите говорила с придыханием. И вообще она с ним, с Саней, тоже говорила с придыханием. Он этого придыхания стал сразу бояться. Это придыхание его стало волновать.

– Это ничего, что я просилась только на два-три дня, а нахожусь у вас уже месяц? – спрашивала с придыханием она.

– Это ничего, – кивал он и старался тотчас же найти занятие или просто отойти от неё на расстояние.

И однажды в понедельник он пришёл к себе в офис, уже за несколько шагов не угадывая привычного гула женских голосов и гула женского аромата. Он взялся за дверную ручку и на мгновение замер. Это было похожем на то, как если бы он замер, задев растяжку. А если точнее, то так замирает зелёный пацан. Ведь четыре секунды даёт судьба. И если сразу почувствовать тот миг,

когда коснулся растяжки – тогда судьба даёт четыре секунды. И такое было. За четыре секунды успели все брякнуться наземь, а он, Саня, как теперь принято в российских вооружённых силах, успел закрыть собой ближнего к взрыву бойца и, кроме прочих осколков, получил сквозной осколок в голову. И потом, сказав по связи, что есть два трёхсотых: он, Саня, и боец с ранением в чушку, разделившись на две группы – одним продолжать задачу, другим нести Саню – бегом, шесть часов бегом несли Саню до места, где смогла приземлиться вертушка. А бойцу, пацану, от души напинали – какого хрена не брякнулся, как, стёрши глотки, учили отцы-командиры, и напинали в назидание, чтобы остаток жизни благодарил судьбу в виде Сани, то есть благодаря Сане задевшую его только по чушке да и то касательно.

И Саня в понедельник за несколько шагов до офисной двери почувствовал отсутствие уже ставшего родным гула женских голосов и гула женского аромата.

Дверь была незакрытой. В офисе не было ничего. Не было даже кресла. О зелёной мухе, заблаговременно смывшейся в форточку, уже говорилось. В офисе у Сани не было ничего.

Он купил и кресло, и компьютер. Он заплатил штраф за жуткий перерасход электричества сверх лимитов. И он – вот уж подлинный дурак – нашёл фифу, и пришёл, и сказал, мол, как же так.

– Мужчина! Вы кто? Я сейчас вызову охрану! – с абсолютным презрением во взгляде и полным отсутствием придыхания завизжала фифа.

И женщины в него не сияли взглядами. И – это он потом отметил – в момент его прихода и за несколько шагов до его прихода не было гула женского аромата. Вот так странно случилось с женщинами.

7

Саня вошёл в свою улицу Пушкинскую, по пустынности, то есть по малолюдности, как бы сельскую улицу. Сожжёнными и беспорядочно брошенными бэтээрами привычно около Дома профсоюзов торчали несколько иномарок. Привычно, будто на развод караула, вышел из Дома профсоюзов красивый задумчивый мужчина. Он красиво и задумчиво затянулся сигаретой. Он всегда прогуливал себя и, наверно, большую часть рабочего времени он прогуливал себя. Он Сане напоминал американцев поры их совместных учений, то есть не учений, а соревнований. Великий Паша Грачёв, министр обороны, сговорился о таких соревнованиях. Ехать в Америку у Паши явно не было грошей. Он пригласил Америку на уральские зелёные просторы. Приехали крупные, накачанные, затылистые, уверенные в себе и снисходительные к ним, к Саням, Чекам, Добрям, Шурупам и прочей кильке и хамсе, к всему этому позору нации, имеющему, однако, гонор именовать себя спецназом гереу. Весь сей позор нации на своих заокеанских коллег набычился, подобрался пустым брюхом так, что прилипли к рёбрам не только кишки с печёнкой, а и те мужские достоинства, которые полинезийцы именуют словом «уу».

– Товарищ капитан, ноздрь навывих, а мы их сделаем! – сказали они Сане.

– Да уж прошу, чтобы не приказывать! – впервые тогда сказал Саня свою знаменитую фразу.

Домой, в свой заокеан, те поехали такие же накачанные и затылистые. Но надломчик от устроенного им облома сокрыть они не смогли. Этот надломчик очень даже можно было видеть, так сказать, невооружённым глазом, и не надо было для этого шурупчиковой снайперки. Облом был таким, что, докладывали, у Паши Грачёва поначалу кривая, как бы всё-таки держащая удар, улыбка в конце превратилась в свирепую. А тут ещё Чека в упражнении «засада» купил их, как шуку на загнутый гвоздь, точнее, как курят, купил он их на чёрного кота.

– Я вообще-то берёт кота для лучшего случая. Но для дорогих гостей – не жалко! – сказал Чека.

Таких вот коллег из заокеана напоминал Сане этот красивый задумчивый мужчина, ставший неотъемлемой принадлежностью Пушкинской улицы. Костя рассказал, что мужчина был комсомольским работником. Костя тогда служил в политуправлении округа, пару раз пересёкся с ним. Красивый мужчина ничего не делал, ничего не решал, никогда не брал на себя ответственности. Он только задумчиво и внимательно, немного за спину смотрел всем, с кем разговаривал, будто видел там горизонты коммунизма, к которым так безыдейно и безответственно повернулся задом его собеседник. И этим взглядом он навсегда обеспечил себе карьеру сначала комсомольского работника, а теперь работника, в любую минуту могущего ходить по Пушкинской улице и в значительном выражении лица и в значительной позе курить.

За несколько шагов до офиса Саня услышал требовательную трель телефона и мягкий голос секретаря. Времена, когда ему приходилось просто сидеть и бороться с воспоминаниями, прошли. Его задачей, если считать по-старому, было наблюдение. Фирма на Урале располагала определённой производственной собственностью. В наработку авторитета фирмы он был обязан устанавливать степень качества потенциального партнёра с тем, чтобы фирма могла знать, что имеет дело только с элитным партнёром. Сама фирма, как Саня догадывался, горела синим пламенем, платила Сане в полном соответствии с его прежней службой и столько, что Саня со своей пенсией против фирменной зарплаты казался себе олигархом. Но фирма посадила Сане секретаря. Всей задачи секретарю, вальяжной женщине, ещё не потерявшей остатков красоты, было охать и говорить, что ей надо найти другую работу. Саня секретаря стеснялся. Сначала он верил её словам о другой работе, потом понял – женщина здесь была на своём месте, ибо ничего другого делать не умела. Саня тоже, кроме как воевать, ничего делать не умел. Так они и сидели, так и ждали, когда фирма сгорит.

Секретарь тотчас наговорила Сане кучу новостей про то и про это, про то, что показывал вчера телевизор, про то, что писали «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «За здоровый образ жизни», про то, что сказали Путин с Медведевым, Кондолиза Райс, Миша Саакашвили и девушка с косой Юля – не надо забывать, что все они были видными политическими деятелями современности. Сказала она про своего кота, совсем не интересующегося кошечками, и своего мужа, совсем не интересующегося ею, про дочь, у которой

на работе из-за шефа не совсем было всё в порядке, и внука, который рос ну совершенным ангелом и вундером. После этого она спросила, не надо ли Сане чаю, снова рассказала про то и про это, то есть уже про другое то и это – про подругу, абсолютную неумеху и растяпу, но от которой муж до сих пор был без ума, про сына другой подруги, плотно подсевшего на иглу и всё тащущего из дома, про абсолютно невкусную, какую-то кисло-мыльную, купленную вчера в супермаркете копчёную колбасу. И про многое другое стала говорить Сане секретарь. Сане всегда при её разговоре было стыдно, будто он был ответствен за секретаря. Прервать же её у Сани не хватало характера.

Он вспрял, когда она сделала себе передышку и пошла за почтой. Он тотчас стал звонить Женечке. Он уже набрал несколько цифр её номера, но вдруг остановился, успокаивая сердце. Пока успокаивал, ненароком посмотрел на стол секретаря, и в логическую цепочку от нескончаемости её слов он вспомнил задумчивого мужчину, которому в затылок сразу выстроились американцы. Он заулыбался, так как за американцами всплыл чёрный кот Чеки.

Идея Чеки с котом была зияюще простой. Однако эту идею надо было поймать.

– Нет, товарищ прапорщик, не получится! – засомневались ухарики Чеки.

На дискуссию времени не было. Чека сказал:

– Будем!

Ухарики рассредоточились и притащили чёрного, пушистого и даже, можно сказать, смазливового кота:

– Во!

Валерьянки в санчасти не дали.

– Зачем вам, прапорщик? – спросил врач. – Если для этого, – врач имел в виду дёрнуть, – то не рекомендую. Для этого лучше настойка боярышника. Но у меня и её нет.

Занять денег было не у кого. Никому не платили. Чека взял у жены новенькие домашние тапочки с помпончиками – его же подарок на Восьмое марта – и отнёс торговке. Денег хватило на целых пять фандуриков, то есть, проще говоря, на поллитру. Дали коту. Он отреагировал очень индифферентно. Взяли его за руки за ноги, то есть за передние и задние лапы, чтобы не брыкался, раскрыли пасть и лenuли. Вынужденно кот, конечно, выпил, окосел, приобрёл походочку, будто в море лодочка, но ещё просить не стал.

– Ничего, привыкнет. Будем поить – привыкнет! – сказал Чека.

– Сами быстрее привыкнем! – опять засомневались ухарики.

– Кто первый привыкнет, тот и пойдёт вместо кота! – сказал Чека.

Сутки прошли – кот не привык. Чека загрузил.

– Древний Рим спасли гуси. А Америку спас какой-то кот! – в сердцах сказал он.

– Может, и у котом бывают непьющие. Или этот уже завязал! – посочувствовали ухарики, опять рассредоточились и опять притащили чёрного кота, но какого-то такого, в которого Чека сразу поверил: этот не подведёт!

– Да тот-то кошкой оказался, товарищ прапорщик! Нам его хозяйка сказала! А кошки валерьянку не пьют! – сообщили они.

Новый кот на ходу подхватил задачу. Чека с валерьянкой залёг по одну сто-

рону дороги. Добря, замок, то есть заместитель Чеки, пустил кота с другой стороны. Получилось – лучше не бывает. Кот стрелой кинулся к валерьянке. Повторили – результат был один к одному. Усложнили задачу, то есть довели её до необходимого. Чека с валерьянкой опять залёг по одну сторону дороги, Добря с котом – по другую, а ухарики покатали по дороге на «Урале». «Урал» кота не остановил. А кот «Урал» остановил. Только он стрелой вылетел от Добри к Чеке, как ухарикам невольно пришлось дать по тормозам.

– Чёрт! Сам не ожидал! Ведь знал, но нога сама надавила на тормоз! – признался водитель.

– И всё-таки! – сказал Чека и велел перед американцами обвязать кота тонкой леской. – Хрен его знает, на всякий случай. Вдруг кот окажется патриотом и кинется американцам морду бить! – прибавил он.

Кот морду бить американцам не стал. Тут Чека был о нём лучшего мнения. Кот перед американцами на дорогу не пошёл. Те, как и положено по заданию, катили по дороге на «Урале», Добря в нужный момент пустил кота, а тот – ну! Добря его пинком – в зад. Чека ему навстречу – валерьянкой. А тот – нет, тот: ну – и всё.

– Он что, трус или заокеанский засланец! – едва не заорал Чека и леской попёр его через дорогу.

Потом американское начальство спросило наше начальство.

– Скажите, – спросило оно. – Кто был это маленькое чёрное чудовище, которое четырьмя лапами упиралось и не хотело перейти дорогу, но всё равно её переходило?

Ответа не слышал ни Саня, ни Чека, то есть прапорщик Сурков Алексей Петрович. Только начштаба бригады полковник Орлов, находившийся с американцами в «Урале», спросил:

– Честно, Алёша, а что это было? Я сам едва не вспотел, когда увидел.

Вот такое воспоминание выровняло Саню.

8

С Женечкой было договорено сегодня быть в театре, где один очень большой человек, в смысле его служебного положения, давал концерт своих произведений. В театре должна была быть вся элита города. О концерте в среде элиты несколько дней говорили. Говорили не так, как нам донесли в своих романах писатели девятнадцатого века. Говорили реже и без отличающего публику девятнадцатого века преклонения едва ли не перед каждым служителем Мельпомены. Но всё-таки о концерте говорили, потому что быть на нём многим много значило. На концерт был приглашён даже московский шеф Сани, однокурсник очень большого человека, который приехать отказался, а приглашение передал Сане.

Возможно, в своих суждениях Саня очень ошибался, как уже несколько раз ошибся. Вполне возможно, очень большой в административном отношении человек мог сочетать свои творческие способности с административными, и наоборот. Только Саня не мог разрешить задачку, в которой ни у которого из

воjak никогда не было никакого времени ни на какое творчество, не связанное со службой. Да ни у кого из них не было не только времени, у них не было и средств. У них вообще ничего не было, кроме возможности сверху вниз фигуристо и фасонисто орать и грозить служебным несоответствием на любой рапорт по команде, потому что ничем иным они ответить не могли. У них не было ничего, кроме дырки в башке, насвиставшей им когда-то стать воjками. У них не было ни денежного довольствия, по-пиджачному, зарплаты, ни квартиры, ни постоянного места жительства, ни казарм для солдатиков, ни тёплых боксов для техники, как не было самой техники, если не считать технику времён царя-батюшки, как не было современного вооружения, современной экипировки. А у гражданских начальников всё им нужное и даже сверх нужного, оказывается, было.

Саня это прокачал, и поступил нетривиально, как должно поступить служащему его ведомства, хотя и с риском, превышающим разумные пределы, о которых гласят служебные документы. Саня как бы в оплату всех своих бесплатных и, выходило, дурацких ратных трудов в чувстве глубокой справедливости попросил у шефа билет и для Женечки. Шеф был человеком чутким и не без юмора. Он при том, что сам быть в театре отказался, попросил у очень большого человека ещё одно приглашение. От очень большого человека Сане позвонила секретарь и выверенным сочетанием строгости с благожелательностью довела до сведения Сани сугубую эксклюзивность приглашений. Саня опять позвонил шефу. Шеф опять позвонил очень большому человеку. От очень большого человека опять позвонила строгоя, но одновременно благожелательная секретарь и сказала о вдруг появившейся возможности ещё одного эксклюзива.

Женечка была просто красавицей. В свои двадцать пять она уже была бухгалтером хорошей фирмы. Они познакомились весной. Поздно вечером Саня ловил машину. Остановилась Женечка.

– Что же вы так поздно? – спросил он.

– С работы. Бухгалтерский отчёт, – сказала она.

– И не испугались? – спросил он.

– Наверно, впервые не испугалась, – помолчав, сказала она.

– Это у вас «Лексус»? – спросил он.

– «Лексус», – подтвердила она, чем вдруг ввела его в смущение. Очень не захотелось ему верить в своё представление о том, как добываются «Лексусы» такими молодыми, как она, женщинами.

– А у вас? – спросила она.

– Что? – не понял он.

– У вас какая марка? – повторила она.

– У меня шестнадцать бэтээров, – сказал он и прибавил: – Было.

Их отношения складывались очень неровно. Он не мог понять, зачем он нужен ей, юной, красивой и эффектной женщине, и никогда ей не звонил, никогда к ней не заходил, и даже не знал адреса её фирмы. Она стала к нему заходить сама, взволнованная и напряжённая, скрывающая свой приход за какой-нибудь всякий раз новой причиной, по которой она якобы оказалась на Пушкинской улице или рядышком, и, оказавшись здесь или рядышком, якобы

не могла не зайти. Трудно было сказать, радовался он или не радовался её приходам. Можно было сказать одно – он не знал, что в такие минуты делать. Он боялся оказаться солдафоном, казармой, стариком, вообще человеком из иного мира, из иной эпохи, из иного языка и из иного жизненного уклада, каким, собственно, Саня и был. Язык и интонация речи её поколения, её интеллект ему были чужими. И, кажется, всё в ней ему было чужим. Но он признавался себе, что её внешняя красота, её изящество, её наряды, парфюм и её посещения волновали его как мужчину. Ничего другого в себя он не пускал, закрывшись всё тем же бэтээровским люком: зачем он ей, старый дурак, нужен.

Пробило, если, конечно, пробило его только в связи с этим концертом и с историей с билетами. Получив вчера второй, страшно сказать, эксклюзив, он позвонил ей. Она радостно откликнулась.

– Как классно! – возликовала она. – Я только утром прилетела из Египта, и вы мне звоните!

Она сказала, что к театру приедет троллейбусом. И приехала в чёрном вечернем платье, наверно, от самой мадам Коко, и такая красивая, такая молодая, счастливая, что он задом-задом едва не попытался скрыться. Что говорить, если уж Кушка – смотри на карте самую южную точку Советского Союза – это дырка на тыльной части солдатского организма, то тут ничего не поделаешь, потому как у некоторых, типа Сани, самая верхняя часть того же организма, то есть башка, похоже, находилась как раз вокруг Кушки. Воистину: «Пехоту высадили на три сто...». Но Женечка просияла ему счастливой улыбкой. И впервые за все отношения между ними, да, кажется, впервые с его лейтенантства, если не вообще впервые в жизни, он поверил в какую-то иную судьбу, нежели была у него.

– Я только вчера из Египта, и вы звоните! Как классно! – снова сказала Женечка.

Она подошла к нему так близко, что он, кажется, услышал удары её сердца.

– А не загорели! – сказал он как можно короче. Длинной фразы он сейчас сказать не мог.

– Я не люблю загорать. Я всё время была в шляпе вот с такими полями! Я к вам в этой шляпе приду! – ответила она.

Он больше говорить не мог. Глядеть на неё он тоже не мог. Возможность иной судьбы будто остановила его.

– А мама прислала вам привет и вот это, – она вынула из сумочки красиво оформленный свёрточек. – Вот, её пирожки вам!

– Мама? – спросил он совсем несурезно и вспомнил на миг того растерянного генерала.

– Я их вам потом отдам, после театра! – сказала она.

От остановки до театра была сотня метров. Они пошли – она свободно, а он через силу. Он боялся взять её под руку. Он несколько раз нечаянно коснулся её руки своей рукой, даже не рукой, а лишь волосами на руке. Каждое прикосновение его мучило.

– Как Египет? – спросил он опять коротко, чтобы скрыть мучение.

– Классно! Я вам расскажу! – откликнулась она.

Он снова почувствовал в её голосе нескрываемую счастливую улыбку.

Посмотреть на неё он смог только в вестибюле второго этажа театра, когда из-за толчеи всё-таки пришлось взять её под руку, а потом вообще встать близко-близко друг к другу, так что она несколько раз невольно коснулась его грудь. Надо ли говорить, что в эти мгновения он каменел и изо всех сил делал вид, что этих прикосновений не заметил. А потом насмелился и посмотрел на неё. Он посмотрел коротко. Она в своём нескрываемом счастье пыталась оглядеться вокруг. Рост ей этого не позволял. Но она всё равно пыталась. Он понял. Она просто искала кого-нибудь, кто бы увидел их вместе – её, его и её счастье. Ему тоже захотелось, чтобы кто-то увидел. Что-то с ним случилось. Ему захотелось нежно обнять её и тем как бы отблагодарить за её счастье. Под предлогом, что вокруг толкуются, он взял её за плечи.

– Толкуются, – сказал он.

– Толкуются, – сказала она, всхмутив бровки. Глаза при этом продолжали лучиться счастьем.

Тут же их действительно толкнули. Он её почувствовал всю от короткого и какого-то ароматного, будто айва, дыхания до щиколотки, которой она в удержании равновесия угодила в его щиколотку.

– И правда, толкуются! – сказал он.

– Правда, толкуются! – счастливо сказала она.

– Ну, как всё-таки в Египте? – спросил он в прихлынувшей лёгкости.

– Очень классно, Александр Михайлович! Там... – начала она.

– Да просто Саша или Саня, как звали меня в бригаде! – попросил он.

– Хорошо, – согласилась она. – Я не знаю, с чего рассказывать. Представляете, там такие пирамиды. Они на самом деле совсем не такие, как на фотографии. Там всё классно. Сначала там жили египтяне. Потом через сколько-то лет пришли арабы. Потом там правила царица Клеопатра.

– Нет, от начала пирамид и до царицы Клеопатры прошло несколько тысяч лет, потом ещё почти через тысячу лет пришли арабы, – поправил он, хотя почувствовал, что не следовало поправлять, следовало только слушать счастливый её голос, видеть её сияющие на него глаза и чувствовать в своих ладонях тёплый трепет её плеч.

– Да, правильно. Я всё перепутала. Но это неважно, Александр Михайлович, то есть Саша! Наверно, я вам кажусь глупой. Да я и есть глупая, кроме своей бухгалтерии, ничего не знаю. Но...

Она запнулась, а он, поймав в её голосе страстные и больно рождаемые нотки, едва не сказал за неё то, что заставило её запнуться, да и его самого заставило запнуться. «Но я люблю вас!.. – вычеканил он в себе её невысказанные слова и тотчас открестился: – Нет, нет! Это я придумал сам, старый дурак!» Признать не высказанные ею и вычеканенные им слова было не только невозможно, но признанием этого выходило явить себя подлинно старым дураком, причём дураком самовлюблённым и похотливым. А уж как Саня ни величал себя, он всё-таки надеялся, что это не так, что он всё-таки ещё не старый дурак, что впереди у него может случиться что-то значительное, хорошее, такое, как вот немного времени назад он понял о возможной перемене в его судьбе.

Она запнулась, посмотрела на него растерянно.

– Ну, всё это было раньше – и всё. А кто кого на сколько раньше – вот просто так – разве это важно! – сказала она.

Он понял её «раньше – и всё!», понял, что вместе с теми тысячелетиями она не считает и их собственную разницу в годах.

«Какой же сегодня день открытий», – отнесся всё только к ней, подумал он. Тотчас снова мелькнул генерал из оврага и мелькнул комбат, по-ихнему, Лом, батяня, практически тоже пославший того генерала по тому же адресу. Они мелькнули. Можно было бы расстроиться, что они мелькнули в такой момент. Но Саня в свете своего дня открытий, отнесённого только к ней, увидел вдруг тот случай по-новому, тоже с открытием. В следующий миг Саня уже не помнил ни генерала, ни батяню Лома. Однако батяня страшно рисковал.

Генерал скумекал, как выражались во времена холопства, чьих такие орёлики могли быть, и прикатил в отряд к Лому.

– Это чьи отморозки, которые только что послали меня на «уу»? – заорал он, естественно, русским, а не полинезийским означением адреса. – Я сейчас их видел у тебя в расположении. Чьи это отморозки? Твои?

– Так точно, товарищ генерал, мои! – сознался Лом.

– Ладненько! – опешил генерал. – Ладно. Ну, всё! – он вышел из палатки, не зная, что сказать ещё, дошёл до «уазика» и вдруг круто повернул обратно. – А смотри-ка, подполковник! Они могут генерала на «уу» посылать. Значит, они смогут мне штурмовать вот эту высоту, – генерал ткнул в карту. – У меня нечем высоту взять, а они могут генерала на «уу» посылать! Давай, подполковник, заворачивай их. И чтобы взяли!

Посылать на штурм высоты одну группу, то есть два десятка человек, даже таких, какими были ухарики Сани, – было преступлением. Преступлением было вообще губить их. И комбата Лома осенило.

– Так ведь они уже ушли на новую задачу, товарищ генерал! – объявил Лом.

– Куда ушли? Что ты мне, подполковник, впариваешь! Я лично видел их только что у тебя в расположении! Ты что, подполковник, меня за «уу» не считаешь? – едва не в родимчике зашёлся генерал. – Адъютант! Быстро туда! А ты, подполковник, если соврал, лично поведёшь их штурмовать, и если останешься живой, посмотрим твоё должностное соответствие и посмотрим твои звёзды на погонах!

Адъютант вернулся тотчас, нехорошо посмотрел на Лома, вполголоса доложил генералу: действительно, их там нет.

А их там уже не должно было быть, потому что, лишь генерал шагнул за дверь палатки, Лом, батяня, мотавший четвёртую или пятую войну, погнался к Сане, капитану Михайлову, посыльного. Саня сидел со своими ухариками, кипятил водичку на спиртовых таблетках и мечтал, как эта водичка закипит, как он опустит в неё чайный пакетик, как потом пойдёт этот чаёк себе в нутро и чутко будет наблюдать прохождение этого чайка из глотки в брюхо. Ажиотажа после нескольких суток задачи ждал Саня. А прибухал посыльный и грубо заорал:

– Сбор, товарищ капитан! Бегом! Километр южнее отсюда и замаскироваться!

– Что? – едва не хватил по уху посыльного Саня. – Какой, на «уу», бегом! Какой, на «уу», километр южнее!

– Приказ комбата, товарищ капитан! – оборонился посыльный.

– Пока я чаю не выпью, я и «уу» не пошевелю! – расшвырянул Саня.

– Товарищ капитан! Сейчас генерал сюда зайвится. Комбат приказал вас предупредить! – наконец объяснил посыльный.

9

Женечка больше ничего не стала говорить. И он тоже ничего не стал говорить. Он даже опустил руки. Она немного от него отвернулась, будто надулась. Он тоже немного отвернулся. Оба даже затаили дыхание. Оба от этого стали задыхаться. Но что делать далее, оба не знали. Может быть, оба и упали бы в обмороки. Шутка, конечно. Не упали бы. Но спасением им стали отворившиеся двери в зал, на балкон и приглашение служительницы театра проходить.

Они встрепенулись, прошли к своим местам, признали их удачными. Да они признали бы их удачными, будь они совсем неудачными. Получалось, они пришли слушать не концерт, а пришли слушать себя. Женечка снова заговорила о поездке. Он с шутливым упрёком спросил, что же она поехала, не сказав ему. Она призналась, что хотела сказать, но так как они редко встречались, не получилось сказать само собой. Он почувствовал, что она об этом жалеет, и попытался её успокоить.

– А можно, я что-то вам скажу? – спросила она.

– Можно, – легко сказал он.

– Я там в каждом военном, ну их, египетском военном, видела вас. Как увижу, так... Мне очень хотелось вас увидеть! – выдохнула она.

Он взял её ладонь в свою. Её пальцы ответили. «Господи! Как это, оказывается, легко: полюбить!» – с неожиданной силой открыл он. К этому будто ниоткуда, а на самом деле из давней его поры пришли слова: «Любовь не мыслит зла. Она всего надеется, всё переносит. Она никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». Так давно-давно, ещё на первой его войне, ещё в пору лейтенантства, сказал ему молодой священник, а он этих слов тогда будто не услышал. Сейчас они пришли. Он замер, слушая пальчики Женечки и эти слова. Он понял, что тоже её ждал и смотрел с высоты своего трамвайного места на «БМВ» и «Лексусы» не только потому, что ему хотелось ещё раз отметить, так сказать, абсолютную отстранённость их владелиц, а ещё он смотрел в несознаваемом, но уже живущем в нём желании увидеть её.

– Вот вы теперь будете... вы теперь всё знаете и будете... – она снова запнулась, и он снова знал, как продолжить её слова.

– Что вы, нет! – сжал он её пальцы. – Я тоже, я тоже всюду вас видел!.. – он тоже запнулся, не умея сказать, как он её видел всюду, и как не понимал, что видел.

И вдруг он почувствовал, что в зале, где-то сзади него, находится его жена. Он почувствовал её взгляд. Он не захотел его чувствовать, ибо он весь был

в пришедших словах и в ответе пальчиков Женечки. И потому он засомневался, не показалось ли. Взгляд, однако, усилился. Сане пришлось поверить – всё-таки это шестое, седьмое или какое там чувство работало в нём довольно стабильно, если не считать случая с липами и ещё пары подобных случаев. «Оглядываться неприлично», – сказал он себе. «Любовь не мыслит зла, не раздражается», – снова сказал молодой священник.

– Что-то случилось? – спросила Женечка.

– Нет, ничего, – сказал он и вдруг бухнул: – Во сне я сегодня видел липы. А как они называются, забыл!

– Липы? – удивилась она.

– Да так, пустое. Что-то вдруг вспомнилось! – попытался сказать он беспечно.

Он только сейчас вспомнил, что после контузии липы во сне стали предвещать ему болезнь.

От взгляда ему стало совсем невыносимо. Он напрягся, сказав себе: «Только не здесь!».

– Саша, что с вами? – напрягла пальчики Женечка.

– Нет, ничего, – сказал он и всё-таки оглянулся.

В уходящем свете ламп и среди множества и множества людей он увидел жену. Не успело сердце бухнуть, как он понял, что ошибся. Жены в зале не было.

– Я сейчас, Женечка! – с быстро нарастающим давлением в голове встал он. «Только не здесь!» – подумал он про инсульт.

Через час он вошёл в свою квартиру.

– Здравствуй, семья! – привычно сказал он.

Он упал и заревел, даже не заревел, а сдавленно заквакал – так было некрасиво, так было по-лягушачьи то, что он делал, уткнув лицо в давно не стиранное диванное покрывало.

На первой своей войне в девяносто втором в Цхинвали лейтенант Саня, как было сказано в его личном деле, участвовал в охране и обороне аэродрома вертолётного полка, в сопровождении колонн с беженцами. Ему по связи сообщили: приехала жена с дочкой. «Какого хрена!» – заорал он. Сильные помехи не дали им поговорить. Он кричал, чтобы она никуда не отлучалась из части. А она, как говорили потом, пошла к ближайшему базарчику за фруктами. В часть она не вернулась, её вместе с дочкой нашли изнасилованными и убитыми.

Молодой местный священник говорил ему о любви.

Андрей ХАРЛАМОВ

ГОРИЗОНТ

За закрытой дверью

За каждой закрытой дверью – жизнь.
В оскале хищного зверя – любовь.
Всё сущее обрисует мысль...
Она же стирает, рисуя вновь.

Откуда приходит этот поток?
То падает камнем, то как пух.
Чернила спешат по линиям строк,
Пока ощущается этот дух.

Становится дрожь искрящим огнём,
И вещи вокруг обретают блеск.
Отжившее мигом сгорает в нём,
Издав едва уловимый треск.

И вдруг тишиною сдавит виски,
И пеплом под ноги сыплется мир...
Но, знаешь, из пепла взойдут ростки,
Когда нарисуешь ориентир.

За каждой закрытой дверью – смерть.
В оскале хищного зверя – страх.
Всё сущее в мире – твой личный бред,
Записанный на листах...

Безымянный солдат

Нет у солдата имени,
Только знаки различий.
В окопе душа его стылая
Пулю ждёт горемычно.

«Давай не сегодня, горячая!» –
Шепчет солдат заклинание
Сквозь зубы, их медленно стачивая...
А пуля жрёт расстояние.

Не спросит солдатского имени,
Не ведая знаков различий,
Как червь, ползёт между жилами,
Разрывая их фанатично.

И стекает душа красной линией,
Чтоб потом, испарившись, стать выше.
Прокричит солдат своё имя, но...
Его никто не услышит...

Море

Полируй мою кожу, море.
Затирай мои раны и шрамы.
Покрывай меня плёнкой соли,
Целебным своим бальзамом.

Вдохну твой пьянящий бриз,
Заполню альвеолы лёгких.
Задержу в груди этот приз,
Пусть бурлит внутри едким током.

Я не рос на твоих волнах,
Но я знаю, как может штормить.
Я читал о тебе в стихах,
И мечтал тебя покорить.

И, всем телом бросаясь в тебя,
Получу я твою печать.
На рассвете нового дня
Мне в себе нечего менять...

Небо

Я весь день глотал облака,
Те, что падали с горной вершины.
И стекала мне внутрь тоска
Лёгкой пеной в сосуд из глины.

Я ждал чёрную краску – ночь,
Что зальёт всё небо собою.
Только звёзды могут помочь,
Семена на ковчеге Ноя.

Падай вниз, я готов поймать
И впитать первобытную силу.
На земле мне дана кровать,
Но лишь небо всегда лечило.

Сколько раз, закрывая глаза,
Я испытывал яркую вспышку.
Мне так много нужно сказать,
Но слова – такая пустышка...

Горизонт

Горизонт бесконечных историй,
Что притягивает глаза...
Там, где небо сливается с морем –
Дымно-белая полоса.

Её красит закат с рассветом,
Добавляя кровь в молоко.
Она манит к себе поэтов
И других шальных чудаков.

Исчезая лишь тёмной ночью,
Когда выброшен чёрный флаг,
Она острое лезвие точит,
Чтоб вернуться к нам натошак.

До неё нельзя дотянуться,
Как бы ты ни ускорил бег...
Но ведь именно так безумцы
Открывали свой новый брег.

Здесь все земли давно известны,
У меня лишь один вопрос:
Почему мне всё время тесно?
Я иду за светом полос...

Где мои крылья, мама?

– Где мои крылья, мама?
– Тебе рано на небо, сынок.
Вот тебе ключ от храма,
Открой замок.

– Где этот храм, родная?
– В сердце спрятан твоём.
Там я всегда живая...
Там твой дом.

– Нет ни тебя, ни мира.
Лишь злоба, корысть и мрак.
– Солнце сожжёт вампиров.
Будет так!

– Мама, мне очень больно!
– Знаю, хороший мой.
Главное – выжить в войнах...
С самим собой...

Здесь

Здесь не разводят мосты,
Хоть реки и величавы.
Здесь маленькие порты,
Похожие на причалы.

Здесь ночи всегда темны,
А белые дни по счёту.
Здесь истоиво ждут весны,
Как брошенные сироты.

Здесь тропы еле видны,
Снега сменяются грязью.
Здесь люди закалены,
Боятся своих фантазий.

Точки на карте страны,
Топи, дремучий лес.
Забутые кем-то сны.
Я здесь... по-прежнему здесь...

На закате

На закате по небу бежит хитрый лис,
И хвостом гладит стёкла оконные.
И летят вслед за ним в облака стаи птиц,
Его цветом замороженные.

Он проныра, бесследно исчезнет во тьме,
В один миг, грязью с лап бросаясь.
Ночь черна и подобна вязкой земле...
Приземляются стая за стай.

Среди звёзд загорятся бусины глаз,
Хитрый лис где-то там, не отыщешь.
Только это совсем про другое рассказ,
И иная для разума пища.

На закате по небу бежит хитрый лис,
И хвостом гладит стёкла оконные.
Подставляя лицо, я сажусь на карниз,
Взгляд не сдержат коробки бетонные...

Лечи меня

Лечи меня, степь, ковылём,
Да чертополохом колючим.
Среди разнотравья мой дом,
Здесь солнце на спину навьючат.

Лечи меня, ночь, костром,
Седеющими углями.
Мерцающим полотном,
Что держишь в небесном храме.

Лечи меня смехом, гроза,
Таким неожиданным, громким.
Пусть молнии спят глаза,
Под ливнем я весь промокну.

Болит внутри пустота,
И требует снова и снова,
Чтоб с ручкой сидел у листа.
Лечи меня, новое слово...

Дмитрий Барчук

ВЕРСАЛЬ

Историческая миниатюра

Два откормленных бульдога с купированными хвостами захлёбывались слюной в злобном лае, извивались на поводках, готовые сорваться по приказу хозяев и разорвать добычу на куски. А меж ними, поскуливая, тявкала шавка с перебинтованной мордой, в адмиральской шапочке. Колчак. Бульдоги в генеральских фуражках и аксельбантах соответственно изображали Деникина и Юденича. Одного науськивал американский президент Вильсон, а другого – британский премьер Ллойд-Джордж. Помятого Колчака доверили поддержать французскому первому министру Клемансо.

Таит Антанта мысли злые,
Мечтая злобно по часам
Отдать Советскую Россию
На растерзанье хищным псам.

В угоду разжиревшей клике,
Свободы растоптавшей флаг,
Рычат Юденич и Деникин,
Рычит голодный пёс Колчак.

На псов надежды очень мало,
Победы путь не так уж прост.
Колчак расшибся близ Урала,
Бедняге отдавили хвост.

Подшибли глаз, помяли лапы.
Скулит облезлый пёс Колчак:
Глядят союзные сатрапы
На красный заповедный флаг.

И с грудой рент и облигаций,
Решая все дела втроём,
Сидит уныло «Лига наций»
В собачьем обществе своём.

Петухово взяли на рассвете. В сентябре на Тоболе ночи уже холодные. А днём солнышко ещё припекает. По утрам туманы бывают такие, что на пару шагов ничего не видать. В густой молочной пелене штурмовики, как

привидения, бесшумно выплыли из леса. Тихо сняли часовых на околице и короткими перебежками от избы к избе быстро продвинулись к центру села. Стрельба началась только у штаба. Но длилась недолго. Взрыв гранаты, и вновь – тишина.

Окровавленные тела в исподнем солдаты в лёгких английских шинелях ставили на телеги. В плен никого не брали. Всё равно к красным вернутся.

Кумачовую растяжку «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» колчаковцы порвали на портянки. А плакат под названием «Антанта» начштаба Сибирской штурмовой бригады капитан Усов аккуратно отцепил со стены и направился к штабной тачанке.

– Вот, командир, полюбуйся на творчество красного агитпропа. Ничего не напоминает? – хитро прищурившись, передал он находку комбригу, такому же молодому – слегка за двадцать – подполковнику в чёрных погонах.

– Плагиаторы чёртовы! Тема – старая, герои – новые. Ты про мой день рождения не забыл? Вечером после штаба в походной обстановке, так сказать...

– Эй, братцы, осторожно! – окрикнул комбриг ординарцев, выгружавших штабной инвентарь. – Там в ящике – французский коньяк. Презент от союзников. Каждая бутылка на вес золота. Не побейте!

Митя Усов и Петя Орлов дружили с малолетства. Их отцы преподавали в Томской гимназии. Усов-старший – словесность, а Петин папа – математику. Жили по соседству на Спасской улице, через два дома. Только Митя рос в дружной семье с сестрой и младшим братом, а Петя у родителей был один. Когда супруги Орловы ссорились, мать уезжала в Петербург. Вначале возила к бабушке внука, а потом стала ездить одна. Отец пристрастился к спиртному. Плохо выглаженная гимназическая форма и еда из трактира отроку с лихвой компенсировались предоставленной свободой. На Басандайском острове друзья соорудили хижину, и Петя, как Гекльберри Финн, прожил в ней целое лето, питаясь выловленной рыбой и тем, что принесёт верный Том Соьер от семейного стола Усовых. Митина мама Мария Сергеевна жалела Петю, называла «бедный мальчик», но своему сыну ночевать на реке разрешала в исключительных случаях. Продукты и книги – пожалуйста, но сам – чтобы засветло был дома. Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер... У Мити дома была отличная библиотека.

В начале «юности мятежной» Пётр под страшным секретом доверился другу, что влюблён, и попросил Усова написать его даме сердца стихи, естественно – от Петиного имени. Митя, конечно же, согласился. Ему любое сочинительство – в радость. Литература, история, иностранные языки – его конёк. А Петька наоборот мыслил прикладным образом. Спец по точным наукам. И спортсмен. В силе, ловкости и быстроте в гимназии Орлову равных не было. Но когда стихотворец узнал имя возлюбленной товарища, то наотрез отказался. Применение физической силы плохо подействовало на упряма. Да и Петя не сильно усердствовал. Так, поставил один фонарь под глаз другу детства. Больше от обиды, чем со злости. На другой день, подумавши, они помирились и договорились, что каждый будет добиваться благосклонности «Дульсинеи»

своим путём, посмотрят, что победит – сила или изящные искусства. Однако девица приняла ухаживания купеческого сынка. Неумного и несильного, зато с большим наследством.

Гимназию они закончили в 1914 году. Но вместо Технологического института и университета оказались в Иркутской школе прапорщиков. Так Пётр решил, а Митя – как нитка за иголкой. Выпускники школы произведены в прапорщики и откомандированы в один пехотный полк, воевавший с германцами в Польше. В Люблянском сражении отличились оба. Орлов – в штыковой атаке, а Усов – в разведке. Получили звание «подпоручика».

Дальше их пути разошлись. Пётр был ранен. В госпитале его наградили Георгиевским оружием, а затем отправили в школу авиации. Он стал военным лётчиком. Его боевые заслуги союзники отметили французским Военным крестом. После большевистского переворота штабс-капитан Пётр Орлов вышел в отставку и вернулся в Томск.

Дмитрий Усов при Керенском был произведён в поручики. До последнего оставался на фронте, но после Брест-Литовского мира боевые действия полностью прекратились, он распустил свой взвод разведчиков и тоже отправился домой.

В конце марта, когда огромные сосульки свесились с крыш, а скопившиеся за послереволюционную зиму сугробы на улицах начали таять, в квартиру Усовых тихо поступались.

– Ты кого-то ждёшь? – испуганно спросила хозяйка у растерявшегося мужа и, всплеснув руками, присела на стул. – Неужто за Митей пришли?

Аресты офицеров в Томске стали обыденными. Большевики освободили из тюрьмы пленных венгров, а камеры заполняли вернувшимися с фронта сибиряками. В родном городе томских офицеров брали под стражу вчерашние враги на передовой, перешедшие под знамя мирового пролетариата.

– Мария Сергеевна, Аркадий Васильевич... – прошептали за дверь. – Не бойтесь. Это – я. Орлов Петя.

Гость принёс бутылку самогона. Митина мама быстро накрыла стол. К ужину была сварена картошка. Солёная капуста, тонко нарезанные ломтики сала и хлеба. Мария Сергеевна остановилась в проходе, залюбовавшись сыном и его другом, ставшими настоящими мужчинами. Аркадий Васильевич сел у окна, чтобы не светить на улице молодёжь.

– Что дальше думаешь, разведка? – спросил авиатор у друга.

Митя пожал плечами:

– Думай – не думай, мозги можно сломать. От меня ж ничего не зависит. Мир рухнул. Никто не знает, что будет завтра. И настанет ли оно вообще?

– Фу, какой пессимизм! – протянул штабс-капитан. – Да ты – пораженец, брат!

И, разливая как хозяин по рюмкам самогон, добавил:

– А по мне, всё просто. Мою страну захватили враги. Я – русский офицер и должен Родину освободить!

Учитель словесности робко возразил бывшему ученику:

– Я понимаю ваш молодой максимализм, Пётр Николаевич. Но ситуация

гораздо сложнее. Россия расплачивается за прежние грехи: крепостное право, колонии, черносотенные погромы...

Контуженный авиатор уже занёс крепко сжатый кулак, чтобы ударить по столу, но вовремя остановился. Вскочил на ноги, извинился и спешно стал собираться.

– Вы – такой же наивный либерал, как и мой отец, Аркадий Васильевич. Начитались Достоевского и думаете, что будет, как по книжкам! Не будет. От большевиков сантиментов не дождётесь. Скоро и в Томске начнутся массовые расстрелы. О Красном терроре не слышали? Враг задумал истребить лучших граждан России. Вы, между прочим, тоже в их числе.

Вместе с рукавицей из кармана полушубка выпал смятый бумажный листок. Орлов поднял бумажку, расправил и злорадно рассмеялся.

– А это – тебе, поручик. В качестве наглядной агитации. Чтоб мозги прояснить.

Хлопнула дверь, прогнав в комнаты морозную дымку. А Дмитрий Усов всё разглядывал Украину, Белоруссию и Прибалтику в зубах у Ленина, принёсшего их к ногам германского кайзера.

В конце мая бывшие офицеры подняли в Томске восстание. Чекистский продотряд перестреляли в женском монастыре, остальные большевики спешно погрузились на два парохода и уплыли на север.

Через день на Ново-Соборной площади состоялся митинг. Подполковник Пепеляев, герой-фронтовик, руководивший в городе белым подпольем, с балкона второго этажа дома купца Гадалова призвал, кому не безразлична судьба Отечества, вступать в Сибирскую армию для борьбы с врагами православия и русского народа, большевиками – наймитами германцев и австро-венгров.

Среди первых добровольцев были Пётр Орлов и Дмитрий Усов. В офицерских мундирах, с солдатскими винтовками, как рядовые, за короткое сибирское лето добровольцы дошли до Байкала, обогнули его и встретились с казаками атамана Семёнова за Верхнеудинском. Транссиб стал свободен.

Конечно, помогли чехи. Солдаты и офицеры сформированного ещё при Керенском 50-тысячного чехословацкого армейского корпуса после выхода Советской России из «империалистической» войны не перестали рваться на фронт для борьбы за свободу своей родины от империи Габсбургов. Немцы, конечно, не пропустили корпус через пол-Европы, чтобы потом сразиться с ним на Западном фронте. Членам Реввоенсовета не хотелось ссориться с Антантой по пустякам, потому решили эвакуировать чехов и словаков во Францию вокруг земного шара: через Транссиб, Тихий океан, США и Атлантику.

Воинские эшелоны растянулись по всей магистрали: от Самары до Владивостока, когда Троцкий спохватился:

– А чехов-то разоружили?

В ответ – молчание.

– Разоружить немедленно! – взорвался председатель Реввоенсовета.

На станции полетели телеграммы. Но «братушки» сами разоружили крас-

ноармейцев. Правда, далеко от железной дороги европейцы предпочитали не отходить. Тайга и дикие русские.

Радола Гайда – исключение. Бывший фармацевт, дезертировавший из Австро-Венгерской армии, в Сибири примкнул к местному добровольческому движению и вскоре стал одним из его лидеров вместе с Анатолием Пепеляевым.

В конце сентября 1918-го командир Сибирского корпуса, уже генерал, Пепеляев приказал сформировать штурмовой батальон из в боях проверенных офицеров и добровольцев. Одну роту набрали в Томске, вторую – в Новониколаевске, а третью – в Ачинске. Томская штурмовая рота создавалась на основе гусарского эскадрона штабс-капитана Плотникова. Авиатор и разведчик записались в неё в первой десятке.

«Я, штабс-капитан Орлов Пётр Николаевич... Я, поручик Усов Дмитрий Аркадьевич, торжественно обещаю: соблюдать военные законы, поддерживать авторитет начальников, не состоять в политических партиях, в боевых действиях не щадить жизни и, если надо, принести её в жертву за Россию». 29 сентября 1918 года. Подпись.

Нытва – в переводе с языка коми «зелёная вода». Небольшая речка под Пермью, приток Камы. В декабре её лёд был алым от крови с чёрными торосами – вмёрзшими в реку матросскими бушлатами. Нытвенский завод оборонял целый полк – Первый морской кронштадтский. Но комбат капитан Урбанковский, невзирая на численное превосходство противника, повёл штурмовиков в штыковую. Взыграло матросское самолюбие: «Супротив Балтфлота! Не попрёшь!». Немало штурмовиков полегло на нытвенском льду, но балтийцев больше. Два оставшихся батальона сдались.

– Не надо, братцы! Не губите! В Германии – тожешь революция. Немецкие рабочие свергли кайзера. Войне – хана...

Седой мичман не домолил о пощаде, штык комбата вошёл под лопатку.

За взятие Перми генерал Пепеляев лично вручил каждому выжившему штурмовику Георгиевский крест. Всего – 100. Остальной тысяче достались кресты деревянные, на могилах.

Приказом по армии в феврале 1919-го штурмовой батальон был развёрнут в бригаду до трёх тысяч штыков. С тремя штурмовыми батальонами и тремя дивизионами: артиллерийским, инженерным и кавалерийским. Комендантская рота и собственный лазарет – в придачу. В марте погиб Урбанковский, и новым командиром в бригаду Пепеляев назначил капитана Орлова, присвоив ему звание подполковника.

– Жалко, что авиационного полка нет, – сожалел новоиспечённый комбриг. – Я бы полетал.

Неприятности начались в начале лета. Западная армия не смогла прорвать оборону красных на Южном Урале, а корпус генерала Пепеляева взял Глазов и продолжал развивать наступление на Вятку на соединение с войсками генерала Миллера из Архангельска. Для выравнивания линии фронта Колчак приказал командарму Гайде прекратить наступление, но своенравный чех послушал-

ся приказа Верховного Правителя. Гайда был смещён с поста командующего Сибирской армией, подал в отставку и уехал во Владивосток.

Штурмовики вначале брали Глазов, потом прикрывали отход корпуса Пепеляева из города. Целую неделю вели арьергардные бои за Пермь. Только убитыми потеряли более 600 человек. Но страшно было другое. Подразделения Сибирской армии в массовом порядке стали переходить на сторону красных. Сдавались целыми полками. Многие дезертировали и разбежались по домам. В июле и августе 1919 года некогда победоносная Сибирская армия по сути была рассеяна. К сентябрьскому контрнаступлению на Тоболе боеспособность ещё сохраняли штурмовая бригада, казачий корпус да три дивизии, верные Пепеляеву. Все – изрядно поредевшие.

– Подарок от генерала Жанена, командующего Союзными войсками. За доблесть и храбрость! – выбрасывая опустевшую бутылку, сквозь зубы процедил изрядно опьяневший именинник. – Пожадничал мсье. Каких-то двадцать бутылок. А сколько людей мы потеряли в наступлении?

– По бригаде только – больше двух сотен убитых, ещё столько же ранено, – тихо ответил начштаба.

Произведя нехитрый расчёт, подполковник Орлов схватился за голову:

– Общие потери по армии можно смело умножить на сто. Получается – двадцать тысяч! По тысяче православных и магометанских душ за сраную бутылку коньяка?!

– О красных ещё не забудь. Тоже – русские люди. Их мы не меньше наколошматили.

– Зато иностранные наблюдатели констатировали, что «войска дрались блестяще», – процитировал записку к французскому подарку комбриг. – Белые дяди в пробковых шлемах рукоплещут туземцам, истребляющим друг дружку.

Он достал из ящика ещё бутылку и штыком скovyрнул закрутку. На свой 22-й день рождения Пётр Орлов позвал только гимназического товарища.

– Ошибся я, Митя, насчёт Ленина, – разливая коньяк по стаканам, признался именинник. – Шахматист всех переиграл. Это ж надо такую изящную комбинацию провернуть! Взять у немцев деньги на развал нашего тыла, затеять смуту, свергнуть правительство, потом рассчитаться с заказчиком честь по чести, отдав ему пол-России. И когда казалось, что всё – партия проиграна, закинуть уже торжествующим германцам революционную обратку. Будь моя воля, я бы Розу Люксембург и Карла Либкнехта наградил орденами Святого Георгия.

– Посмертно. Повесили же их.

– Говорят, большевики называют их именами улицы. Это я одобряю.

Дмитрий Усов давно уже ждал подобного разговора, тщательно к нему готовился, обдумывал каждую фразу. И, кажется, удобный момент настал.

– А как ты относишься к Колчаку? – набравшись смелости, спросил он комбрига.

Орлов напрягся на пару-тройку секунд и на удивление трезвым голосом ответил:

– Несчастный человек, оказавшийся в трудное время не на своём месте. А ты как думаешь?

По спине капитана пробежал холодок. С предателями штурмовики не церемонились. Штык – в сердце, и дело с концом. Особенно – комбриг. Про его жестокость ходили легенды по обеим сторонам фронта. Но ведь это Петька, его старый друг. Он не посмеет. И Дмитрий решил.

– Простое сопоставление фактов, – как бы заранее оправдываясь, приступил к изложению своей версии капитан Усов. – 10 ноября 1918 года немцы заключают с союзниками перемирие в Компьенском лесу под Парижем, а 18 ноября в Омске казаки свергают Директорию и приводят к власти адмирала. В немецких городах разгорается революция. Германия в ноябре, как и Россия в марте, просто выходит из войны. Немецкие полки походным маршем из оккупированных русских губерний возвращаются домой. Генерал Жанен и английский полковник Нокс, этот «серый кардинал» при адмирале, были прекрасно осведомлены о ситуации на Западном фронте. Но чтобы сибиряки не взбрыкнули, бывшие союзники и поставили нам своего протеже.

– Не знаю, как ты, Митя, но я эсеров, особенно – навозных, из Директории, никогда не уважал. Поэтому приход к власти Колчака встретил, как благо для России, – перебил комбриг, извинился и попросил друга продолжить.

Усов силился восстановить ход своих умозаключений и снова начал с даты:

– 28 июня уже этого года. В Версале подписан мирный договор. Германия капитулировала. Австро-Венгерская и Османская империи вообще исчезли с мировой карты.

– Российская империя – тоже! – выкрикнул Орлов.

– Кайзера отдали под суд. Немцев обложили репарациями. Мировая война закончена. За что и, главное, против кого воевать?

– Странно слышать такой вопрос от русского офицера. Ты кому присягал? России? Так за неё и дерись!

Усов растерялся, а потом, собравшись с духом, выпалил:

– Я России не изменяю! Но для меня Родина – это вера, люди, земля, язык, традиции. Ни к чему из этого англичане и французы отношения не имеют. Если Ленин был немецким шпионом, то Колчак – шпион английский!

– Смелое утверждение. Поясни.

– Перед наступлением я был в Омске, ты меня сам командировал за оружием и патронами. Там встретился с Виктором Колосовым. Долговязый такой, на год раньше нас гимназию закончил. Он теперь – личный секретарь у премьера Вологодского. Колосов пригласил меня к себе домой на ужин. И за рюмкой водки рассказал: никто из областников уже не сомневается, что ещё до своего приезда в Сибирь Колчак поступил на службу к королю Георгу. Даже получил назначение на Месопотамский фронт. А тут мы со своей Сибирской республикой вылезли. И в Сингапуре английское командование приказало ему вернуться во Владивосток.

Подполковник присвистнул.

– Только Ленин после поражения Германии с иноземного поводка сорвался. А этого Антанта ещё крепко держит, пусть даже побитого.

– Зато Деникина с Юденичем смотри как откормила. Аж лоснятся от жира!

– комбриг поставил пустой стакан на плакат с названием «Антанта», служивший скатёркой на праздничном столе. – Своим наступлением, дружище, мы заставили красных перебросить свои части от столиц на наш фронт. В ноябре Деникин непременно возьмёт Москву, а Юденич – Петроград. А тогда и поговорим с «сердечными союзниками» о границах, немецких репарациях и прочих приятных вещах.

Начштаба печально улыбнулся:

– Нет, не возьмут. Русские офицеры не позволят. Это 5-я армия Тухачевского возьмёт Омск, когда просёлочные дороги подмёрзнут, а снега ещё не навалит. За нами правды больше нет. Настоящие патриоты России – теперь на стороне красных.

Хозяйка принесла большую закопчённую сковороду с жареными грибами и картошкой.

К еде офицеры не притронулись. Подполковник задумался, а капитан продолжил:

– И «Сердечное согласие» – Entente cordiale, как первоначально называлась Антанта, теперь между другими странами. Англией, Францией и Североамериканскими Штатами. А нам на пиру победителей отведена вместе с Германией незавидная участь еды.

Пётр молчал. Дмитрий разлил по стаканам коньяк.

– Ты пойми, Петя, что Версаль всё перевернул с ног на голову. Пока Европа воевала меж собой, мы были патриотами и спасителями Отечества. А после германской капитуляции большевики стали собирателями русских земель. А мы – если смотреть правде в глаза – теперь отщепенцы и прислужники интервентов, цепные псы на привязи у Антанты.

Офицеры молча выпили.

– Против нас – уже не немцы с австрийцами, а русский народ. Красные командиры учились вместе с нами в одних прапорщицких школах, в одних военных училищах. Командарм Тухачевский – наш с тобой ровесник. Под его началом уже половина офицеров из Сибирской армии. Колчак достал в Сибири всех! Енисейская губерния – настоящая партизанская республика, воюет с карателями Розанова. Омск – пародия на столицу. В стотысячный город набилось миллион никчёмных людей, которые ничего толком делать не умеют. Министры, генералы, адъютанты, кокетки... Плодят указы-приказы и пересылают их из одной избы в другую. На фронт из штабных тыловиков никто не хочет. Кто побогаче, живут в вагонах на станции, чтобы в случае чего быстренько дать дёру. Боевые командиры только выжидают момента арестовать горе-правителя и выдать его большевикам. Пепеляев грезит о Земском Соборе. Зиневич открыто заявляет о войне, Гражданской войне, даже Гайда поднял во Владивостоке восстание. Мужики устали. Согласны на любую твёрдую власть. Даже – большевиков.

– А классовая борьба, диктатура пролетариата, смерть буржуям? – задумчиво произнёс Орлов. – Забыл?

– Об этом будем думать позже. Боеспособную армию комиссары создали ж, и новое государство в России, надеюсь, построить смогут. Здравый смысл должен взять верх над утопической доктриной.

Комбриг вытащил из кобуры револьвер и демонстративно выложил его на стол.

– Но ведь же шлёпнут тебя товарищи. Как пить дать – шлёпнут! Попользуются, пока нужен, и в расход.

– Пусть! Зато, может, жениться, детей завести успею.

Пётр встал из-за стола, подтянул ремень и засунул револьвер обратно в кобуру.

– Что ж, перед будущими розовощёкими усовскими карапузами даже кроважный садист не устоит. Выпьем, что ли, на посошок, мой старый друг?

Капитан не поверил своим ушам.

– Только со мной уйдёт целый батальон, – честно предупредил он.

Подполковник налил себе полный стакан до краёв и выпил его в два глотка.

– Да катитесь вы все куда хотите. Я сегодня добрый, у меня день рождения.

– Пойдём лучше с нами, командир.

– Да пошёл бы ты, ТОВАРИЩ, знаешь куда? Для меня присяга – святое. И сын у меня уже есть. В Иркутске прошлым летом одну мещанку обрюхатил. Недавно отцу в Томск внука привезла. Будешь в родных краях, передавай привет. А не случится, то я твоим родителям от тебя передам. Исход войны решается всё равно не здесь. Но чтобы к утру духу от вас, предателей, не было. Всех прикажу кончить. С похмелья голова болит страшно. И больше мне не попадайся. Живым не уйдёшь.

PS. * Подполковник Пётр Орлов погиб через неделю, отбивая наступление красных. Накануне нового, 1920-го года в Томске Богоявленский полк 30-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии, штабом которого руководил военспец Дмитрий Усов, усилился гренадерским батальоном, последним подразделением Сибирской штурмовой бригады, перешедшим на сторону РККА.

** Фамилии главных героев изменены.

Февраль 2023

Татьяна Мейко

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

*Соединяясь в любви – мы держимся;
разделяясь в раздоре – мы падаем.*

Люси Малори

Жил-был принц. Не в тридевятом царстве, не в хоромах, а в огромном теле весом сто пятьдесят килограммов. Работал он учителем истории, вёл кружок восточной культуры, а по вечерам писал книгу о китайском фольклоре «Истинный Фо».

Он с детства любил Китай, где во дворцах из белого и голубого фарфора жили упитанные мандарины в шёлковых халатах с золотыми цветами, а под крышами храмов, скрестив ноги, сидели добродушные буддийские боги с уютными складками на животе и подбородке.

Всю жизнь он мечтал пройтись по китайской стене, увидеть древние города и музеи, искупаться в тёплом Южно-китайском море, и откладывал деньги в двадцать девятый том Брокгауза и Ефрона. И однажды судьба вмешалась в его неторопливые планы, подкинув горящую путёвку на остров Хайнань.

Вклад в универсальную энциклопедию был спешно изъят, в учительский портфель брошены рубашки и футболки из магазина «Богатырь», толстая фиолетовая тетрадь для путевых заметок и курица, которую заботливая мама успела зажарить в дорогу.

В аэропорт он примчался, когда уже объявляли посадку, протиснулся к иллюминатору, подняв подлокотник слева и упёршись коленями в спинку переднего сиденья, отчего она перестала опускаться.

Но суета и недовольство соседей были забыты, как только за окном показали озарённые рассветными лучами Тибетские горы. Вдоль окоёма, неровного, как небрежно разорванная чёрная бумага, проступила горизонтальная радуга – все семь цветов светового спектра, будто на картинах Рериха, яркость красок которых прежде казалась ему преувеличенной.

Приземлившись в аэропорту Санья-Феникс и с трудом вдохнув воздух, спрессованный солнцем и близким морем, он добрался до гостиницы, бросил сумку в номере с нарисованным на стене кактусом и поспешил на зов прибора.

Несмотря на поздний час, улицы были полны разморённой за день публикой, которая с удивлением оглядывалась на огромную фигуру в мешковатом чёрном костюме, почти задевающую развешенные над тротуарами красные фонари. И вдруг всё исчезло, только смутные силуэты скал и равномерное гудение подсказывали, что это оно – море.

Набежавшая волна по-собачьи обнюхала его плоские пальцы, потёрлась о

растоптанные сандалии. Никогда прежде он не был на море, даже на городской пляж не ходил, стесняясь огромного рыхлого тела. Плавать он научился в детстве на даче, сбегая до завтрака на речку Цну, достаточно мелкую, чтоб мама могла позволить этот утренний моцион.

В первой половине дня он ездил на экскурсии, гулял по городу, заглядывал в местные библиотеки и школы, в полуденную жару отсыпался в номере, а вечером отправлялся на пляж. Для купания он выбрал небольшую уединённую бухту, с трёх сторон окружённую каменными валунами с засохшими водорослями, а одной выходящую в Ялунваньский залив, по-иному именуемый заливом Азиатского дракона.

Он полюбил море за невиданную лёгкость в теле и безбрежный простор, которого было так много, что он проникал внутрь, вытесняя из сердца всё лишнее: школьную неразбериху, бумажную рутину, смешки старшекласниц и молоденьких учительниц за его необъятной спиной. И только с самого края, как пустой карман, осталось место для другого. Для другой.

Как дельфин, отбившийся от стаи, он стал выплывать из своего убежища на открытый простор, чтобы издали подсмотреть, что делается на человеческом пляже, и однажды увидел её.

Она покачивалась на заливке Азиатского дракона, далёкая от происходящего на суше, никому не принадлежащая. Он долго не решался нарушить её уединение, наконец приблизился и спросил:

- Вас зовут Мэйли, дзай хайлань джон яо йе?
- А что это значит? – удивилась она.
- Прекрасная, Покачивающаяся На Волнах.
- Так длинно?
- В Китае любят длинные и пышные выражения.

Прекрасная отвела двумя руками влажные пряди, показав, как хорошо держится на воде, и увидела, что глаза у него цвета тёплого моря, а улыбка почти детская.

- А как будет Принц, Потерпевший Кораблекрушение?

– Принц – Ван-цзы. А кораблекрушение... Я, к сожалению, недостаточно знаю китайский язык.

- Тогда я буду называть вас Ван-цзы.
- А я вас Мэйли, дзай...
- Это длинно, вы устанете, – остановила она. – Лучше просто Мэйли.

Азиатский дракон качнул волны сильнее обычного, и их души, не удержавшись, опрокинулись в небесный простор.

Мэйли занималась в спортивной школе «Старт и финиш», освоила разные стили плавания и даже получила второй юношеский разряд, но демонстрировала свои умения редко, больше любила, раскинув руки, лежать на воде и мечтать.

Её сердце жаждало, если не алых парусов, то хотя бы нарядной лодки, украшенной развевающимися флажками, и она заплывала подальше от разгорячённых тел, надувных матрасов и единорогов в ожидании того, кто сделает для неё это чудо.

И вот появился он. Грей, Ихтиандр, Принц, потерпевший кораблекрушение, – он ведь возник из морского простора.

Когда солнце склонялось к западному краю неба, Мэйли выплывала в море, где её поджидал Ван-цзы, и они гуляли по Ялунваньскому заливу, как по проспекту.

Невидимые золотые кисточки рисовали иероглифы на трепещущих волнах.

– Вы очень красивая, – переводил Ван-цзы замысловатые солнечные письма.

– Сесе!

– В Китае на комплимент отвечают не спасибо, а нали, нали! Что вы, что вы! – говорил он. А она смеялась и поправляла волосы, открывая браслет в виде дракона, кусающего себя за хвост.

Ван-цзы рассказывал о тонкостях китайской поэзии и живописи, переплетённых между собой, как шань и шуй, о легендарных бойцах терракотовой армии, об ущелье тропических бабочек. Ей нравилось, когда с ней говорили о серьёзном, имена древних мудрецов действовали на неё, как заклинания. Два года она отучилась на филологическом факультете, много читала, но путала авторов и забывала подробности. Её вообще раздражали подробности, особенно когда длинно пересказывали сны и задавали дополнительные вопросы на экзаменах.

Море радовало отсутствием частностей и деталей, позволяло расслабиться, отдохнуть от мыслей о несданной сессии, о теннисисте, с которым было всё сложно, от вечного ожидания того, не знаю чего.

В мечтах она уже гуляла с принцем по горячему песку Ялунваньского залива, каталась на джонке с парусами из циновок, ела димсам с креветками в украшенном флажками и вертушками пляжном ресторанчике. А он всё рассказывал, чем эпоха Хань отличается от эпохи Цинь, и никак не догадывался причалить к берегу.

Мэйли стала уставать на воде, бояться медуз, а ещё в море водился планктон – такие противные опасные штучки. Но Ван-цзы наивно смотрел полупрозрачными глазами и убеждал, что медузы появляются только вдали от берега, в чистой воде, а планктон – явление редкое.

Тогда Мэйли сама назначила ему свидание на суше. Тёплым густым вечером она пришла на пляж, но не увидела своего героя. Он лежал в стороне, закопавшись в песок. Рядом была приготовлена продолговатая ямка в форме лодки. Мэйли удивилась, но ничего не сказала, села и стала грести к себе песок.

Ван-цзы гладил её сквозь тёплый сыпучий покров и голосом, каким делают признания, рассказывал ей сказки. И две зачарованных души уплывали туда, где зреют персики бессмертия, где великая мать Си Ван Му устраивает праздники для богов, духов и гениев, где простые люди соревнуются в написании стихов, а отважный юноша идёт над пучиной по дороге тоньше волоса и спасает прекрасную Люй-мэй, потому что сумел изгнать из сердца сомнение.

Мэйли слушала и думала, что ей ни за что не пройти той дорогой, даже если б она была толщиной с тысячелетний баньян, растущий в тропическом парке Янода. Сомнения мучили её всегда: плавание или гребля, спортфак или филфак, Индия или Китай. Ей хотелось в Индию. У неё была соответствующая

щая красота: округлые бёдра, тонкие лодыжки и запястья, на которых хорошо смотрелись браслеты и цепочки. Но сестра Саша убедила, что Китай более приспособлен для цивилизованного отдыха.

Красноликое солнце зарылось в песок по другую сторону моря.

– Как быстро стемнело, – заметила Мэйли.

– Потому что солнце здесь опускается по отвесу, а не скатывается с горки, как в средней полосе, – доступно объяснил Ван-цзы, и Мэйли в очередной раз порадовалась разносторонности его знаний.

Они шли, поглощённые крошечной южной тьмой, держась за руки, чтоб не потеряться. Только его голос и светлое пятно её футболки выдавали их присутствие. Ван-цзы рассказывал, что края китайских крыш загнуты вверх для того, чтоб драконы, которые обожают с них кататься, не сваливались людям на головы. А их души, резвясь над городом, съезжали по коричневой черепице.

К гостинице они подошли с неблагоприятного северо-запада, оставив в стороне бассейн, сияющий отражёнными огнями, фигурные фонари, освещённые клумбы в форме панд и павлинов. Ван-цзы остановился возле каких-то насыпей, издали похожих на горную гряду – строился новый корпус для отдыхающих.

Он прикрыл Мэйли полый пиджака. Она подняла голову, пытаясь разглядеть в темноте его лицо.

– Какой ты большой.

– Я ведь принц, а не принцесса.

– Ты Золушка! – засмеялась она. – Исчезаешь в самый неожиданный момент. Хоть бы башмачок оставлял.

– У меня башмачок сорок шестого размера. И мне действительно пора. Завтра я уезжаю.

– Завтра? – Она отстранилась. О многом хотелось спросить, но она понимала, что время пытливых вопросов ещё не пришло. – Хочешь, я провожу тебя?

– Это очень рано. Автобус в аэропорт отходит в пять утра.

Мэйли немного опоздала – нужно было уложить непослушные волосы, подчеркнуть выгоравшие на солнце брови и ресницы. Её красота, как у большинства женщин, требовала доработки.

Пассажиры уже сидели на местах, и говорить пришлось через окно. Лицо Ван-цзы загоразивала то занавеска, то чья-то шляпа из бамбуковой щепы.

– Скажи что-нибудь на прощанье, – попросила Мэйли.

Он высунул голову в окно.

– Во ай ни.

– Что?

– Во ай ни!

– Похоже на войны...

Её душа метнулась вслед за автобусом, а сама она осталась стоять опустошённая. Вернулась уставшая, как после заплыва на четырёхстах метров.

– Что значит во ай ни? – спросила у миловидной китайки за стойкой.

Девушка широко улыбнулась, без стеснения показав редкие желтоватые

зубы. Зато маникюр у неё был в полном порядке. Пробежав им по клавиатуре, она прочитала нараспев:

– Я тебя люблю.

За овалом окна клубился вязкий рисовый туман. Принц летел над горными вершинами и плакал, не стыдясь своих слёз, потому что, когда плачет кто-то внутри, никому не видно.

На этот раз его место было посередине, и поднять пришлось оба подлокотника. Соседи, зажатые с двух сторон, его тихо ненавидели, но он ничего не замечал.

О любви Ван-цзы знал из художественной литературы и классического кино. Эти истории казались ему преувеличенным, как краски на картинах Рериха. Но вот появилась она. Трепетная птица – взгляд вполоборота, жесты, как взмах больших крыльев, разговоры о высоком. И, как на птицу, на неё хотелось смотреть. Не спугнуть.

Он опасался, что, увидев его при свете, в полный рост, она вспорхнёт и исчезнет. Нечто подобное уже было, когда мама решила познакомить его с дочерью подруги, правда, тогда жизнь не играла всеми красками цветового спектра. А теперь? Как жить в прежнем однотонном мире?

И он решил продлить волшебство – хоть на несколько легкокрылых дней, короткую жизнь тропической бабочки.

Ван-цзы положил перед собой фиолетовую тетрадь. Жизнь – череда волшебных превращений. Отбросив кокон, гусеница расправляет крылья и превращается в бабочку. Отбросив игрушку, дитя расправляет плечи и превращается в юношу. Просто всё это растянуто во времени, а мы невосприимчивы к движению времени и души...

Сосед слева, от скуки читавший из-под его руки, зевнул, пристроил дорожную подушку и зашевелился, заёрзал, пытаясь высвободить немного жизненного пространства.

Ван-цзы закрыл тетрадь и погрузился в себя. Горные вершины таяли в рисовом тумане, а в сердце разверзлась воздушная яма. Внешняя оболочка возвращалась в маленький городок на берегу Цны – душа оставалась под пальмами Хайнаня.

Через месяц Мэйли позвонила, чтобы поздравить его с праздником середины осени.

– Как ты меня нашла? – удивился он.

– В вашем городе среди учителей истории есть только один Ван-цзы, – засмеялась она.

Он мысленно поблагодарил всезнающий интернет и признался, что всё это время думал о ней.

– И ночью?

– Да. Сегодня во сне мы летали над морем, и луна была похожа на матовую жемчужину.

– Это к полнолунию, – разгадала она. – Мы с сестрой сегодня пекли лунные пряники.

Они переписывались по старинке, в бумажных конвертах. Он называл её розовым лотосом и нефритовой феей, посвящал ей стихи в стиле хокку. Она прикладывала к груди листы, исписанные внятным учительским почерком, будто сердце умеет читать. А возвращаясь домой, представляла, что он ждёт на подоконнике пролётом выше или ниже. Но он опять не догадывался выйти на берег.

В День моря, который в Китае отмечают в честь легендарного мореплавателя Чжен Хэ, она взмахнула крыльями и полетела к юго-западному краю неба, куда влекло её начитанное сердце.

Ван-цзы ждал в аэропорту, возвышаясь над всеми на целую голову. Толпа постепенно редела, оттягивалась в стороны, как занавесь перед началом спектакля, а когда раскрылась совсем, стало ясно, какой он неловкий, грузный, с покатыми женскими плечами и непропорционально маленькой головой. Мэйли невольно подумала, что незачем было тратить столько времени и средств на модные магазины и дорогого парикмахера.

Его мать, полная, с потерявшими контуры лицом и телом, встретила гостью радушно, стала накрывать на стол, но Мэйли пожаловалась на усталость и разницу во времени. Ван-цзы отвёл её в комнату, заполненную китайскими статуэтками, книгами по фольклору и истории Поднебесной.

Дверь время от времени приоткрывалась, на старом комодке, как на скатерти-самобранке, возникали тарелки с фаршированными блинчиками, домашним сыром, графинчики с морсами. Вкрадчивая музыка из колонок напоминала ту, что доносилась с берега в первый день их знакомства.

Мэйли направила бокал на фотографию толстого мальчика в короне из золотой фольги и в бумажном воротнике-горгере. Атласная курточка жала под мышками, верёвочные петли врезались в живот, круглое лицо сквозь брусничную воду краснело, как заходящее солнце над Ялунваньским заливом.

– Маме нравится этот снимок, – смутился Ван-цзы и признался, что в детстве представлял, будто внутри у него живёт принц, похожий на эльфа из мультфильма про Дюймовочку. С тех пор осталась мечта: появится девушка, которая разглядит в нём принца, произнесёт волшебные слова и выпустит его на свободу.

– Во ай ни? – произнесла Мэйли. Но превращения не произошло, потому что заклинание нужно говорить утвердительно, без сомнений.

Он подошёл к ней близко, так что остались только глаза, хранившие цвет моря.

– Я большой, – сказал он. – И сердце у меня большое. Если хочешь, я буду любить тебя всем большим сердцем. Всю нашу большую жизнь. Если только захочешь.

«Ему пойдут свитера с высоким воротом. А костюм можно сшить на заказ», – подумала она.

Хорошо было спрятаться за его широкой спиной от подробностей жизни и ни о чём не думать. Осчастливить хотя бы одного человека, разве это мало?

Он качал её на коленях в старом кресле-качалке, а в далёких тёплых краях их души нежились на перине морской пены.

– Три года назад по дороге в Красноярск я проезжал станцию Тайга, и мне захотелось сойти с поезда, – вспоминал он. – Понравилось название, к тому же было какое-то предчувствие...

– Ну и сошёл бы. От Тайги до меня два часа на электричке.

Совпадения, которые они находили, начиная с детских игрушек, книг и аттракционов, казались им знаками судьбы. Она смотрела в его мерцающие в полумраке глаза, и их души переплетались друг с другом, как деревья влюблённых в парке «Край света».

Только глаза – зачем подробности?

Но подробности были, и с ними надо было что-то делать. Мэйли представляла его то китайским мудрецом и просила зачитать что-нибудь из «Истинного Фо», то русским богатырём, и размахистыми изнаночными петлями вязала ему свитер-кольчугу.

Иногда на неё нападала жажда деятельности, она начинала что-то представлять в его комнате, перевешивать фотографии, картины.

– Зачем этот старый комод? – спрашивала она и предлагала перенести резную отделку на письменный стол.

Вместе мерили, прикидывали, перебивали гвоздики, удивляясь согласию в мыслях и движениях. Разорённый комод выносился в сарай.

Через неделю мама, усадив гостью перед собой на диван, рассказала о своём знакомстве с мужем и скромной студенческой свадьбе. Если заглянуть в её глаза, можно было разглядеть девушку с белым бумажным венчиком в волосах, но кому интересно, что скрыто в старых подглазных мешках?

– Ну, а вы когда?

На следующий день они пошли в ближайшее ателье заказывать для Ванцзы костюм.

Себе Мэйли платье шить не стала. Вынула из чемодана красное многослойное – для сказки, начинавшейся под небом Китая, самое подходящее.

Свидетелями на регистрации были сестра невесты и брат жениха. Брат, тоже грузноватый, но, в общем, ничего, похожий на актёра из модного сериала, оценил Мэйли взглядом и поднял большой палец. Она независимо отвернулась, представила, как Саша разочарованно пожимает плечами. У них была соревновательность – Мэйли даже в секцию записалась потому, что плавала лучше сестры.

Саша приехала день в день, в свадебной машине передала ретро-открытку с кошками, играющими в теннис. На обратной стороне всего одно слово – «горько!». Теннисист был немногословен и однозначен – вот кто прошёл бы по дороге тоньше волоса! Его не растаскивали в стороны сомнения и метания. Когда он делал точные выпады, взлетая на ракетке, как на воздушном шарике, Мэйли говорила «ах», и душа её говорила «ах», и восторженно вторили девушки на теннисном корте – мир становился цельным и гармоничным.

Мэйли вертела в руках ретро-кошек, в её сложном платье не было карманов. Саша забрала открытку и, опустив боковое стекло, велела следить за погодой.

– Каким будет этот день, такой и вся ваша жизнь.

День выдался переменчивым, как в бане: то парило, то лило из небесного ушата, и деревья хлестали себя мокрыми ветками.

Когда шли по набережной Цны традиционной дорожкой новобрачных, ветер вырывал большой чёрный зонт, который жених удерживал над сёстрами.

В загсе в старинном трюмо отразились мокрый подол красного платья, прилипшая ко лбу чёлка, чёрные точки туши на веках.

– А я сухая, – беззаботно удивилась Саша.

– Но ты же своя... – виновато ответил Ван-цзы на укоряющий взгляд Мэйли.

Сестра была в белом, с обнажёнными плечами, и на регистрации её пытались поменять местами с невестой. Сашина красота не требовала доработки – ресницы и брови у неё были тёмными от природы, а волосы ложились от небрежного взмаха головы без всякой укладки.

Последним сюрпризом погоды была крутая радуга, заключившая уходящий день огромной сияющей скобкой. Ван-цзы вспомнил ту, что сопровождала его в перелёте через Тибет, и брат, выполнявший роль фотографа, вышел из машины, чтоб запечатлеть это великолепие.

Радуга не входила в кадр целиком, пришлось делать две фотографии. Потом так и напечатали: одна жениху, другая невесте.

– Пока мы сможем их совместить – будем счастливы, – пообещал Ван-цзы.

Утром мама долго ходила мимо двери молодожёнов, гремела посудой на кухне.

– Сколько будут спать эти поросята? – поинтересовалась она.

И Мэйли заплакала густыми от накипи прошедшего дня слезами.

Ван-цзы не понял, испугался. А что она могла объяснить? Что нет больше розовых лотосов – есть розовые поросята?

– Что для тебя сделать? Что? – допытывался он.

– Похудеть, – ответила Мэйли и отвела взгляд – утро за окном было ясным, природа отдыхала от вчерашней маеты.

– Это не просто, – вздохнул Ван-цзы. – Я всегда был таким.

– Очень даже просто. Нужно только из большого желудка сделать маленький. Если меньше есть, он сожмётся и не будет требовать много пищи. Попробуем вместе?

И они стали считать калории, отказываться от блинчиков и биточков, выполнять комплекс упражнений цигун, которому Мэйли научили на улице Йингбин.

А потом она заставала его за поеданием жирной маминой похлёбки и сердилась так, будто поймала за изменой.

– Кто обманывает в мелочах, тот и в большом способен! – возмущалась Мэйли. – Ты с самого начала мне лгал!

– Когда?

– Зарывался в песок, как страус.

– Страус прячет голову.

– Какая разница!

Он пытался посвятить её в суть волшебных превращений, открывшуюся

ему в небе Тибета. Внешняя оболочка должна исчезать, растворяться, телепортироваться, кануть в воду, в песок, во тьму. Мы тупы, потому что телесны...

– Опять цитата? – не вникая, прерывала она. – Вечно прячешься за чужими мыслями. Где ты сам?

Магия имён и афоризмов переставала действовать. А он надеялся, что у них всё будет ярко и празднично, как на картинах Рериха.

Он подходил близко, но она не смотрела ему в глаза, это ослабляло её уверенность в своей правоте.

Как последний аргумент он доставал из нагрудного кармана половинку радуги.

– Давай смотреть на вещи со светлой стороны, – предлагал он.

– А если нет светлых?

– Тогда надо натирать тёмные, пока не заблестят.

Они соединяли края радуги, и какое-то время Мэйли смотрела, как надо. Но потом светлые вещи загораживал чёрный зонт или большой бутерброд с ветчиной, который мама подкладывала сыночке на тарелку.

– Лишний вес вреден, – пыталась убедить Мэйли.

– Вредно истязать себя неизвестно зачем! – обижалась свекровь.

Ссоры и примирения делали жизнь стремительной и самодостаточной: стой, сиди, лежи на вагонной полке – тебя несёт по рельсам бытия. Иногда Ван-цзы срывался с подножки, выбегал за дверь. Потом возвращался и доставал свой кусок радуги. Мэйли, успев озябнуть на сквозняке одиночества, рылась в сумочке в поисках второй половинки, но вместо неё попадалась открытка с кошками, играющими в теннис.

Однажды, услышав, как в разговоре с сыном свекровь назвала её недоучкой, Мэйли побросала вещи в чемодан и в тот же день уехала доучиваться.

Их души низко летели над морем, изо всех сил стараясь удержаться друг за друга. Северо-западный ветер сдувал с бурунов морскую пену, рвал лепестки с кустов и клумб, сбивал с пути бабочек. Близился сезон тайфунов.

В письмах Ван-цзы по-прежнему называл её розовым лотосом, коротко пересказывал содержание длинных книг, советовал, как лучше подготовиться к сессии, чтоб не плавать на экзаменах.

«На то я и пловчиха», – отшучивалась Мэйли, но уже не прижимала его письма к груди, как раньше.

На весенних каникулах он взял билет до станции Тайга и всю дорогу писал в фиолетовой тетради цикл хокку.

*Утренний луч прикоснулся
К вершине горы Учжишань.
О тебе моя первая мысль.*

Волновались провода в сияющих бусинах капель, волновались одетые зелёной дымкой леса, трепетали ручьи, дрожал воздух. Но с каждым километром, как в обратной перемотке, волнение унималось, листья сворачивались в поч-

ки, скрывались первоцветы, сжимались проталины – поезд въезжал в зиму. И только сердце продолжало беспокоиться.

Комната на третьем этаже студенческого общежития была пуста. Над кроватью Мэйли висел портрет теннисиста, вырезанный из местного журнала. Значит, его она хочет видеть, когда солнце коснётся вершины горы Учжишань?

Ван-цзы нашёл вазу, решил принести воды, но кто-то держался за ручку двери с другой стороны. Он нажал сильнее.

Можно было подумать, что это двоюродный брат, и обнимает он её по-родственному. Или что это именинник, которого она решила поздравить. Можно было предположить что угодно, если бы не её растерянное лицо.

Тот, с фотографии, не взглянув на огромную фигуру, занявшую дверной проём, ушёл по коридору лёгкой спортивной походкой. Ван-цзы остался стоять, тяжело опустив плечи, будто ваза в его руках была каменной.

Мэйли принесла воды, поставила букет на подоконник. По китайскому поверью девушка, принимающая пионы, отвечает взаимностью.

Он улыбнулся, как старший, мудрый. Поверив его улыбке, она стала рассказывать. Они познакомилась в спортивной школе задолго до встречи с Ван-цзы. У них была общая компания, вместе ездили на соревнования, гуляли по широким освещённым улицам...

В доме напротив кто-то махал руками, то вскидывал в мольбе, то бросал в отчаянии – если наложить мгновенья друг на друга, как кадры фильма, получилось бы одно ветвистое дерево. За каждым окном свои паруса и своё кораблекрушение.

К чёрту поверья! К быкообразному Фэю с горы Тайшань!

– Ты что? – осеклась Мэйли.

– Я понял. С ним не надо прятаться в тёмных переулках.

Он вынул из кармана фотографию радуги и положил рядом с розовыми пионами.

Он уходил, а тот, который в нём жил, тянул обратно, и сердце должно было разорваться на части. Он огибал автобусные остановки – вдруг в тесноте кто-то надавит плечом, и сердце не выдержит. Он шёл и одно лишь твердил: сяньсырбин, сяньсырбин, сяньсырбин – так в китайских сказках называется болезнь от несчастной любви.

Сев на проходящий поезд, он резко задвинул дверь купе. Логично было не увидеть своё отражение в зеркале, но он был: огромный, в измятом костюме, с осунувшимся лицом и проросшей щетиной – разбойник из тёмного переулка.

Несколько часов он пролежал на узкой короткой полке, уткнувшись в раскрашенную под мрамор перегородку. Пятна, штрихи, линии расходились и сходились в образы. Один, похожий на китайского мандарина, предложил:

– Ты можешь пожелать что угодно, только не про неё.

– А мне ничего другого не надо, – отказался он и проснулся.

На столике рядом с недопитыми стаканами чая лежали смятые гигиенические салфетки, использованный подгузник. С ним ехала семья с младенцем.

Как она говорила? Если желудок отучить от пищи, он уменьшится. Может, и сердце станет маленьким, если его отучить от красоты и порядка? От всего

хорошего, что наполняло жизнь: музыки, стихов, пенья птиц, весенних запахов.

Вдоль железной дороги тянулись серые куцые снега, мелькали покосившиеся за зиму изгороди, переполненные мусорные баки, ржавый остов машины. Для остального закрыто было сердце, как сжатый кулак. Он потерпел кораблекрушение, несчастье на море, чем легче будет сердце, тем больше вероятности, что его выбросит на берег.

Без Ван-цзы стало пусто и холодно, будто сломали стену дома, любой мог заглянуть в проём и спросить: «А ты что тут?».

Мэйли листала большую масляно-жёлтую книгу китайских сказок, прислушиваясь к тому, что происходит у неё внутри. Душа дрожала, как одинокий листок на верхушке персикового дерева, и отталкивала двумя руками всякого, кто подходил близко.

Теннисисту это надоело, он сказал «как хочешь, вообще» – так он заканчивал почти каждую фразу. А ей уже не хотелось «вообще», хотелось частных: розовых пионов, хрустальных хокку, прозрачных сказок на ночь. Отважный герой идёт над пропастью по дороге тоньше волоса в поисках прекрасной Люй-мэй. Под ним кишат оборотни с человеческими головами, рыбьими хвостами и черепашьими панцирями, а он держится, потому что сумел изгнать из сердца сомнение.

Сестра вложила ей в руку телефон и набрала номер.

– Я занят, – сказал Ван-цзы.

– Ну что? – шепнула Саша.

– Занято.

Она вернулась в девятый день девятого лунного месяца. Этот день обладает огромной силой янь, и его нужно преодолеть, как гору.

Долго бродила вокруг его дома, надеясь на случайную знаковую встречу. Но когда поднялась на второй этаж и вошла в дверь, обитую чёрным дерматином, поняла, что на улице могла его не узнать. Он похудел, завёл окладистую бородку, отросшие волосы собирал в пучок. Суровость лица пугала и завораживала.

В комнате царили пустота и полумрак, китайские статуэтки, копившиеся годами, были снесены в сарай и свалены в ящики сосланного ранее комода. Половина книг перекочевала в шифоньер. Всё, чего она касалась когда-то, покрывалось пылью, которую он не разрешал стирать. Мать всё же прибиралась украдкой, кляня навязавшуюся на их голову китайянку.

– Я занят, – повторил он своё заклинание.

– Как твой «Истинный Фо»? – поинтересовалась Мэйли.

– Нет никакого Фо.

Книга о китайском фольклоре была заброшена, фиолетовая тетрадь пылилась вместе с другими безделушками. К школьным занятиям он почти не готовился, но теперь на его уроках дети сидели тихо. И на переменах никто больше не смеялся за его спиной.

– А как твой теннисист?

– Нет никакого теннисиста.

Да и не было, в сущности. Так... Сомнение. Балансирование над пропастью. Она достала из сумки с китайской жанровой картинкой две зеркальные фотографии и положила на письменный стол с отошедшей в нескольких местах комодной набивкой.

– Ты забыл свою радугу.

Цвета сошлись. Ван-цзы поморщился, как от резкого света.

– У меня теперь маленькое сердце, – сказал он.

– Ничего. Теперь у меня большое. Теперь я могу любить всем сердцем. Всю нашу большую жизнь.

Ему стало неловко за эту фразу, которую он сам произнёс когда-то. Слишком красиво, слишком утомительно. Там, где парят такие слова, нет покоя. Там боги Дянь-му и Лэй-гун мечут громы и молнии в поисках обманчивых человеческих сердец, и драконы сваливаются с городских крыш прямо на головы прохожих.

– Я болен, – признался Ван-цзы.

– Сянсырбин?

Он поднял на неё глаза. Она перестала корректировать внешность, черты стали сглаженными, смытыми, как на картинах Эдварда Мунка.

– Что ты удивляешься? Я читала китайские сказки. Всё это время я читала только про Китай.

– Тогда ты должна знать, что этот недуг неизлечим.

– Я знаю. От него немеют руки и губы, и тянет изнутри, будто неотрезанная пуповина. Но одно лекарство всё же есть.

– Бивни старого дракона? – вспомнил Ван-цзы и обречённо покачал головой.

Ещё ни один герой ни в одной китайской сказке не сумел добыть это снадобье – оттого болезнь и считается смертельной.

Но за Тибетскими горами, в бухте Ялуньвань две истосковавшиеся души сцепили ладони и устремились в межнебесный простор – туда, где обитают боги, духи и гении, а земная хлябь и людские скорби скрыты нижними небесами.

Владимир Козубов

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ

Поехал я с вами на рыбалку, хотел сам убедиться, но, честно говоря, не вижу, что вы находите в этом привлекательного...

Л. Мештерхази, «Великопенная рыбалка»

– Хорошая получилась рыбалка! Давненько я так не отдыхал.

*Реплика генерала Михалыча
из к/ф «Особенности национальной рыбалки»*

Я вовсе не по недомыслию предварил настоящее своё повествование двумя столь противоречивыми эпиграфами. Этим нестандартным приёмом хотел выразить своё неоднозначное отношение к такому виду человеческой деятельности, как рыбалка.

То есть я себя никак не могу отнести к тому обширному племени рыболовов-философов, могущих часами неподвижно сидеть на берегу в позе роденовского мыслителя, не обращая внимания на зверствующих комаров, уставившись на приклеенный к водной глади поплавок. Увы, не отношусь я к этому интересному племени людей, которые запросто таскали двухметровых щук, ловили окуней, у которых глаз размером с кулак. А некоторые из рыболовов даже уверяют, что довелось им лицезреть и прекрасных водяных дев – русалок. Я нисколько не сомневаюсь в честности этих рассказчиков, но и то, что я не принадлежу к этому славному племени рыболовов, даёт мне полное основание утверждать: всё, рассказанное мною ниже, есть только правда, и этому вполне можно верить.

И речных монстров видеть доводилось. Но об этом будет рассказано ниже.

Итак, речь я поведу о рыбалке. Конечно, так уж категорично отрицать свою полную индифферентность, то есть, проще говоря, равнодушие к ловле рыбы, я не стану. Само собой, ловил я помаленьку рыбку. Например, с помощью сетей, и даже на удочку. Но! Но без фанатизма, не было во мне этой самой азартной жилки, заядлости, которая отличает закоренелого фаната рыбной ловли от нормального человека. Мой личный – и до сих пор не превзойдённый мною же! – рекорд ловли на удочку – это 25 сазанов величиной с ладонь. И это всё. Это и есть та самая вершина, на которую я поднялся. Конечно, такие мои успехи весьма и весьма скромны на фоне тех умельцев, которые удочкой натаскивали мешок рыбы или даже полную лодку.

Я же, подчёркиваю, к удочке как средству ловли равнодушен. И, тем не менее, рыбалку я люблю. Вот такой парадокс. Но люблю я больше другие её стороны. Например, жечь костёр на берегу, чистить рыбу, варить уху. А уж саму уху как люблю кушать! Вот именно в этом деле, в поедании ухи, меня можно записать в фанаты, не буду скрывать. Ведь что такое уха у костра на берегу реки или озера? Да под стаканчик «народного витамина»? Это поэма, скажу я вам, и не отступлюсь от своих слов.

Я поясню сейчас, почему у меня такие непростые отношения с рыбалкой. Ну, во-первых, так сложилось исторически, что располагался наш посёлок от речки на расстоянии около 2 км, далековато для мальцов, всякий раз не находишься. Потом, когда уже появились велосипеды... Но это было потом. А поскольку наша небольшая алтайская речушка, на берегах которой я рос, была мелководной, а летом и вообще распадающейся на ряд изолированных омутов, то и рыба водилась в ней мелкая – караси да гольяны, так что ловить такую рыбу на удочку, особенно гольянов (они размером меньше кильки), мало толку. Просидишь полдня, а улов – разве что кошке на зубок. Да ещё родители отругают – бездельничаешь, а воды для полива огорода не заготовил. И потому ловили мы рыбу, как правило, не удочками, а большими сачками, самодельными бреднями или, ещё лучше, «мордушкой» – это такой тип верши. Снасть «мордушка» представляет собой плетённую из лозы или сделанную из металлического решета большую, длиной около метра, корзину с воронкой-входом, наподобие чернильницы-непроливайки, если кто такие помнит. Внутрь рыба, польстясь на приманку, входит легко. А вот наружу выйти ей уже довольно затруднительно, мозгов рыбьих не хватает на подобное действие. Вот и сидит рыба в этой корзинке, пока рыболлов не вытащит на сушу ловушку. Такой способ ловли мне нравился. Закинул «мордушку» в воду, а сам посиживай-полеживай на бережку, жги костёр, читай книжку или размышляй о разном, например, о том, есть ли жизнь на Марсе, или почему арбуз полосатый... Отойдя подальше от места установки «мордушки», можно искупаться, а потом вдоволь загорать на солнышке. Этот способ я практиковал, когда, будучи подростком, пас колхозных коров или барашков меж весёлых белоствольных берёзовых рощиц, обильно произраставших в пойме нашей маленькой степной речушки. Скот спокойно и неспешно пощипывает зелёную травку, а ты время от времени проверяешь ловушки, и уезжаешь с выпасов вечером домой с приличным уловом... Хорошее было время.

И вот с таким полным отсутствием фанатизма по отношению к рыбалке с помощью удочки я и вышел в Большой Мир, оттолкнувшись ногой от берегов нашей мелководной степной речушки Кучук, что в Алтайском крае. Вышел в Мир, где текли полноводные реки и простирались большие глубокие озёра. Но и на берегах этих больших озёр и рек, кишевших рыбой, и довольно-таки крупной, я так и остался равнодушным к ловле удочкой, спиннингами. Хотя в редких случаях, когда меня полунасиленно снабжали удочкой и усаживали на берегу, попадались мне на крючок и сомики небольшие, и серьёзного размера сазаны, но... Но, несмотря на все усилия моих друзей-приятелей, заядлых рыбаков, повышения градуса фанатизма у меня так и не случилось. Даже на зимнюю рыбалку меня возили – без толку. Не цепляло. Как в детстве не при-

кипел – так и остался равнодушным на всю жизнь. Правда, стаканчик-другой водочки на льду под бодрящий зимний ветерок – оказалось вовсе неплохо, в самый раз. Однако это, пожалуй, и все прелести зимней рыбалки, на мой взгляд. Ну такой склад характера у меня оказался. К слову сказать, я так же к футболу отношусь, и к хоккею – ну не вижу в этом чего-то такого-этакого. Вот точно, словно индейцы амазонских джунглей, впервые столкнувшись с европейцами, не могли понять, что же такого изображено на показываемых им фотографиях. Индейцы просто ничего там не видели кроме серых размытых пятен, потому как тогда мозг их ещё не воспринимал подобный способ передачи информации. Вот так и я. Однако же другие способы рыбной ловли мне нравились, и я при случае с удовольствием предавался этому занятию. Вот о них-то я и поведаю.

Вот, например, ловля рыбы руками. Без ничего, без всяких снастей и приспособлений. Просто голыми руками. Причём рыбалка таким способом достаточно результативна. А дело было так.

Свою трудовую деятельность после армейской службы я начинал в Южно-Казахстанской гидрогеологической экспедиции. Бросило (у газетчиков того времени был в ходу такой термин) как-то меня руководство экспедиции на длительную опытную откачку. Надо сказать, откачка – всему делу венец в полевых гидрогеологических работах. Очень важная работа. И настолько же скучная и монотонная. Ну представьте, целый месяц тарахтит дизель, шумит компрессор, нагнетая в скважину воздух, из трубы беспрестанно идёт вода, а твоё дело – замерять в определённое время дебит откачиваемой скважины и измерять понижение уровня подземных вод в ней и вблизи расположенных наблюдательных скважинах, а это иной раз в километрах полутора от места откачки. Рабочие откачной бригады заправляют дизель-компрессор соляркой, следят за уровнем масла, и это их такие обязанности. Словом, свободного времени – хоть отбавляй. Они спят впрок, играют в карты, домино или шахматы, читают книжки, травят всякие байки. Вот и вся геологическая романтика. Ибо транспорта, чтобы сгонять на охоту или рыбалку – нет. Откачной бригаде, как правило, придан старенький трактор «МТЗ-5», называемый в обиходе «белорусом», служащий средством с помощью металлической треноги для монтажа/демонтажа эрлифта – устройства из труб для подъёма воды из скважины. И ещё этот трактор используется для поездок на дальние наблюдательные скважины. Да и то рабочие из-за летней жары и лениости обучили меня заводить двигатель и ездить на тракторе самостоятельно, так что эту обязанность управления трактором они переложили на меня, что я с удовольствием принял: всё какое-то разнообразие в рутинном быту откачки. Конечно, работяга-«белорус» непригоден для охоты. Я пробовал как-то, руля одной рукой, стрелять из ружья по зайцам, но быстро осознал безумие подобных попыток, ибо в таком разе скорее ногу себе прострелить можно или трактор положить набок в какой-либо колдобине, нежели подстрелить шустрого зайца на жаркое. Так что оставалось только сидеть сиднем в вагончике, занимаясь замерами, вести журнал откачки, брать логарифмы, строить графики. Но времени свободного всё равно было в избытке, и его как-то надо было утилизировать... Неизрасходованная энергия моло-

дости бурлила и требовала выхода, и мои мозги интенсивно работали в этом направлении.

Мы стояли недалеко к северу от небольшого аула с диковинным для русского уха названием Ынтымак. Вокруг – степь. Кое-где – возделанные поля да купы деревьев аула, подальше на севере – гряда песков Муюнкум, за которой начиналась царица степей – Величественная Бетпак-Дала. Вот и весь пейзаж. Плавилось в небе горячее южное солнце, казалось, того и гляди, расплавленные капли начнут падать сверху прямо на голову, а на горизонте колыхалось марево миражей. Лето красное. Палящий зной, скучища, невероятная вялость вгоняет в дрему. И я предложил бригадиру откачечников Виктору Балау совершить прогулку к находящемуся у самой кромки песчаной гряды Муюнкумов самоизливу.

Виктор был немного постарше меня, но мы приятельствовали. Нас сближала не только работа, но ещё и служба в Советской Армии. Ибо служили мы оба в славном ТуркВО, правда, я в Мары, а он в Ашхабаде. Но выяснилось, что в учебном полку у них был командир, которого я впоследствии знал как начальника нашей службы в штабе ТуркВО. Это ещё больше нас объединяло, и отношения у нас были вполне дружеские. На моё предложение Виктор согласился, и мы, оседлав нашего «белоруса», попылили к самоизливу. До него было два-три километра, и расстояние это мы преодолели быстро, хотя и в невероятной тряске, поскольку рессор и амортизаторов у этой модели не имелось, и все неровности дороги мы ощущали достаточно жёстко и бескомпромиссно. Конечно, по молодости мы на это не обращали особого внимания.

А данную прогулку я предложил с целью попытаться рыбацкого счастья. Когда-то, в один из бесчисленных проездов на буровые мимо этого самоизлива, я видел в возникшем у самой скважины озерке резвящихся маленьких рыбёшек, и вот подумалось мне – а вдруг сможем как-то изловить немножко рыбы на уху? Для этой цели мы взяли с собой обычный дерюжный мешок, рассчитывая использовать его вместо сачка.

Самоизлив «Текей» – это скважина, пробуренная бог весть в какие времена, по крайней мере, на топокартах 30-х годов она уже отмечена. И, тем не менее, несмотря на такой мафусаиловский возраст, самоизлив вполне был работоспособен, он исправно подавал из-под земли прекрасную питьевую воду. Этим пользовались чабаны при перегонах своих отар, а также все проезжающие водители автомашин. Вода Текея была вкусная и прохладная, не в пример частым горячим самоизливам в этой местности.

За период многолетнего и беспрерывного полива окружающей местности у самоизлива образовался самый настоящий оазис: достаточно обширное, но мелководное пресноводное озерцо, сплошь густо поросшее камышом. Камыш колхозники из окрестных аулов использовали как в качестве зимнего корма скоту, так и для своих хозяйственных нужд. Камыш рос буйно, на всей территории озерца простирались настоящие камышовые джунгли. Такие джунгли, что мы, обойдя чуть ли не всё озеро по периметру, отчётливо поняли – рыбу нам тут не достать, хоть глубина озера была невелика. Не взять её в таких густых камышовых зарослях. Никак не взять. И с этим нам пришлось смириться. Даже у самой же обсадной трубы, где действительно сновали рыбёшки,

ничего не получалось с рыбалкой, так как дно было усеяно разбитыми бетонными блоками с торчащими штырями арматуры, сачок тут был бесполезным. Да и сама концепция использования дерюжного мешка вместо сачка оказалась в корне ошибочной: намкнув, мешок плохо пропускал воду, и таскать его в воде не представлялось возможным. Словом, наши надежды на добычу рыбы развеялись, по выражению поэта, как белых яблонь дым. Да.

Разочаровавшись в рыбалке, мы с Виктором сняли одежду, искупались в прохладной текейской воде, тем самым придав нашей поездке хотя бы некоторый смысл. Ну да, вроде как своей воды у нас на откачке было в обрез. Усевшись на травку у самого уреза воды, закурили. Делать-то было больше нечего, поездка за рыбой выдала нулевой результат, и надо было возвращаться домой несолоно хлебавши. Лениво попыхивая сигаретой, я вдруг обратил внимание, что над зарослями, там, в глубинах камышовых джунглей, вьются птицы: коршуны, и какие-то пернатые помельче. Они не дрались, как это обычно бывает, когда мелкие пернатые птички скопом бьют хищника. Нет, птицы были всецело и как-то даже странно азартно заняты каким-то общим занятием, пикируя в камыши. Я обратил внимание Виктора на это интересное явление, и мы решили последовать к означенному месту, над которым рейдировали пернатые. Логика наших рассуждений была простая и прямая, словно черенок лопаты: если птицы ищут там себе поживу, так почему бы и нам не попытаться там что-либо найти?

Сказано – сделано, и мы углубились в заросли, отбиваясь от комаров, этих недремлющих стражей травяных джунглей, вениками из сорванного камыша. Под ногами хлюпала вода, но уровень её постепенно понижался, перейдя в полужидкую грязь. А затем и вовсе почва стала достаточно твёрдой. Всё дело было в том, что колхозники готовились к уборке камыша и потому отвели поступающую из скважины воду в сторону, и часть озера, намеченная к покосу, высохла. Но! Но, к большому счастью птиц – и нашему, конечно! – подсыхая часть озера имела несколько впадин, иногда достаточно глубоких и свободных от камыша, камыш-то, ведь он тоже на определённой глубине растёт. Наверное, в этих ямах и зимовала неприхотливая сазанья братия. Ярило-солнце пока что не выпарило из ям всю воду, её оставалось достаточно, и здесь-то и спасалась от внезапной «засухи» обитавшая в камышовых зарослях рыба. Естественно, птицы заметили возможность дармовой и не сложной кормёжки, и потому азартно кружили над ямами, хватая на лету всплывших к поверхности воды сазанчиков. Вот так оно в жизни бывает: одним – гекатомба и апокалипсис, а другим – пир на весь мир.

Наше появление расстроило весёлую птичью карусель. Человек – он вроде как царь природы, и мы не преминули воспользоваться своими правами. Словом, наступило наше время, и мы, выражаясь военным языком, прямо с марша приступили к рыбалке. Воды в яме было выше колен, а рыбы... А рыбы было – как пельменей в чашке! Яма прямо-таки кишела рыбой! Вот тут-то и началась та самая рыбалка! Мы с Виктором просто черпали ладонями воду и выплёскивали её на берег вместе с рыбой. Это был сазан, в своей массе небольшой величины, ну примерно с ладонь. Но сколько же его было! Это просто что-то невообразимое! Сначала мы черпали всех подряд. Потом уже выби-

рали тех, которые покрупнее. Мы бултыхались в яме, словно бегемоты, перепачкавшись в грязи, но какое это имело значение?! Великолепная рыбалка шла полным ходом! Взбаламутив своим барахтаньем воду, мы ещё более вынудили рыбу всплывать к поверхности, и тут уже можно было определять размеры рыбин и отлавливать только ту, которая приглянулась размерами.

Вот таким образом, бултыхаясь в этой яме, мы смогли наловить рыбы целый мешок, и, довольные, помчались к себе домой с такой скоростью, насколько нам позволял тархтящий и подпрыгивающий на неровностях дороги трактор. Что там триумф римских цезарей, победоносно возвращавшихся после военных битв домой! Вот у нас был триумф – так это всем триумфам триумф! Без всяких снастей в песках поймать мешок рыбы! Прибыв в бригаду с таким шикарным уловом, мы взахлёб рассказывали, каким образом нам удалось добыть к столу такой ощутимый приварок. Пойманную рыбу выпустили в ёмкость со свежей, чистой водой. Часть улова тут же пустили в переработку для ужина.

И на ужин у нас была великолепная уха и жаренные до приятной аппетитной корочки сазанчики. Правда, на первых порах они слегка пованивали тиной, но в дальнейшем запах уже не ощущался. То ли мы привыкли, то ли сазаны отмылись в чистой артезианской воде.

Отловленная рыба, поблёскивая чешуёй, плотной стаей плавала, словно в аквариуме, в большой металлической ёмкости, благо воды у нас в период откачки было вдосталь. Сазанов мы подкармливали, бросая в воду хлебные крошки со стола. И теперь по мере надобности мы буднично черпали рыбу из ёмкости дуршлагом. Романтики в этих действиях, конечно, маловато, тут я спорить не буду. Но зато всегда к столу была свежая рыба.

Конечно, настоящие рыболовы-профессионалы, оснащённые спиннингами, крючками, особыми лесками, мормышками и прочими рыболовными причиндалами, вряд ли назовут наш способ настоящей рыбалкой.

А ещё приходилось мне видеть и немножко участвовать в отлове рыбы, тоже без всяких удочек, когда её просто черпают совковой лопатой. Это происходит тогда, когда рисовые плантации подготавливаются к уборке. В этот период воду спускают с рисовых чеков (участков) в каналы, которые, в свою очередь, сливают в магистральный канал. Вместе с водой из чеков уходит и рыба, обильно нагулявшие жир караси и сазаны. Каналы имеют перегородки, наподобие шиберных заслонок в воздуховодах. Перекрыв заслонки на части канала, поток рыбы останавливают, и черпают её из русла канала лопатами, бросая в кузов автомобиля. Такая вот рыбалка, с позволения сказать. Ясен пень, нет здесь никакого поединка между человеком и рыбой, оттого теряется острота ощущений, элементы которого наблюдаются при ловле рыбы, например, удочкой, спиннингом... Но что делать? Таковы особенности уборки риса в Южном Казахстане. И таковы же сопутствующие ей особенности здешней рыбалки.

Промежуточным способом между черпаньем рыбьей массы из воды и ловлей спиннингом, на мой взгляд, является охота на рыбу с острогой. Мне как-то довелось участвовать в такой рыбалке, и я постараюсь вам рассказать об этом способе и его результативности.

Дело было весной, в апреле, в Южном Казахстане в это время уже довольно тепло и даже жарко. Климат такой. Да. Стояла в тот раз наша буровая бригада у Чардаринского водохранилища.

Молодые буровики, среди которых были заядлые рыболовы, тоже совершали десанты к берегам водохранилища, однако результаты всех их манипуляций с удочками были нулевые: не клевало. Да не то чтобы клёва, даже поклёвки паршивой не было, хоть ты тресни. И места были самые что ни на есть «рыбные», и прикормку бросали, и на червей пробовали, и на муравьиные яйца, на хлеб, на отруби – бесполезно. Хоть сам лезь в воду и насаживай рыбу на крючок. Не было клёва, как будто его каким-то рыбьим декретом отменили напрочь.

А весь секрет был в том, что у сазана на этот момент в аккурат пришлось время нереста. Сазан – рыба теплолюбивая, и активничает он только когда вода достаточно хорошо прогревается, а когда температура воды достигает 18 градусов – тут он и вовсе распоясывается: начинает метать икру. Так что в этот период ему не до всяких лакомств в виде червяков и прикормок, которых ему в изобилии предлагают хитрецы-рыболовы, у него голова совсем другим занята, а занята она своим, рыбьим лямуrom, так сказать. Вымет икры – дело серьёзное. Отлагательства не терпит и требует полной отдачи: шутка ли, продолжение рода! А тут с удочками пристают... Хм.

Нереститься сазан выходит на разливы, мелководные лагуны с травянистой растительностью, на которую и мечет свою икру. Икру сазан вымётывает стайно, в эти моменты рыба скапливается в больших количествах. Её настолько много, что вода буквально кипит от снующих рыбьих тел. В общем, свальный грех. Очень зрелищное мероприятие. Обычно самку сопровождают 3–4 самца, они стараются держаться плотно к самке, оттесняя друг друга, трутся о неё боками. Иногда сазаны, по-видимому, от избытка чувств, сазаньей своей удали и молодечества, выпрыгивают из воды и с шумом падают обратно. Когда самка заканчивает метание икры, самцы оплодотворяют икру, сбрасывая в воду молоки.

Так вот, раскинули мы свой полевой лагерь на берегу водохранилища, оказывается, именно в самый интересный период – период нереста. Определившись с текущим моментом и сделав правильные выводы, мы поняли, что удочки нам никакие не помощницы в деле ловли, а брать рыбу придётся по-иному.

Тут же, без лишней дискуссии, приступили к изготовлению необходимого снаряжения. Нарубили куски шестимиллиметровой проволоки, молотками расплющили её до узеньких полосок, напильниками и ручным точилом заострили эти свои примитивные гарпуны, а по бокам гарпунов нанесли засечки – дабы наколотая рыба не имела никаких шансов сорваться с гарпуна. Изготовленные на скорую руку пики мы приспособили к черенкам от лопат. Вооружившись таким образом, мы решительно выступили в сторону водохранилища с твёрдым намерением без добычи не возвращаться.

...Вода в мелководной лагуне буквально кипела от нерестящейся рыбы, поверхность её повсеместно вспарывали плавники снующих рыбин.

Мы обрадованно загалдели и, держа наготове свои примитивные пики, вступили в воду. Лагуна, как я уже говорил, была неглубокая, вода в самом

глубоком месте была по... в общем, как говорил старшина Васков из к/ф «А зори здесь тихие», женщинам по пояс. В прогретой и тёплой воде стремительными торпедами проносились рыбины. Ловля началась. Отсутствие у нас опыта работы с гарпунами с лихвой компенсировалось сильным желанием добыть трофей, и потому после двух-трёх неудачных попыток навыки появились достаточно быстро. Это оказалось не таким уж и сложным. Остриё гарпуна подводилось к передней части рыбины, примерно туда, где заканчиваются жаберные крышки. Затем резкий посыл гарпуна вперёд – и вот уже черенок гарпуна рвётся из рук: сазан – рыба сильная. А уж тем более в родной стихии, она, даже будучи смертельно раненной, так просто не сдаётся. Достаточно же большие размеры – до полуметра и более – позволяли ей активно сопротивляться грубому насилию с нашей стороны. Но примитивные гарпуны, тем не менее, держали добычу надёжно, оставалось только подтащить её к берегу и выбросить на траву. Освоившись с такой необычной технологией охоты на рыб, мы вчетвером довольно быстро наловили два мешка здоровенных, отливающих старым золотом, сазанов. Знатная добыча! Довольные удачной рыбалкой и тем, что по запарке никому не саданули в ногу своим опасным оружием, мы двигались к буровой, даже не замечая тяжести мешков с рыбой, которые пришлось нести по очереди.

На ужин мы закатали рыбный пир: уха из головизны, покрытая золотистой жировой плёнкой, заправленная икрой, сдобренная луком, перцем, лавровым листиком, исходила паром и вливалась внутрь наших организмов божественным благоухающим нектаром. Знатная была уха, тем более, на свежем воздухе, когда аппетит возрастает в разы и становится просто зверским.

А на второе наша повариха тётя Валя приготовила кусочки сазана, обваленные в муке и прожаренные до образования тоненькой коричневой корочки, так приятно хрустящей на зубах. Мясо сазана, розовато-белое на изломе, парило так, что буквально вызывало спазмы и просто-таки таяло во рту. В общем, тот ещё был ужин, радость для желудков – потрясающая.

Потом мы ещё пару раз ходили на эту своеобразную рыбалку, добывая приварок к нашему геологическому столу. Долго потом мы, причастные к «острожному делу», вспоминали эту рыбалку, замечательнейшее событие, когда мы оказались в нужное время в нужном месте.

Кроме вышеописанного, скажем так, несколько варварского вида рыбалки с гарпуном, довелось мне участвовать в ловле рыбы ещё более экзотическим способом. Но тоже достаточно эффективным. При этом способе рыбы в количественном отношении добывается немного, одна-две штуки, но вес добычи с лихвой покрывает её малое количество, ибо охотились мы вообще, можно сказать, на пресноводных чудовищ приличной длины и веса.

Я не оговорился, мы действительно охотились. Сазан как рыба славится своей скороспелостью, быстро растёт. А его нетребовательность к корму и сравнительно большой пофигизм к низкому содержанию кислорода в воде позволяют ему беззаботно обитать в замкнутых водоёмах: небольших заросших травой озёрах и прудах. Если, конечно, его не тревожат любители рыбной ловли. Но в тех местах, где мы тогда работали – а это была пойма реки Сыр-Дарьи – населения практически не было. Уж очень отдалённые были места, и не

всякий рыболлов рискнёт туда забираться. Так что практически мы на многие сотни километров были единственными людьми в этой глухой местности. Этаким своеобразный затерянный мир.

И вот здесь-то, в старицах, когда-то отшнурковавшихся от основного русла реки водоёмах, глубоких ямах, обильно заросших по берегу камышом, и плодились, не зная забот, сазаны, нагуливая вес. Вырастали они здесь предельно здоровенными, достигая почти метровой величины. Любили на закате эти исполины высовывать свои головы в камышовых зарослях из воды. Зачем они это делали? А чёрт их знает. Может, подумывали о завоевании суши? Кто знает, что у них там за мысли бродили в холодных рыбьих мозгах? Может, молодые побеги камыша щипали, или насекомых разных ловили – не знаю. Но были у них такие водно-воздушные процедуры по тихим безветренным вечерам.

Естественно, данное рыбное мероприятие не прошло мимо нас, мы этот рыбий ритуал отметили для себя, но просто так взять сазанов не могли. А нечем было. На таких исполинов сеть хорошая нужна, а у нас на тот момент сеть тонкого плетения была, на мелкую рыбу. Жалко портить сеть, ибо такой водяной кабанчик с лёгкостью её прорвёт. Но и взять за жабры этих отъевшихся, вальяжно-безмятежных «поросят» тоже страсть как хотелось. Но если поставлена задача, то способ её выполнения всегда найдётся. Анализ увиденных сазаньих процедур длился недолго, и как-то после обеда старший мастер Каварма сказал мне:

– Всё, Вовка, сегодня вечером едем брать за жабры этих гадов, которые нагледуют в озере.

Я сразу догадался, о каких гадах идёт речь, и спросил:

– А чем их брать, этих исполинов? Пожарным багром? Можно ещё взрывчаткой. Но где её возмёмшь, взрывчатку? Не из спичечных же головок делать бомбу?

В ответ Григорий мне возразил:

– Всё продумано. Обойдёмся и без взрывчатки. Мелкашка же есть. Так что накачивай воздухом автомобильную камеру.

Я сразу врубился в ситуацию. Каварма собирается рыбачить путём отстрела здоровенных рыбин из малокалиберного ружья, которое у запасливого мастера было. Таким образом, добыча рыбных исполинов становилась реальной. Это настраивало нас всех на оптимистический лад.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы вынули из загашников камеру, подремонтировали её, накачали воздухом, привязали к ней небольшую доску, превратив, таким образом, часть автомобиля во вполне надёжное плавсредство.

А когда закончились дневные работы на буровой, мы выдвинулись в поход. Не доезжая до озера несколько десятков метров, мы покинули автомобиль и начали, словно чингачуки, осторожно хоронясь за стеной камыша, приближаться к воде. Водитель, не желая кормить комаров, остался в кабине автомобиля. А мы же, охваченные азартом, полусогнувшись, с ружьём и плавсредством, крались к озеру. Ага. Вот уже сквозь зелёную стену проглянуло зеркало воды, которое изредка нарушалось слабыми волнами. Это сазаны тихонько,

с едва заметным плеском, высовывали свои головы из воды, совершая свой очередной вечерний намаз. Может, и правда, они молились своему рыбьему богу? Но практичный Григорий Каварма не стал углубляться в теологические вопросы, а, зарядив мелкашку, шепнул мне:

– Готовься, Вовка, снимай кальсоны, сейчас поплывёшь за добычей. Чтобы быстро. А то вдруг добыча утонет, кто его знает...

Я быстренько разделся до трусов, чем несказанно обрадовал местное комарье, которое с остервенелой радостью набросилось на меня. Я засуетился, запрыгал, сидя на корточках и отмахиваясь от летающей сволочи снятой рубахой.

– Тих-ха ты, не шуми, спугнёшь... – сквозь зубы процедил Григорий, беря на мушку видимую только ему цель. Я стоически замер, проклиная кровососов.

Сухо, негромко кашлянул выстрел. И сразу же раздались шум, всплески, треск камыша, водное зеркало пошло волнами и задробилось осколками. Есть попадание! Я мигом распрямился, словно сжатая дотолё пружина, и, прижав к животу камеру с привязанной к ней доской, не хуже того дикого кабана вломился в камышовую чащобу, не обращая внимания ни на гудящих комаров, ни на жалящие прикосновения острых кромок камышовых листьев. Скорее к воде! С размаху шлёпнув камеру на воду, я тут же плашмя упал на неё и в темпе заработал руками и ногами, набирая скорость. Проплыв через озеро к тому месту, где изгибался, шумно шлёпая хвостом по воде, исполинский сазан, категорически не желая вот так просто, за здорово живёшь, расставаться с жизнью. Но сегодня был не его день. Такая его рыбья судьба. Всему когда-то приходит конец, и сазан уже почти затих, когда я подплыл к нему. Он лишь слабо шевелил хвостом, слегка покачиваясь на поверхности воды. Я быстренько ухватил его рукой за жаберную крышку величиной с чайное блюдце, а то вдруг и правда уйдёт на дно добыча. Да, здоровенная рыбина попала под выстрел! Ай да дядя Гриша! Соколиный глаз – сказали бы индейцы, окажись поблизости. Развернув свою камеру, я отбуксировал добычу к удобному месту на берегу. Подбежал Каварма и помог мне вытащить добычу на берег. Ах, какой хороший попался экземпляр! Патриарх рыбьего племени! Крупная, с пятак, чешуя цвета старого золота, чуть темнее на хребте, плотно облегла сильное тело рыбы. Зазубренные костяные лучи в передней части спинного плавника и у анального отверстия были такой устрашающей величины, что их вполне можно было приспособлять в качестве гарпунов. Вероятно, наши далёкие предки и употребляли их в этом качестве.

Мы отнесли знатную добычу в автомобиль, я оделся, разочаровав тем самым местных кровопийц. Да плюс к тому ещё мы задымили в три трубы, заставив тем самым осатаневших насекомых держаться от нас подальше. Переждав так почти час, мы снова выдвинулись на исходные рубежи, и после некоторого ожидания процесс этой охото-рыбалки повторился, разве что застреленный теперь сазан оказал чуть меньше размерами. Но нас это не обескуражило, ибо и этой добычи нам было вдосталь. Чего жадничать-то?..

С тех пор прошло много лет, утекло много воды и отнерестилось большое количество рыбы. Но до сих пор в памяти свежи те незабываемые дни, когда

рыбу приходилось добывать такими интересными способами, иной раз и вообще без всяких приспособлений, но всегда с хорошим результатом...

Вот на этом я, пожалуй, и закончу свой рассказ об особенностях национальной рыбалки в Южном Казахстане в период полевых гидрогеологических исследований. Я так думаю, что из моего незамысловатого рассказа Читатель понял главное: водоёмы Южного Казахстана очень богаты рыбой, настолько богаты, что её можно брать практически голыми руками. Чуть-чуть смекалки, немножко ловкости, настойчивости – и ароматная, с умопомрачительным запахом уха всегда будет на вашем столе.

А как же речные монстры, спросит внимательный Читатель? Да, действительно, я упоминал о монстрах в самом начале своего повествования. Ну, если вам метровой длины сазан – не монстр, то извольте. Встречались они у меня на жизненном пути, монстры, да. Вот только ловить мне их не довелось... Не судьба. Но видеть – видел.

Первого такого монстра я видел на берегу Чардаринского водохранилища, когда мы как-то проезжали на автомобиле вдоль низкого песчаного участка берега. Выброшенный волной, по-видимому, почивший в бозе, судак громадной тушей валялся на берегу, привлекая своей светлой брюшной беззащитностью суматошных крикливых чаек. Мы вылезли из автомобиля и подошли к рыбине. Знатный экземпляр! Длина его была около двух метров (измерили шагами), он слегка напоминал своей хищно-вытянутой мордой акулу. Да по сути дела это и есть акула пресноводных водоёмов, судак – тот ещё хищник. Особенно устрашающими выглядели клыки в разинутой пасти – точно у волка. Вонзят такие «гвозди» в добычу – вырваться шансов у неё нет. Хотя, имея узкую глотку, судак употребляет в пищу только рыбу с узким телом – бычков, пескарей, рыбью мелочь.

А второй монстр – это дедушка сом. Такого патриарха я видел на рынке в Чимкенте, продавали его рыбаки. Сом лежал в кузове автомобиля «ГАЗ-53», упершись головой в передний борт, а конец хвоста ещё на полметра свешивался вниз на открытый задний борт. Длина кузова известна, она составляет 3,7 метра, отсюда – длина этого сома была около 4,5 метра. Вот такое страшилище.

Рыбак, стоя на кузове, раскрыл сому пасть и вложил в неё обычное ведро, объёмом 10 литров. И пасть свободно закрылась. Увиденное меня впечатлило. Я долго рассматривал это чудо Природы, вспоминая приключившийся со мной случай.

Как-то мы выезжали большой компанией из нашего конструкторского бюро на отдых, на реку Арысь. Мы часто практиковали такие выезды, иногда даже с ночёвкой. И вот там, купаясь в протоке, я заплыл далеко по тихому руслу, с берегами, обильно заросшими лозняком. Я был совершенно один, тихо плыл в вечерней тёплой воде, никого, как говорится, не трогая. И вдруг мощным, но плавным толчком я был наполовину выброшен из воды, качнуло ощутимо, словно на качелях, волны в обе стороны от меня с шумом плеснули в лозняк. Я успел только заметить, как впереди по курсу вода слегка взвихрилась от движения стремительно уходящего под водой огромного тела. Ну, скорее всего, это был вот такой же сомище, как и виденный мной в кузове автомобиля.

Сом – самая крупная в наших водах пресноводная рыба. Он беспощадный хищник, и ест в воде всё: моллюсков, лягушек глотает, словно пельмени. Даже зубастых щук заглатывает, которые, как известно, и сами не промах. Сом с удовольствием перекусит уточкой или гусем лапчатым, за милую душу сожрёт и ондатру, и нутрию, не говоря уже о более мелких водяных крысах – сому всё идёт в пищу, он не деликатничает. И даже какого-нибудь бестолкового барбоса, неосторожно вздумавшего искупаться в жару, схарчит и не поморщится.

Да что собаки! Известны случаи нападения гигантских сомов даже на человека. Вот так вот. Не часто, правда, но такие случаи зафиксированы. Представьте: на самого Царя Природы разевает пасть! Однозначно, монстр! К счастью, встреченный мною когда-то в протоке сом не решился напасть на меня, за что я ему очень благодарен. Иначе как бы я смог поведать вам эти рыбацкие истории?

Ну, а поскольку я не заядлый рыбак, то верить всему здесь рассказанному можно.

В Томском областном Доме искусств много лет действует литературный клуб с незамысловатым названием «Литературные четверги». Собираются на это литобъединение начинающие авторы по четвергам два раза в месяц. Читают свои произведения, поют песни на стихи своих товарищей, обсуждают новые произведения, просто разговаривают о жизни и культурных событиях. Вели Литературные четверги всегда члены Томской областной писательской организации, по обстоятельствам сменяя друг друга. Сейчас занятия в этом ЛИТО проводит Валентина Анатольевна Чубковец. Сегодня она представляет наиболее интересные работы студийцев.

Татьяна САМОЙЛОВА

Кот

С тех пор, как я осталась без тебя, совсем одна,
Постарел мой вальяжный домашний зверь.
Он не спит, когда в окна нам светит Луна,
И, если честно, ты не узнал бы его теперь.

Он тихо мурлычет моих песен ночной мотив,
Вечерами садится к дверям, поджидая тебя – а вдруг?..
Он всё реже бывает, как раньше с тобой, игрив,
Но он помнит, что ты любил меня и был ему добрый друг.

Вот так и живём с ним: в полночь смотрим в окно,
Беседуем с ним часами, но это – лишь монолог..
Я пыталась ему объяснить, что всё было предрешено,
Но факт твоего ухода принять он так и не смог.

И, помня, что жизнь конечна, и порядок божий не нов,
Являясь собратом по боли и просто моим котом,
По лунной дорожке, по белой радуге снов
К тебе он первый уйдёт. А я – попозже... Потом.

* * *

Небо –
Это то же самое море,
Только вместо золотых рыбок
В нём живут золотые звёзды.

Небо
Вмещает море моей боли,
Горьких разочарований и ошибок,
Которые не исправить, потому как – поздно.

Море...
Они с небом очень похожи,
Как два зеркала друг напротив друга
Одаряют друг друга синим.
Море,
Объятья волн твоих – ожог кожи,
Ты царишь во мне, словно властитель юга,
И о самом главном с тобой – не преминем...

* * *

Когда остановится моё сердце –
У меня будет целых три минуты,
Чтобы я могла сказать, пока совсем не онемею,
Как сильно я любила эту жизнь
И тебя вместе с нею!

Когда остановится моё сердце –
У меня будет целых три минуты,
И я хотела бы лежать на земле и видеть перед собою
Это самое прекрасное небо,
Соединяющее меня с тобою.

Когда остановится моё сердце –
У меня будет всего три минуты,
Чтобы проститься с этой горячей жёлтой звездой,
Без которой ничего бы не было,
Даже нас с тобою.

Когда остановится моё сердце,
И уже не останется ни одной минуты –
Я улечу в бездну неба и стану звездой голубою...
А на этой земле я оставлю память
О нас с тобою!

Лидия Овечкина

* * *

Октябрь. Потеплело, и синее небо
Опять засияло. Вокруг позолота
Деревьев, что не облетели под ветром
И солнце сияет – прекрасна погода!

Прекрасна погода. Октябрь обогреет
Озябший мой город и уток в реке.
И Томь снова в берег волною заплещет.
Я вновь силуэт разгляжу вдалеке –
Мелькнёт и исчезнет мой бакенщик старый,
Он снова уходит по тихой Томи.
И вечер погаснет. И солнце устало
Укроется в тучах над гладью реки.

Предзимье

Миражи из жёлтых листьев.
Что-то мне нашепчет осень.
Всё сменяет бесконечность
Серых туч. И неба просинь

Не появится, не ждите –
В октябре так не бывает.
Только в небо посмотрите:
Тихо-тихо в нём растает

Осень, в серый плащ укутав
Плечи, словно в одеяло.
И река в тумане канет,
И зима начнёт сначала
Укрывать поля и рощи
Снегом, что вот-вот сорвётся
С этих туч. И вы не ждите:
Осень больше не вернётся.

* * *

Тёмное зеркало – мокрый асфальт.
В нём отражаются тополя.
Только по осени это вот так –
Зеркалом станет дорога. И я

По зеркалам, отраженья ломая,
Тихо бреду сквозь дожди.
Осень промозглая, дань собирая,
Память терзает. Смывает следы.

Анатолий Муравлёв

Встреча с внуками Михаила Шатилова

В 2017 году я издал книгу «Неизвестный Алтай. Наши министры», в которой поведал в том числе и о судьбе Михаила Шатилова, занимавшего в руководимых Петром Дербером антибольшевистских правительствах должности министра без портфеля и министра по туземным делам. А вскоре познакомился с двумя его внуками, проживавшими на Алтае, которые многое о судьбе деда узнали из моей публикации...

Михаил Шатилов родился 4 июня (нового стиля) 1882 года в селе Смоленское нынешнего Алтайского края. Как свидетельствует выписка из метрической книги Оидигтриевской церкви села Смоленского Бийского округа Томской епархии о рождении Шатилова (ГАТО, Ф. 10. Оп. 1. Д. 334. Л. 19–19 (об). Рукопись), «родители его города Тюмени мещане Бонифатий Семёнов Шатилов и законная жена Глафира Ефимовна, оба православного вероисповедания».

А в протоколе допроса Михаил называл себя «сыном крестьянина, сельского учителя».

Имеются также не подтверждённые документами сведения, что он являлся потомком одного из декабристов.

В юности Шатилов окончил Томскую духовную семинарию, но в священники не пошёл. С 1906 года обучался на юридическом, два года был слушателем историко-филологического факультета Императорского Томского университета.

Ещё до получения диплома об окончании вуза в июне 1909 года был командирован помощником крестьянского начальника 2-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии. С 29 ноября 1910 года служил в прежней должности на пятом участке в Бийском уезде. А 22 марта 1911 года откомандирован в распоряжение крестьянского начальника Барнаульского уезда, где трудился на пятом участке до 28 апреля 1911 года. Таким образом, два года он вновь прожил на Алтае.

Институт крестьянских начальников был введён в Сибири временным положением 2-го июня 1898 года «для заведывания общественным управлением сельских обывателей, а также для устройства быта этих обывателей и переселенцев и для управления инородцами».

После возвращения в Томск Михаил Шатилов занял место помощника присяжного поверенного округа Омской судебной палаты. Много занимался журналистикой. В 1914–1917 годах редактировал и издавал журнал «Сибирский студент». В начале Февральской революции вступил в партию социал-ре-

волюционеров. В марте – июне и августе – ноябре 1917 года являлся редактором газеты «Голос свободы» и состоял помощником комиссара Временного российского правительства в Томской губернии Бориса Гана.

Участники нелегальной Сибирской областной думы, собравшиеся в Томске в ночь на 9 февраля 1918 года, избрали Михаила Шатилова в состав Временного правительства автономной Сибири в качестве министра без портфеля. Но он об этом не знал. Вместе с другими депутатами Сибирской областной думы его накануне арестовали по постановлению Совета рабочих и красноармейских депутатов и заключили в красноярскую тюрьму. Через неделю освободили, он перешёл на нелегальное положение.

В июне 1918 года Шатилова избрали министром без портфеля во Временном сибирском правительстве. В том же месяце Шатилов вошёл в состав этого правительства в качестве министра по туземным делам. В его компетенцию входила работа с аборигенным населением Сибири. Подобное министерство создавалось впервые в истории государственного строительства России. Неприязненное отношение коллег к министру туземных дел было связано с тем, что, будучи единственным эсером в правительстве, он вызывал неприязнь со стороны правой его части. Большинство проектов решений правительства, не говоря уж о министерских, он согласовывал с товарищами по партии, что не могло не раздражать других министров.

В ночь на 21 сентября 1918 года Шатилов вместе с Крутовским, Новосёловым, Якушевым по распоряжению деятелей Административного совета Временного сибирского правительства был арестован и подал прошение об отставке под угрозой расстрела.

Декабрь 1918 и почти весь 1919 год он являлся уполномоченным Сибирского союза земств и городов (Сибземгора). Затем до 1922 года включительно работал научным сотрудником кафедры «Туземное право и быт» Томского университета. Трижды, в 1920, 1921 и 1931 годах, подвергался арестам, но до отсидки дело не доходило. В декабре 1923 года опубликовал в томской газете «Красное знамя» покаянное письмо, сообщив, что «фактически выбыл из партии соц.-рев. в конце 1919 года», «пришёл к разочарованию в политической деятельности и к состоянию пассивности».

Свыше десяти лет Михаил Бонифатьевич возглавлял Томский краевой музей, внёс значительный вклад в научную организацию его работы. Шатилов проявил себя здесь и как учёный-этнограф. В 1924 и 1926 годах провёл этнографические экспедиции в Нарымском крае и на реке Вах, откуда привёз селькупские, эвенкийские и хантыйские бытовые предметы. Обобщённый этнографический материал лёг в основу монографии «Ваховские остяки». В конце 1920-х годов он настойчиво изучал жизнь и быт русского населения в бассейнах рек Чулым и Шегарка, собрал обширные коллекции для Томского краеведческого музея, являлся активным членом Общества изучения Томского края при музее.

В апреле 1933 года Михаила Шатилова обвинили в участии в противоправной деятельности по сфабрикованному делу о «контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации». 5 августа 1933 года он был приговорён коллегией ОГПУ СССР «на 10 лет без права переписки». Наказание

отбывал на Соловках. А спустя четыре года его отозвали в Ленинград, где 25 ноября 1937 года Шатилова приговорили к расстрелу, который состоялся 12 декабря 1937 года.

На Алтае имя Михаила Бонифатьевича до недавнего времени было совершенно забыто, а в Томском областном краеведческом музее ежегодно проводятся Шатиловские чтения. К тому же он носит имя уроженца Алтая. 26 сентября 2012 года на здании музея открыта мемориальная доска, посвящённая Шатилову.

Томский писатель Владимир Крюков, опубликовавший в 1992 году в № 5 журнала «Северо-Восток» статью «Судьба Михаила Шатилова», вскоре получил письмо от внучки бывшего министра туземных дел, жительницы Новокузнецка Натальи Михайловны Дёминой. Она сообщала, что её бабушка (вдова Михаила Шатилова) Ольга Александровна с детьми – Галиной (её мамой) и сыном Игорем после ареста Михаила Бонифатьевича уехала в Сталинск (Новокузнецк). Бабушка умерла в 1967 году, мать – в 1987-м. Все Шатиловы-Дёмины получили высшее образование.

А сын Шатилова – Игорь Михайлович – по профессии геолог, умер в возрасте 40 лет в Новоалтайске. В его семье росли три дочери: Ольга, Ирина и Людмила. Все они позже имели сыновей.

Таким образом, одна из генеалогических линий Михаила Бонифатьевича всё же тянется на родной для него Алтай. Но сколько я ни пытался разыскать в Новоалтайске потомков министра Шатилова, мне это не удавалось. И хотя люди с такой фамилией проживают в этом городе, я понимал, что его внучки, скорей всего, выйдя замуж, сменили фамилии.

Развязка наступила неожиданно. Спустя какое-то время после выхода моей книги «Неизвестный Алтай. Наши министры» мне позвонила Татьяна Копылова, заведующая отделом краеведения Новоалтайской городской библиотеки имени Леонида Мерзликина, и заинтриговала:

– Хочу познакомить вас с потомком одного из министров, о котором вы рассказали в своей книге, – заявила она. – Причём она работает в нашем коллективе...

Должен сказать, что коллектив новоалтайской библиотеки я знаю, поскольку там не раз проводились мои встречи с читателями. Нетрудно догадаться, что вскоре я беседовал аж с двумя внучками Михаила Шатилова – библиотекарем Ольгой Копытиной и её сестрой, бывшей учительницей Людмилой Петиной.

Они поведали мне, что их отец Игорь Михайлович, как сын «врага народа» был исключён из университета, и после окончания техникума направлен в город Чесноковку (с 1962 года – Новоалтайск). Работал прорабом, инженером в строительном управлении № 20. Весь отдавался работе, но в партию его не принимали. Дети поныне хорошо помнят общественное напряжение в отношении их родителей и их самих. Ничего, казалось бы, существенного, но семья Шатиловых, по представлениям окружающих, чем-то выделялась. Например, тем, что построила хороший дом (что не удивительно, поскольку хозяин был строителем), приобрела первой на улице телевизор, который при-

ходили смотреть соседи. Не растопило лёд недоверия даже то, что Шатилов стал «мотором» в строительстве общественного колодца для жителей улицы. Игорь Михайлович погиб в результате производственной травмы, упав со строительных лесов. Его дочерям в ту пору было от четырёх до 12 лет. Поэтому младшая из них – Ольга – помнит лишь похороны отца, и смутно – его облик. Но их мать сумела одна поднять трёх дочерей, дать им хорошее воспитание и образование.

Свекровь матери Ольга Александровна, вдова бывшего министра, жила в семье дочери Галины в Новокузнецке. Поначалу Ольга Александровна неприязненно относилась к снохе, происходившей из простой семьи из Смоленской области, попавшей в годы войны в оккупацию и чудом избежавшей отправки в Германию. Но затем, после гибели сына, смягчилась к ней. Однако никогда не рассказывала внучкам о судьбе их деда. Лишь твердила: «Это – личное. Это – в памяти». Потом замолкала и принималась курить папиросу...

В их новокузнецкой квартире, между прочим, хранилась картина известного алтайского художника Григория Гуркина, вероятно, подаренная Михаилу Шатилову. Судьба этого произведения алтайским родственникам неизвестна. Им от отца остались лишь старые фотографии первой половины прошлого века.

Конкурс, достойный его памяти

Михаил Михайлович Карбышев известен в Северске не только как замечательный поэт и прозаик, член Союза писателей России, но и как профессиональный музыкант и самодеятельный художник, ветеран Великой Отечественной войны. Он – почётный гражданин Северска.

В честь его 100-летнего юбилея состоялся городской конкурс литературного творчества «От рождения с Родиной связан». Его учредителем выступило управление культуры Администрации ЗАТО Северск, организатором – муниципальное бюджетное учреждение «Центральная городская библиотека».

Для участия в конкурсе приглашались все желающие от 14 лет и старше, ныне живущие в Северске. Заявленные произведения должны были соответствовать теме любви к Родине, так как именно она стала для М. М. Карбышева пропуском в большую литературу.

Конкурс проводился в двух номинациях: «Поэтические произведения» и «Малые формы прозы». Предлагаем вашему вниманию некоторые работы участников конкурса в номинации «Поэтические произведения».

Лариса Кулямина

Пастораль

Запрягу вороных, прокачусь по просторам,
По лугам заливым, где растёт бражный хмель.
Понукая игривых, со свистом задорным
Пронесусь, а за бричкою – пыль, как метель.

До чего же прекрасна сторонка родная!
Дух пьянящей свободы здесь сводит с ума.
Чувство вечной любви к ней внутри закипает,
И его моё сердце впитало сполна.

Мужики на полях косят росные травы,
И, под солнцем устав, пьют ядрёный квасок,
Пусть мозолисты пальцы, ладони шершавы,
Не смутит косарей, им ещё бы глоток.

Колокольный трезвон созывает на службу,
Стар и млад, услышав, помолиться идут.
Разговоры ведут мужики у конюшен,
Ну а бабы в домах караваи пекут.

Ах, Сибирь, моя матушка, ширь да просторы,
Дух дурманит медовый с цветущих полей.
Необъятную даль не окинуть мне взором,
Вороны красавцы, вперёд же, быстрей!

Не поверишь

На раздольных на просторах,
Там, где дух родных полей,
Дом резной за косогором
Под названием «Музей».

Не поверишь, что в деревне
Терем красочный стоит,
Будто в книгах стародревних,
Тайну верно он хранит.

Духом сказочным пропитан
Деревенский скромный быт,
Есть и сито, и корыто,
Короб из щепы висит.

В доме царствует Маланья,
Знает присказки, фольклор,
Что поются на свиданьях
С гармонистом в перебор.

А когда выходит месяц,
Звёзды на небе блестят,
Тут совсем нельзя без песен –
По деревне всей летят.

Молодецкие забавы
Под весёлый громкий смех,
А красавица Любава
Всё вздыхает: «Ох да эх...».

Дорогие раритеты –
Ценность нашей старины.
Лишь в музее те предметы
Да в словах отражены.

Владимир Анохин

Родиной зовётся эта даль

Улетают птицы, улетают,
На крылах уносят грусть-печаль.
Край любимый покидая, знают:
Родиной зовётся эта даль.

Вольный ветер провожает стаю,
Инеем подёрнулись поля.
Вы вернётесь, только снег растает,
Солнышком согреется земля.

Повторится всё опять сначала:
Закурлычат в небе журавли,
Прилетят к родимому причалу,
Прилетят к родимой соль-земле.

Оставляя здесь свою надежду,
Обрели вы здесь свою любовь.
Улетите вы, но, как и прежде,
Возвращаться будете вы вновь.

Улетают птицы, улетают,
На крылах уносят грусть-печаль.
Край любимый покидая, знают:
Родиной зовётся эта даль.

Маргарита Сенчило

Сибирские пейзажи

Милые сибирские пейзажи –
Роща, луг, у горизонта лес.
Пашня разлеглась чернее сажу,
Всё холсты свободы до небес.

Что-то сокровенное в природе
Прячется от посторонних глаз.
Я хозяйка только в огороде,
Не о нём сегодняшней рассказ.

Я дышу живительным простором,
Богом разлитую бирюзой,
Наслаждаюсь беглым разговором
С женщиной, гуляющей с козой.

Россия

Соединить величье с простотой
 Всегда умела матушка-Россия;
 И вечно отличалась красотой
 Лесов, лугов, озёр – сама стихия.

Великих рек водой орошена,
 Рождала, пела, плакала, плясала,
 Была согбенна, гибельно больна,
 Но неизменно снова воскресала.

Сменяя гром войны на тосты пира,
 Не забывай о злодеяньях мира.
 Свечу перед иконой не гаси –
 От огонька светлее на Руси.

Юрий Дубинин**Баллада о городе**

(От Почтового до Северска)

*Не большой, не многолюдный...
 Только хочется сказать,
 Я люблю тебя подспудно,
 Мне тебя совсем не трудно
 Малой родиной назвать.*

Город мой растёт и молодеет,
 А ведь мы ровесники почти.
 Только у меня виски седеют,
 А ему открылись все пути!

Внук включил компьютер, шалунишка,
 Рановато! Погоди, пострел.
 «Дед, а дед! Когда ты был мальчишкой,
 Поиграть как будто не хотел?

Жалко, что ли, дед?...» – И отвернулся.
 Дед затылок только почесал:
 «Я в твои года... – и улыбнулся, –
 Даже телевизора не знал...».

Это нынче всё – как по заказу:
Ананас, фруктовая вода...
Супермаркет – всё, всегда и сразу!
Стройный, модный город!
А тогда...

.....

Появился призраком туманным,
Молча. И на карте не сыскать.
Разрастался тихим, безмянным,
С адресом смешным «Почтовый-5».

Чтоб никто с воды не видел оком,
В глубине, подальше от реки,
Строились в секретности глубокой
Первые военные полки.

Тяготам забот не зная меры,
В дикий край, где лес да целина,
Приезжали жёны офицеров
По приказу: «Требует страна!».

И меня, которому всего-то
Третий год случилось разменять,
Как смогла, укутала заботой
Ко всему приученная мать.

Шёл полсотни пятый год далёкий.
И Почтовый – пятый! Неспроста!
Три пятёрки – балл весьма высокий, –
Добрый знак от Бога и Христа!

Так я рос, мальчишка голопятый,
И без права что-то понимать
Знал одно: нельзя «Почтовый пятый»
Никогда ни с кем упоминать...

.....

Появились площади и зданья,
И совсем прогрессу не в укор
Первые случайные названья
В городе бытуют до сих пор.

По лесу, пугая куропаток,
Пацаны бежали напрямик
В царство парусиновых палаток:
«Парусинки» – там, за бугорком...

Вьются змейкой влажные тропинки,
Сыро. Видно, часто шли дожди...
От «Полянок» – дальше – на «Осинки»...
А «Берёзки» – это позади...

За туманом лёгкой сизой дымки
Показались крыши и дома.
Там, за лесом, прячутся «Кузьминки»,
Видно, знатный парень был Кузьма!

Стоп. А здесь галдеть совсем неловко,
Здесь шумят лишь сосны на ветру.
Как-то так случилось, что «Сосновка»,
Словно когтем, водит по нутру.

Тянется тропа воспоминаний,
Постарела... Но не заросла!
Милых сердцу, трепетных названий
Цвет и запах память сберегла.

И, хотя печалиться не стану, –
Что поделать? Город-то растёт...
Жаль мне земляничную поляну,
Где теперь красуется «Восход».

Жаль багульник с запахом ядрёным,
Жаль рубины клюквинок во мху,
Словно – россыпь на ковре зелёном,
Или на причудливом меху.

Вербы, что весной зацвели,
Мох и деревянные мостки
Спрятали, зарыли, закатали
Под асфальт тяжёлые катки.

Здесь теперь зверинец и аллея,
Славно! И скажу, как на духу,
Я ничуть о прошлом не жалею,
Жалко клюкву спелую – во мху.

Жалко, что порушилась ограда,
В парке меньше любящих сердец.
Жаль, прошли военные парады,
Где чеканным шагом шёл отец...

Светлана Глебова

Северску

Конечно, я тебя не строила,
Здесь просто родилась, живу.
Но на волну твою настроена,
На землю, неба синеву.
Твои проспекты и окраины,
Заводы славные твои
Меня навек любовью ранили,
И я за них веду бои.
Пером сражаясь с бескультурьем,
Я о тебе пишу стихи.
Ведь я живу литературою,
Ей поверяю все грехи.
Тебе, мой Северск, песни сложены,
Красивый город над рекой.
Трудами славу приумножили
Отец и мать, гордясь тобой.
Пусть времена трудны, но верую:
Со мной пройдёшь ты по судьбе.
Твоим я нервом стала, веною,
Всей кровью проросла в тебе.
Ты пахнешь мятой и смородиной,
Встречая летнюю зарю.
Мой Северск, маленькая родина,
За всё тебя благодарю!

Александр Коваленко

Вдохновение

Каждый день смотрю с рассветом
Далеко за окоём,
Бор сосновый – с пиететом,
И замёрзший водоём.

Белой снежностью пустыня
Режет веки, слепит глаз,
Снегирей манит рябина,
Красной гроздью напоказ.

Воздух чист и неподвижен,
Обжигал дыханьем нос.

Лай за речкой еле слышен, –
Голос сторожа донёс.

Я размеренно шагаю,
Тропка вьётся вдоль реки,
Вдохновение впитаю,
Строки нежностью легки.

Волю дам сегодня лире,
Пусть звенит и вдаль, и вширь:
Нет красивей в целом мире
Места, чем моя Сибирь!

Малая Родина

О, Реченск! Детские забавы,
Тайга, купание в пруду,
На стлани три мальчишки браво
Сидят, рыбалят, к ним иду.

И в ряд, нахохлившись, ребята
Изображают молодцов,
А рядом кружка чая с мятой,
И все «таскают» тогунцов.

Проверил дед свою корчажку,
Садок прикрыли лопушки.
Табун лошадок по овражку
В ночное гонят пастушки.

Морошки край, груздей, малины,
Где запах кедра поутру.
Ещё, в нагрузку, край змеиный:
Ползут нахально по двору.

Я вспоминаю наше детство,
Сугробы ростом выше нас.
Скажу, друзья, вам без кокетства:
Нам был не нужен ананас.

Мы заменяли фрукты брюквой,
Кедровый щёлкали орех,
Лечили горло только клюквой,
Лечить же химией был грех.

И, как весной сугробы тают,
Цветы становятся милей,
Так думы рядышком витают
О малой Родине моей!

Галина Семичева

Счастье

Какое счастье – жить в своей стране,
С рябинами и клёнами за домом,
И радоваться солнцу в вышине,
И всполохам грозы за окоёмом!

Какое счастье – чистая вода
В озёрах, реках, малых водоёмах.
Есть счастье в том, что в сёлах, городах
Свой множат род не в замках, не в хоромах.

Какое счастье – сохранённый мир
Ценой любви и воинского долга,
И что мечты, созвучье добрых лир,
В нас широки, как Лена или Волга.

Какое счастье – пить поутру чай,
Дарить добро не горсточкой, ковшами...
Детей и внуков с радостью встречать,
Шалить, как будто стали малышами.

Какое счастье – искренне дружить,
Не обмануться ни в любви, ни в чувствах.
Всего главнее – это просто жить!
А жить уметь – великое искусство!

Лесная дорога

Две колеи лесной дороги.
Мои неспешные шаги.
Забыты напрочь все тревоги.
Вокруг – цветущие жарки!

Ласкают солнышка потоки.
Среди деревьев я будто гном
На колее лесной дороги,
И вспоминаю о былом.

Две колеи – мне не загадка,
Загадка тем, кто не ходил
За хромоногою лошадкой,
Дрова и сено не возил...

Картинки детства плыли, плыли
Из тех моих военных лет,
Когда толпою в лес ходили –
Найти какой-нибудь обед.

Валентина Исаева

Из детства моего

Ещё в детстве любила огромные,
Мёдом пахнущие луга,
Милой речки течение свободное,
В лилиях белых её берега.
Прибегали, купались, смеялись,
И в траве утопала нога.
Дочерна загорали, домой возвращались,
Когда солнце садилось за облака.
Я за то и люблю этот лес придорожный,
Что рукою коснёшься веток слегка –
И увидишь так близко глаза его, ясные,
Словно яркие отсветы этого дня.

Навсегда в моём сердце бывшее осталось,
Рассветы, закаты, костёр у реки.
Подруги из детства, мечты о прекрасном...
Родные места, как вы мне дороги!

За Россию

Дорога жизни связана в узоры,
Живём мы в ожидании весны.
Закончится война, утихнут споры,
Домой вернутся Родины сыны.

А тех, кто не вернётся, помнить вечно
Мы будем в сердце, песнях и стихах.
Но как же это больно бесконечно –
К могилам павших приходить в слезах.

Мы верим: выстоит Россия
И посрамит коварного врага.
И не напрасны будут все усилия –
Мы отстоим, Донбасс, твои права.

Какие парни бьются за Россию!
Они стоят, как крепкая броня.
И молодыми умирают как герои,
И мы их не забудем никогда.

Хочу, чтоб страны перестали воевать,
Ведь все живём мы на одной планете.
Пусть больше песен о любви звучат,
Пусть будут счастливы, спокойны внуки, дети.

2022 г.

Валентина Самойлова

На Синем Утёсе

О чём над речкой обмелевшей
Опять задумался утёс?
А рядом свечкой обгоревшей
Одна из стайки тех берёз,

Что, как невесты в белых платьях,
К реке сбегаются гурьбой,
И в окруженье кедров-братьев
О чём-то шепчутся листвою.

О чём шумит бродяга-ветер,
Лицо и душу освежив?
Как всё же славно жить на свете,
А не над пропастью во ржи.

И воздух, напоённый мятой,
Вдыхать, пьянея без вина,
И головою виноватой
Понять, что Родина – одна.

Одна и в радости, и в горе,
В смятенье нашем и мечте.
Одна в лесу и чистом поле,
И в несказанной красоте.

Матушка Россия

Что ты плачешь, матушка Россия,
Утирая пьяную слезу?
Ты ещё богата и красива,
Вроде бы и плакать ни к чему.

Ты же не принцесса на горошине,
Белоручкой тоже не была.
Что же ты стоишь, моя хорошая,
Хлещешь водку из полуведра.

Травы на лугах стоят не кошены,
И хлеба не убраны стоят.
Полон дом гостей непрошенных,
Всё-то не по-нашему галдят.

Сватают тебя, Россия-матушка,
Обещают досыта кормить,
Выбирай-де сударя, сударушка,
Не впервой ведь замуж выходить.

Под монголом ты была измучена,
И под немцем настрадалась всласть,
Да свои тиранили не хуже их,
Тоже все показывали власть.

Видно, воля просто померещилась,
Вновь хозяин с плёткой у дверей.
Стать хотела Русь свободной женщиной,
Только не дают покоя ей.

Женихи-то жадною оравую
На богатство зарятся Руси,
И накормят досыта отравую
И напоят до смерти они...

1995 г.

Павел Дмитриев

Село Иглаково

На берегу Томи извилистой
Село Иглаково стоит.
Четвёртый век своими трубами,
Как папиросами, дымит.

Там было полсела Иглаковых,
И жизнь размеренно текла,
Пока в июне сорок первого
Как гром, не грянула война.

Ушли мужчины из Иглаково,
Чтоб защитить свою страну.
Из них вернулись лишь немногие
Домой в победную весну.

Назвали улицу центральную
В честь братьев, павших на войне.
Их было пятеро, Иглаковых,
Они свободу дали мне.

Тихонько отворив калитку,
Стою у Вечного огня,
Где с потускневших фотографий
Герои смотрят на меня.

Здесь важно всё: и фотографии,
И холодок чугунных плит,
Где перечислены фамилии
Тех, кто на той войне убит.

И в День Победы по традиции
Приносит им цветы народ,
Присягу принимают мальчики –
Здесь память о войне живёт.

Полвека небо наше мирное,
Давно окончилась война.
Но в День Победы, ветераны,
Свои наденьте ордена.

Седые, но непокорённые,
Ваш строй редееет с каждым днём.
У вас в долгу мы неоплаченным
За то, что на Земле живём.

Лидия Карсакова

Перезвон

Когда я слышу звон колоколов,
Их чистоту и трепетность звучанья,
Освобождаю душу из оков,
Освобождаю сердце от печали.

Так сладостен чарующий язык,
Такой всевышней обладает властью,
Что мысли замирают в этот миг,
И утопаешь в океане счастья.

Их перезвон подобен роднику.
Он чистою стремительною силой
Вливается в единую реку
Божественной мелодии России.

Время пробуждения

Весна России – время пробужденья,
С души ледовый камень отвратила,
И хлынули потоки исцеленья,
Измученной стране давая силы.

Любовь и радость сейте поскорее,
Сама природа дарит вдохновенье.
И солнце лучезарное согреет
Славянского народа поколенья.

И зацветут посевы благодатно,
И переполнят закрома людские,
И увеличит силы многократно
Золотоглавая моя Россия!

Маргарита Перова

Русские алмазы

На Руси великой деда славно жили,
В радости и горе внукам говорили
Сотни поговорок и пословиц мудрых,
Чтоб светлее было детям в буднях трудных.

Там, где крепче дружба, в горе не бросают,
Там любая служба легче протекает.
Дружба, верность, братство – сердцем вы хранимы.
Ни одно богатство с вами несравнимо.

Пусто свято место долго не бывает,
Пустоту, известно, тьма лишь накрывает.
Даже если ложно мир тебя осудит,
Делай то, что должно, будет пусть, что будет.

Зорче видеть око слово вдохновляет
И лететь высоко душу направляет.
Из дали далёкой светят нам алмазы
Поговорок русских и пословиц фразы.

Юрий Малышев

* * *

Родительский домик пустою глазницей
Так жалобно, с болью мне смотрит вослед.
Он стал одинок, как осенняя птица,
Отбившись от стаи на старости лет.

Взмахнуть бы крылами и броситься следом,
И крикнуть вдогонку: «Возьмите меня!».
В ответ только стон, увлекаемый ветром,
И слёзы дождя по окошку звенят...

Россия

Отчизна, Русь моя, Россия!
Так в чём краса твоя и сила?

Быть может, в этих деревеньках
Со сдобным духом из печей,
Где на истёршихся ступеньках
Ждут хлебом-солью в дом гостей?

В разливах, может быть, речушек
Со звоном вешних ручейков?
Их песни молча можно слушать,
Как речи мудрых стариков.

Или в медовом разнотравье,
Когда невестятся луга,
Где ждут любимых на свиданье,
Чтобы услышать слово «Да»?

Ну как без русских тут гармошек,
Без свиста с плясками в притоп,
Частушек, шуток, скоморошек!
Без них и праздник уж не тот.

Да, этим всем живёт Россия!
Она ещё и тем сильна,
Что в ней слились единой силой
И мать, и вера, и жена.

Людмила Косых

* * *

Сторона, сторонushка родная,
Всё луга, озёра да леса.
Нет прекрасней Севера, я знаю,
Там красивей даже небеса.

Созревают на лугах покосы.
Жизнь сельчан заботушкой полна.
Грабли поправляют, вилы, косы,
Для скотинушки готовят закрома.

Там, глядишь, и ягодка поспеет,
Да грибочки позовут народ.
На полях картошечка добреет,
Есть у каждого свой чудо-огород.

Знаю, понаделают в достатке
В зиму заготовки от реки.
Добывать поедут мужики стерлядку,
Попадутся только кострюки.

А потом за стол. И это тоже нужно –
Водка белая, грибочки, потроха.
Песню заведут столом натужно,
Под конец гулянки, как всегда, уха.

Эх, сторонка, берега крутые,
Помнят всё. Прошли те времена.
Где же вы, берёзоньки родные?
Где ты, детства милая страна?

Игорь Вашурин

Я не хотел бы памяти лишиться

Я не хотел бы памяти лишиться,
Порой о многом люди забывают.
А где-то недобитые фашисты
Опять из-под колоды выползают.

Я о таком не думал и не ведал,
Когда под видом помощи гуманной
У нас украсть пытаются Победу
«Заклятые друзья» за океаном.

Весь мир опутав ложью и пиаром,
Своих детей и внуков убедили,
Что не было всемирного пожара
И что они нацистов победили.

А нас хотят поставить на колени,
Не дав ни передышки, ни поблажки,
Скупить пытаясь память поколений
За грязные зелёные бумажки!

А я всё помню – имена и лица,
Сражения и памятные даты,
И как бросали под ноги столице
Фашистские знамёна и штандарты!

Нам память в назидание дана,
И ноют затянувшиеся раны,
И самая кровавая война
На нас глядит глазами ветеранов...

Я не хотел бы памяти лишиться...

Николай Расторгуев**Пой, тальяночка моя**

Поёт тальяночка твоя
Порой вечерней до рассвета,
А с ней поёт земля моя,
Зима поёт, весна и лето!

С ней выживали в холода,
В войне Великой победили,
Была, как пуля для врага,
С бойцами горести делила!

Звала солдат в неравный бой,
О крае милом напевала,
С отцом была, теперь с тобой,
Несётся жизнь и горя мало!

Пускай поёт гармонь твоя –
Она души твоей отрада,
А с ней живёт и Русь моя,
Другого счастья нам не надо!

Надежда Трубачева

* * *

Разве думали мы когда-то,
Что пойдут войной брат на брата,
Будут снова гореть города,
И распустит крылья орда.

Чёрной тучей накроет страну
И закроет солнце, луну,
Лес, луга и просёлки родные,
И поля с зерном золотые.

Снова станет чёрной земля,
Будто в страшных ранах она.
Будет плач стоять над страной,
Ведь опять предстоит ей одной

Защищать целый мир на планете,
Чтобы люди остались на свете.
Снова скажет Родина-Мать:
«Надо, дети, меня отстоять!».

Пусть узнает вся эта орда:
Да, Россия бывает добра,
Но Россию нельзя унижать,
Её гордость нельзя растоптать.

И плечом ко плечу станет рать:
Будем Родину-Мать защищать!
Не дадим растоптать врагам,
Что досталось от предков нам.

Сергей Шатров

Детство

Мне десять лет, и лето на дворе.
Забрезжит чуть рассвет,
А я уж на рыбалке.
В росе трава сияет в серебре,
Уверен, будет клёв, ну не ходи к гадалке!

Пастух закурит – спички яркий свет.
В луга бурёнки шествуют лениво.
В полнеба розовым рассвет,
Глаза не отвести – красиво!

Ах, детство школьное моё,
Во снах приходишь ко мне часто,
Где колет ноги босые жнивье,
Что ж, будем в грёзах мы встречаться.

Денис Романов

Русь

Люблю твои просторы, Русь!
Озёр таёжных взгляды.
Твою берёзовую грусть,
Черёмух снегопады.

Мила твоей сирени гроздь,
Цветные медоносы.
Росы серебряная горсть
Да пряные покосы.

Восхода дрёмная вуаль,
Дней алые закаты.
Люблю я звёзд твоих хрусталь,
Гроз буйные раскаты.

Дорог твоих таится даль.
Там сладко курят бани,
Сосны кедровой всюду шаль
И елей сарафаны.

Губами нежно я коснусь
Ручья звенящей ряби.
Припавши, допяна напьюсь
Твоей студёной влаги.

Я за тебя одну молюсь,
Очей моих отрада.
Тебя судить я не берусь,
Тебя любить – награда!

**Дмитрий Викторович
БАРЧУК**

Родился в 1962 году в городе Павлодаре (Казахстан). Окончил отделение журналистики филологического факультета и экономический факультет ТГУ. Работал в областных газетах Томска и Ростова-на-Дону. Преподавал культурологию и экономические дисциплины в томских вузах.

Член Союзов журналистов СССР и России. Член Союза писателей России. Лауреат Губернаторской литературной премии 2020 года за роман «Занесённые снегом».

Живёт в Томске.

**Евгений Анатольевич
ВЯЗАНЦЕВ**

Родился в 1948 году в Новоалтайске Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор восьми книг лирики, поэм, стихотворений в прозе и афоризмов. Две поэтические книги вышли в Сербии на сербском языке. Почётный член Союза писателей Сербии.

Живёт в Барнауле.

**Александр Борисович
КЕРДАН**

Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Полковник в отставке. Доктор культурологии. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор 79 книг стихов и прозы, вышедших в России, США и Азербайджане. Стихи и проза переводились на белорусский, башкирский, английский, немецкий, итальянский, болгарский и другие языки. Лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Награждён орденом Дружбы и многими медалями.

Живёт в Екатеринбурге.

**Елена Николаевна
КИРИЛЛОВА**

Родилась в Хабаровске. Окончила Томский госуниверситет – физический и психологический факультеты. Кандидат физико-математических наук. Доцент Томского педагогического университета. Член Союза российских писателей. Председатель томского представительства СРП. Автор пяти поэтических сборников. Публикации в различных российских журналах и альманахах.

Живёт и работает в Томске.

**Галина Ивановна
КЛИМОВСКАЯ**

Родилась в Сталинске (ныне Новокузнецк). Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Доктор филологических наук. Труды по социолингвистике, стилистике художественной речи, синлексике русского языка. Автор учебных пособий по старославянскому языку и современной русской орфографии.

Автор поэтических книг и сборника избранных стихотворений «На том берегу» (2019). Автор повестей «Синий дым Китая», «Онка», «На всесторонней», «Согра», «Уфо», «Петербургские этюды» и других.

Живёт в Томске.

**Владимир Иванович
КОЗУБОВ**

Родился в 1949 году в посёлке Соколовка Алтайского края. В 1969 году окончил Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «Гидрогеология и инженерная геология». Служил в Советской Армии. Работал в гидрогеологических экспедициях, на Алтайской опытно-мелиоративной станции, в КБ по водоснабжению пастбищ (г. Чимкент). В настоящее время – пенсионер.

Печатался в журналах «Книжный клуб», «Воин России», в коллективных

поэтических сборниках. Неоднократно публиковался в журнале «Начало века».

Авторский сборник стихов «Амплитуда» (2011). Сборник рассказов «Перпендикуляры к плоскости бытия» (2015). Персональный сайт автора: <http://ieti.narod.ru/>

Живёт в Томске.

**Сергей Григорьевич
МАКСИМОВ**

Родился в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончил театральное отделение Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Писатель, поэт, режиссёр. Член Союза писателей России.

Приобрёл широкую известность после выхода в свет сборников стихов «Концерт без заявок» (1994), «Образ жизни» (1999 и 2004), альбома военно-патриотических песен «Заказ спецназа» (2007), завоевавшего заслуженную популярность среди солдат и офицеров Российской Армии, а также исторических романов «След грифона», «Цепь грифона» и «Путь грифона» (2010–2013) серии «Великая судьба России».

Живёт и работает в Томске.

**Татьяна Ефремовна
МЕЙКО**

Родилась в Томске. Окончила отделение журналистики ТГУ и Высшие курсы литературного института имени А. М. Горького. Член Союза писателей России с 1994 года.

Публиковалась в альманахе «Парус», в журналах «Мир женщины», «Сибирские огни», «День и ночь», в различных газетах и журналах, а также коллективных сборниках России, Германии и ближнего зарубежья. Автор более десяти книг. С 2001 года ведёт занятия в литературной студии «ЮГ» в Доме детского творчества «У Белого озера».

Живёт в Томске.

**Анатолий Степанович
МУРАВЛЁВ**

Родился 24 июля 1951 года в селе Кольванское Павловского района Алтайского края. Окончил два вуза. Около 40 лет работал в СМИ Алтайского края. Член Союза писателей России с 2016 года (членский билет № 74361/04). Автор 11 книг документальной серии «Неизвестный Алтай», многих других произведений. Лауреат премии Алтайского края.

Живёт в Барнауле.

**Арсен Борисович
ТИТОВ**

Родился в 1948 году, окончил исторический факультет Уральского государственного университета, член Союза российских писателей с 1994 года, председатель правления Екатеринбургского отделения СРП. С 2009 года сопредседатель СРП.

Автор многих публикаций в России и за рубежом. 33 отдельных издания прозы. Переводился на несколько языков. Лауреат литературной премии имени Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

Живёт в Екатеринбурге.

**Андрей Валерьевич
ХАРЛАМОВ**

Родился в 1985 году в Хабаровске. Вырос и окончил среднюю школу в городе Кокшетау (Казахстан). После школы переехал в город Омск, где обучался на медико-профилактическом факультете Омской государственной медицинской академии. Там же, в Омске, начал писать стихи и читать их на сцене вместе с музыкантами группы Fugu Club. Автор книг стихов «Мне снился океан», «Следы на ступенях», «Дневник неизвестного», «Зебра», «5». Победитель томского поэтического турнира «Предназначено на СЛЭМ» 2022 года.

В настоящее время живёт и работает в Северске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

О. Чайковская

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2023 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 23.03.2023 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1